

КЭТИ С. БАРТОН

АВТОР СЕРИИ-БЕСТСЕЛЛЕРА "СИЛА ПРИРОДЫ"

ХАН

ПАРНИ БОУЭН
КНИГА 2

Внимание!

Текст книги переведён исключительно с целью ознакомления, не для получения материальной выгоды. Любое коммерческое или иное использование кроме ознакомительного чтения запрещено.

Любое копирование без ссылки на переводчика и группу запрещено.

Издатели перевода не несут ответственности за распространение его в сети.

Автор: Кэти С. Бартон

Книга: Хан

Серия: Парни Боуэн, книга 2

главы: 20 глав

переводчик: *Eva Morgenstern*

редактор: *Женечка*

обложка: *Wolf A.*

вычитка: *Женечка*

специально для группы: ☆Золочевская Ирина || Б.Б. Рейд☆

АННОТАЦИЯ

– Это она?

Стоя спиной к брату, Хан отрицательно покачал головой.

– Уверен? На тебе её запах. И, если ты всё же не пытаешься сейчас мне соврать – думаю, ты не будешь возражать, если мы с Кэйтлинн увезём её с собой в Вашингтон?

Всего миг, и Хан повалил наземь Уокера, нависнув над мужчиной,

сомкнув на его горле свою крепкую хватку. Едва осознав собственный поступок, оборотень, отшатнувшись, поднялся на ноги, и, отступив, посмотрел на своих братьев.

– Я не собираюсь заявлять на неё свои права. Все вы знаете моё мнение на этот счёт, и повторяю: нас с ней ничего связывать не будет. И ни один из вас не сможет заставить меня передумать, – поняв, насколько глупо звучала его речь, Хан смутился. – Я уйду домой, и прошу оставить меня в покое. И, Уокер, мне плевать. Ты можешь увезти её.

Хан Боуэн не хотел пару, особенно, если та была человеком. Он отталкивал девушку на каждом шагу, но... Как ни старайся, ему не под силу отпустить её.

Монике Престон не чуждо чувство боли – жизнь далеко не впервые подбрасывает ей этот «подарок». Кажется, стоит ей только вновь задуматься о побеге, Тони Бэрру – одержимому мыслью об убийстве сталкера, – удаётся выследить её. И каждый раз он преследует одну и ту же цель – причинить ей боль.

Босс Моника, Марк Боуэн, находит изувеченную девушку, и помогает скрыться от преследования, отвезя её к себе домой. Но, всё, чего она жаждет – уехать. Ведь Тони не остановится, и он убьёт каждого на своём пути, кто решит помешать ему добраться до своей жертвы.

Каждый раз, когда Хан оказывается рядом с ней, Моника не может удержать себя от того, чтобы раздражённо не закатить глаза. Этот человек не знает, что такое «попросить» – он умеет только «приказывать». Как бы там ни было, ей не нужна пара. Но, стоит её диктатору позволить себе довериться ей, раскрыв тайну и выпустив на свободу свою пантеру – девушка находит в оборотне и совсем иную сторону – и такому Хану Боуэну она вполне могла бы подарить собственное сердце. Если только не убьёт несносного мужчину раньше.

Атмосфера вокруг накаляется, когда в своих попытках найти Моника, Тони оставляет после себя всё больше тел. В своей извращённой

реальности сталкер находит Престон решением всех своих бед и проблем. И он не остановится, пока не получит её.

Горячий секс, опасность и интрига - по пятам следуют за вспыльчивой парочкой. Смогут ли они держаться подальше от Тони? Сможет ли Хан уберечь свою пару от опасности, или Бэрр всё же сделает свой последний ход?

Глава 1

Взглянув на свой задний двор, Хан увидел резвящихся на своей лужайке оленей. Мужчина долго скрывался в стенах дома, и животные, воспользовавшись этим, устроили на его собственности игровое поле. Отвернувшись от этого зрелища, оборотень почувствовал недовольство своей кошки – ей хотелось, вырвавшись на свободу, открыть на них охоту. Но Хан, сдерживая хищника внутри себя, направился в гостиную, посмотрев совсем иным взглядом на открывшийся ему по пути вид.

Его дом превратился в свинарник. Пожалуй, и пахло в нём так же. Но оборотень настолько погрузился в себя, что попросту не замечал этого. Вот почему Хан приказал своей матери держаться подальше – если бы Коррин увидела, во что превратилось это место, то задала бы ему хорошую трёпку. Но лидер группы скрывался ото всех.

Три месяца назад Уокер вместе с Кэйтлинн отправились в свой

медовый месяц, и за всё это время Хан так и не покинул дом. Оборотень даже не выходил на пробежку вместе со своими братьями. Только с приходом темноты, он забирал свою почту, а после – быстро возвращался в своё укрытие. Мужчина ненавидел это, но так его шансы встретить свою пару сводились к минимуму.

Кэйтлинн – пара его брата, сказала Хану, что тот обязательно встретит свою вторую половинку, и та будет человеком. Нет, девушка не обладала даром ясновидения или что-то вроде того, но она неустанно напоминала оборотню о своих словах при каждой встрече. Хан достаточно неплохо поладил с Линн, но мужчина не собирался позволить ещё одному человеку стать членом их группы.

Телефонный звонок испугал Хана, вырвав из пучины размышлений, но мужчина решил проигнорировать свой сотовый. Скорее всего, это вновь был один из его братьев, и, по правде говоря, лидер группы был не в настроении для разговора. Он останется здесь, пока все не уяснят, что Хан Боуэн не собирается брать себе пару, и не оставят его в покое. И когда кто-то позвонил в дверь, оборотень едва ли сдержал крик – неизвестный визитёр звонил в дверь с таким упорством, словно это было частью его работы.

Открыв дверь, мужчина был готов просто зарычать гостю в лицо, когда внезапно вокруг него, в объятии, сомкнулись женские руки, а нежные губы прикоснулись к его щеке. Хан тщетно попытался оттолкнуть Кэйтлинн, но та была намного сильнее, чем выглядела. Наконец, заметив Уокера, мужчина попросил брата утихомирить его женщину.

– Женщину, да? Думаю, в наших взаимоотношениях, мы ещё не продвинулись к тому, чтобы ты называл меня по имени. Но не важно. Я всё так же скучала по тебе.

Войдя в дом, Кэйтлинн направилась в гостиную, словно была в этом доме полноправной хозяйкой. Может, так и было. И Хан собирался позже поговорить с ней об этом.

– Почему бы и нет, почувствуй себя, как дома, – когда Уокер рассмеялся, мужчина мрачно посмотрел на него. – Это не смешно. Когда ты позвонил этим утром, я сказал тебе отвалить. В любом случае, что ты здесь делаешь?

– Ты воняешь, – Хан не сдержал рык в ответ на фразу Кэйтлинн. – И твой дом похож на общежитие. Хотя, думаю, в общежитии всё же пахнет получше. Чем ты, чёрт возьми, занимался всё это время?

– Я занимался своими делами, как, чёрт возьми, и ты в своё время. Выметайся отсюда, – мужчина вырвал из рук своей невестки коробку с хлопьями, поставив ту рядом с остальными. – Скажи мне, что тебе нужно, а потом уходи. Думаю, я совершенно ясно дал понять, что мой дом...

– Да-да-да. Это твоя собственность. И что? Нам нужно поговорить с тобой, и я не могу сделать это здесь. Нет, если ты, конечно же, хочешь, чтобы я разбавила весь декор своей блевотиной... Господи, я думала, что у тебя яйца побольше, и ты не будешь прятаться здесь, как какой-то отшельник. – Линн перешла с гостиной в кухню. – Я жду тебя.

Хан посмотрел на Уокера, что за всё время не произнёс и слова, только совершенно по-идиотски улыбался. Он не знал, то ли разбить брату нос, чтобы заставить Кэйтлинн разозлиться на него, то ли просто выставить эту парочку прочь из дома.

– Тебе лучше пойти туда. Если там обстановка вдвое хуже, чем здесь – Кэйт, скорее всего, позвонит в клининговую службу.

Осмотрев беспорядок вокруг, Хан понял, что дела на кухне всё же обстоят хуже, так что молча последовал за невесткой.

– Ага. Сегодня, если это возможно. Я заплачу Вам свыше, потому что Вам может понадобиться дополнительная помощь. Здесь всё застоялось, – когда женщина закончила разговор, Хан только и мог, что молча смотреть на неё. – Тебе должно быть стыдно за это. Что, чёрт возьми, сказала бы твоя мать?

– Ты же понимаешь, что я не позволил бы им войти, не так ли? Ты могла бы позвонить и им, сказав, чтобы не приходили. Мой дом

принадлежит только мне.

В ответ на его возмущение, его невестка, улыбаясь, устроилась на стуле.

– Кэйтлинн, я не шучу с тобой.

– Знаешь, это печально. Я знаю, что ты не шутишь. Но я не могу навещать тебя пока здесь такой бардак, – Уокер вошёл в комнату, подарив свой паре очаровательную улыбку. – Тебе лучше присесть, у нас есть для тебя новости.

Хан последовал совету женщины, ведь спорить с ней – бесполезное дело, в чём Боуэн уже давно убедился. И, стоит Кэйтлинн рассказать, что всё же она от него хочет – оборотень без промедления потребует, чтобы та отозвала уборщиков, а после – обсудит чудодейственное состояние его денежного счёта.

– У нас с Уокером будет ребёнок.

Хан кивнул, и, взяв стопку посуды из рук Уокера, передал её Кэйтлинн.

– Я хотела рассказать тебе первому, а потом уже маме с папой, да и всем остальным заодно. Мы приехали сюда, потому что до нас дошли слухи, что ты и вовсе отказался покидать собственный дом.

– Я пытался всё обдумать, – Хан смутился, когда его брат, подняв бровь, показательно осмотрел комнату. – Признаю, уборки не было в моём списке.

Кэйтлинн фыркнула, а Уокер тихо хмыкнул.

– Мне кажется, что в твоём списке не было всего, что связано с чистотой. Почему бы тебе не нанять кого-то, чтобы они убрались здесь? Ты же знаешь, что у нас достаточно для этого денег, идиот.

Это заставило Хана вспомнить о банковской выписке.

– Ты положила на мой счёт деньги, и я хочу, чтобы ты сняла их обратно. И мои тоже. Я хочу, чтобы ты прекратила перечислять их мне. Я в состоянии оплачивать счета самостоятельно.

– Конечно же, – Хан подумал, что этот тон напоминает ему тот, каким разговаривают с десятилетним ребёнком. – На твоём месте, я бы не забывала, что я всё ещё в состоянии надрать тебе задницу. Сейчас я гормонально не стабильна, и ты не сказал ни слова о ребёнке. Хан, неужели ты настолько упрям, что не можешь даже порадоваться за нас?

А после Кэйтлинн Боуэн сделала то, что оборотень уж точно никак не ожидал увидеть – она расплакалась. Уокер, не моргнув и глазом, забрал из рук своей пары грязную тарелку, а после – молча обнял Линн. Хан был рад, что сидел, потому что он не был уверен, что сможет устоять на ногах.

– Ей сложно управлять своими эмоциями. Я говорил, что это пройдет, но Кэйтлинн трудно всё ещё справиться с этим.

В ответ на эти объяснения, Хан лишь кивнул.

– Во всяком случае, сейчас дела обстоят лучше, чем неделю назад, но для нас это ещё проблемный вопрос.

– Не для меня. Я в полном порядке. До того момента, как какой-то мудака не решит расстроить меня.

Встав, и чуть придя в себя, Кэтлинн вернулась к прерванному занятию.

– Что касается твоих денег – делай с ними всё, что захочешь. Они твои, но знай – я не перестану делать то, что делаю. И я наслаждаюсь этим. И ты тоже смог, если бы хоть иногда выходил из дома.

Хан даже не пошевелился, когда Линн направилась открывать дверь. Он знал, что прибыла клининг-команда, и задался вопросом, сколько денег женщина им пообещала, раз работники оказались на его территории уже в течение часа. Мужчина встал на ноги, едва ли услышав приближение чужаков.

– Хочу пробежаться. Вот теперь я не откажусь убраться отсюда подальше.

Направившись к дери, Хан молча покинул дом, даже не осознавая того, что его брат беспрекословно последовал за ним. И, по правде говоря,

лидер группы был даже рад этому – рядом с ним будет тот, кто сможет присмотреть за женщинами... Чужаками.

Братья почти час пробыли в лесу, когда Хан наконец-то выдохся. Почти всё это время они бежали, и в разговоре между ними не было ничего, кроме, как «пойдём этим путём» или «хорошо». Пока паника от присутствия кого-то постороннего в его доме не заставила Хана сбежать – мужчина не осознавал, насколько нужной была ему эта пробежка.

Сделав перерыв, мужчины обратились, остановившись недалеко от имения.

– Кэйтлинн неловко, что она выгнала тебя с твоего же дома. Я сказал ей, что это из-за того, что тебе стыдно из-за беспорядка внутри. Линн просила передать, что, если ты подождёшь ещё пару часов, она уйдёт, как только внутри всё будет сиять от чистоты.

Хан не смотрел на Уокера, но его мучила необходимость объясниться. Взяв горсть камушков, он принялся запускать их по неподвижной воде. Ему нужно было с кем-то поговорить.

– Я схожу с ума от беспокойства, что моя пара постучит в мои двери. И окажется человеком.

Лидер группы запустил ещё два камушка в ожидании реакции на собственные слова.

– Не знаю, что и сказать. Но, Хан, ты всё время сидишь взаперти. И проживаешь свою жизнь так, словно хочешь уберечь себя от встречи с ней. Мне кажется, что здесь замешано намного больше, чем твоё решение о затворничестве.

Мужчина промолчал, наблюдая за тем, как камушек Уокера семнадцать раз отскочил от воды – он считал, желая занять себя чем-нибудь. А после его собеседник продолжил:

– Мне звонила мама, ещё до нашего отъезда с Франции.

Хан решил, что рано или поздно, Коррин позвонит и ему.

– Что она тебе сказала? Что мне нужно взять на себя обязательства?

Что я прошёл через омут? Уверяю тебя, это не так.

Уокер предпочёл не комментировать сказанное, за что оборотень был благодарен ему. Час спустя братья направились домой. Хан знал, что ранил Кэйтлинн своим поведением. И он искренне сожалел об этом, но эта женщина попросту испугала его своим предсказанием. – Если я встречу свою пару и слова Кэйтлинн сбудутся – мне никогда не смириться с этим, не так ли?

Заслышав смех Уокера, мужчина бросил на него вопросительный взгляд.

– Нет. И, как она сказала парой месяцев ранее, Кэйтлинн будет злорадствовать, пока ты не скажешь ей, что она была права.

Когда Боуэны уже были на подходе к его дому, Хан заметил на своей подъездной дорожке пять фургонов и два легковых автомобиля. Похоже, его невестка вызвала всю компанию.

– Пожалуй, если это произойдёт, я должен буду сказать Кэйтлинн, что она была права во всём, – Уокер согласился с этим, и оба мужчины наблюдали за тем, как люди, в основном это оказались женщины, облачённые в простые джинсы и футболки, покидали дом Хана. – Уокер?

– Я знаю, Хан. Знаю, что ты боишься пройти через всю эту боль ещё раз – и я не виню тебя. Но, если ты просто дашь девушке – любой девушке, – шанс... Ты убедишься в том, что то, что сможешь получить взамен – окажется чертовски удивительным.

Джордж не мог перестать улыбаться. Внук. Уокер и Кэйтлинн собирались подарить ему внука. Взяв свою пару за руку, мужчина улыбнулся ей. Они разбалуют этого малыша.

Мужчина посмотрел на Хана, и от него не укрылось, насколько сильно похудел его сын. Навскидку, кажется он потерял около тридцати

фунтов (*примерно 13,6 кг – прим. переводчика*). Вес, который тот не должен был потерять. Кэйтлинн села рядом с Джорджем, вручив мужчине ярко упакованный подарок. Женщина начала раздавать их, едва семья вышла из-за стола – это был уже его третий или четвёртый подарок.

– Ты должна прекратить это. Ты подарила нам и так слишком много.

Джордж разорвал бумагу, как это делают маленькие дети. Он любил получать подарки.

– Я знаю, как ты ненавидишь весь этот ажиотаж, но мы повеселились, делая эти покупки. И хоть я уже бывала там по делам, но это впервые, когда я посетила это место всего лишь ради веселья, – Линн передала Коррин похожую упаковку. – Знаете, что в Японии обожают кошек? Вот где мы достали это.

Это был медальон. Посмотрев на него под лучами света, мужчина увидел, что на украшении выгравирована кошка. Рассмотрев её тёмные очертания, он понял, что это была пантера. У Коррин был такой же. Её был на цепочке, чтобы носить на шее, а его – прикреплён к красивым карманным часам. Спрятав подарок в кармашек, Джордж поцеловал Линн в щеку.

Он наблюдал за тем, как его невестка передвигается по комнате. Её живот едва-едва стал заметен. Джордж ничего не сказал на этот счёт, потому что Линн очень остро воспринимала это. Например, когда мужчина сказал ей о том, что скучал по ней – женщина расплакалась. И когда Коррин подала ей фруктовый салат, вместо листового, что был у всех – она тоже заплакала. Уокер сказал им, что с его парой всё в порядке – виной всему всего лишь гормоны. И, по правде сказать, Джордж надеялся, что на этом всё и закончится.

Уокер тоже наблюдал за Кэйтлинн. Он выглядел настолько счастливым, что Джордж едва удержался от того, чтобы не станцевать джигу. И тот факт, что его сын со своей женой привели с собой и Хана, только привнесло радости в этот вечер. Когда Коррин коснулась его руки,

Джордж перевёл взгляд на свою пару.

– Старый дурак, прислушайся к тому, что они обсуждают. Не знаю, что нашло на них, – она кивнула на Рида и Марка. – Они всё больше ругаются, и я собираюсь отправить их в гараж.

Мальчишки почти всю неделю о чём-то спорили. Джордж не мог заставить ни одного из них рассказать ему, в чём дело, но теперь с него было достаточно. Его сыновья расстроили свою мать. Но прежде, чем мужчина смог подняться на ноги и положить этому конец, за него это сделала Кэйтлинн.

Она выбила стул из-под Марка, после наступив тому на горло. И прежде, чем Рид смог уйти из зоны её досягаемости, она уложила и его. Джордж знал, что ни один из них не навредит Линн, но он всё же встал, чтобы сказать ей - позволить ему самому позаботиться об этом. И в это время мужчина заметил краем глаза, что его старший сын, Хан, тоже поднялся на ноги.

– Я здесь всего два часа, но всё это время вы то и делаете, что ссоритесь. Что, чёрт возьми, происходит? – Кэйтлинн вытащила пистолет, направив его на Рида, когда тот начал подниматься. – Я не в настроении шутить с тобой, молодой человек. Или вы двое расскажете мне, что происходит, или я начну отстреливать то, что делает вас мужчинами. Слышала, они восстанавливаются так же хорошо, как и всё остальное.

– Он сказал мне, что ты не позволишь мне работать с ЦРУ, и что ты даже не собиралась сообщить мне об этом до своего отъезда.

Рид звучал более, чем безумно, и Линн, очевидно, понимала это.

– Поэтому, вместо того, чтобы подойти ко мне и спросить, ты позволил ему издеваться над собой, когда мы с твоим братом вернулись домой? Ты идиот. – Кэйтлинн убрала ногу от лица Марка, чтобы посмотреть на него, а после – вернула обратно. – А ты. Что за хрень? Тебе больше нечем заняться, как докапываться до него? Хочешь, я найду тебе работу?

– Нет. Но... – Марк посмотрел на брата, а потом вновь перевёл взгляд на неё, и Джордж понял, что хотел сказать его сын. – Почему он может получить эту работу, а я – нет?

Женщина отступила от Марка, убрав пистолет. Велев братьям встать, Кэйтлинн отступила назад на несколько шагов, скрестив руки на груди. Она постукивала ногой о пол, что выдавало её раздражение.

– Ты хочешь работу. Что же, превосходно. Думаю, ты получил её. Или та маленькая следственная штука, которой ты занимаешься – не работа? Ты весь день просиживаешь в своём офисе и ешь конфеты? – Марк покачал головой, впившись в женщину взглядом. – Опять же, почему ты не подошёл ко мне и не спросил?

– Ты уехала, – Марк бросил взгляд на брата, а потом вновь уставился в пол. – Извини, но мне действительно нечем заняться. Мой бизнес в большей мере работает сам по себе, и с деньгами, которые ты вложила в мой профиль, мне не стоит докапываться к каждой мелочи. Мне скучно.

Ему стоило сказать ей это, она поняла бы. Когда Линн начала рассказывать по комнате, Джордж заметил, что другие его сыновья, Дилан и Себастьян, присели рядом с Марком и Ридом. Это означало, что каждый из них не отказался бы получить кое-какую работу.

– И что мне, чёрт возьми, делать с четырьмя маленькими мальчиками?

Каждый из братьев готов было протестовать, но Кэтлинн остановила их, подняв руку.

– Вы мальчишки. Только мальчишка будет сидеть и скулить о том, что ему нечего делать. Только маленькие дети будут подначивать другого ребёнка, чтобы вывести его из себя. Хотите работу? Тогда, чёрт возьми, найдите её. Вы думаете, моя досталась мне просто так? Нет. Не досталась. Мне пришлось пойти в колледж и работать над собой. Думаете, женщине было легко добиться того, что сейчас у меня есть? Нет. Ни черта подобного.

Каждый из братьев Боуэн, опустив голову, уставился в пол. Взглянув

на двух своих оставшихся сыновей, Джордж увидел, что и те тихо посмеиваются. Коррин прикоснулась к его плечу.

– Она будет отличной матерью. Возможно, ей нужно будет подчистить свой лексикон, но она будет его любить.

Джордж кивнул на замечание своей пары.

– Не могу дождаться, когда возьму его на руки.

Мужчина не стал ничего говорить, но он хотел внучку. Мальчиков у него и так было предостаточно. Вне сомнений, оборотень любил своих сыновей, но он хотел, чтобы маленькая внучка разбавила их общество, общаясь с ним. Он посмотрел на Коррин, желая поделиться своими мечтами, когда Кэйтлинн заговорила вновь:

– С завтрашнего утра каждый из вас приобщится к строительной бригаде на земле Уокера. И, если я услышу хотя бы одно крошечное возражение – то превращу ваши жизни в проклятый ад на целый месяц.

Марк уже начал протестовать, но осёкся. Джорджу было не видно лицо Кэйтлинн, но он был уверен, что та многозначительно приподняла бровь.

Мужчина видел, как она проделывает это с Уокером. Ей было достаточно просто приподнять бровь, и огромный сильный оборотень отступал, лишь бы сделать свою женщину счастливой. Его мальчики тоже так делали, но у Кэйтлинн была определённая власть над ними, что те ещё не совсем уяснили. Это был фактор матери.

Он был свойственен каждой женщине, зачавшей новую жизнь – и это было невозможно не заметить. Джордж смотрел на то, как мальчишки продолжают сидеть на своих местах, даже спустя пару минут, как Кэйтлинн вышла из комнаты. Оборотень собрался последовать за своей невесткой, когда Хан приблизился к своим братьям.

– Вы заставили её плакать, счастливы? – Каждый из братьев посмотрел вслед Линн, прежде, чем вновь опустить покаянно голову. – Если я услышу, что вы вновь провернули это – то объявлю охоту на

каждого, и заставлю сожалеть о содеянном до конца ваших дней. Я ясно выразился?

Они кивнули, ответив своему лидеру согласием. Уокеру даже не нужно было говорить что-то братьям – он просто посмотрел на мужчин снизу-вверх. Стыд был наихудшим из всех наказаний, и эти двое хорошенько пропесочили своих жертв. Джордж откинулся на спинку дивана, решив, что сам тоже присоединится к сыновьям уже только ради того, чтобы увидеть, на что пойдут его мальчики, чтобы угодить своей невестке.

ГЛАВА 2

Марк наблюдал за тем, как приближается его брат. Только тогда, когда тот чуть повернулся влево, чтобы ответить подошедшей медсестре, мужчина заметил, что Уокер взял с собой и Кэйтлинн. Всё пойдёт совсем не так, как он надеялся. И, конечно же, его невестка направлялась прямо к нему, Марку, не выглядя при этом счастливой.

– Где она?

Марк не ответил на её слова, но приветственно кивнул Уокеру.

– Он сказал мне, что тебя и твою пантеру потрепали. Это твой способ увильнуть от завтрашней работы?

Мужчина совсем забыл об этом.

– Нет. И это было сегодня. Я единственный оказался поблизости, а ей нужна была помощь. И, видимо, больше, чем нам.

Из города поступил запрос на исследование местной мусорной компании. Люди жаловались на то, что мусор не вывозили, а баки бросали просто на улице, чтобы их забирали другие автомобили. Но сегодня ночью Марк узнал, что компания проникала в гаражи, воруя оттуда вещи.

– Они позволили мне взять её, как своего пациента. Но, как я сказал тебе по телефону, мы уезжаем послезавтра, так что тебе нужно либо найти для неё другого врача, либо придумать что-то другое, – Уокер надел халат и взяв в руки стетоскоп, продолжил: – Возможно, тебе следует рассмотреть кандидатуру Доктора Таннера. Он...

– Она поедет домой со мной, – Линн и его брат посмотрели на Марка широко раскрыв глаза. – Если он вновь найдёт её, когда она будет здесь, то будет... Этот мужчина сказал, что убьёт её. Мне нравится эта девушка, и я не позволю вновь причинить ей боль.

Моника Престон работала в его фирме. Она вошла на должность не так давно, но оказалась хорошим работником и просто гениальным следователем. Марк нанял её отвечать на телефонные звонки и для работы в офисе, но обнаружил эти её таланты, когда девушка всего за пятнадцать минут решила проблему клиента, над которой они работали уже больше, чем пару недель. И с тех пор мужчина ни разу не пожалел об этом – он даже повысил её в должности.

– Марк, она твоя...

Посмотрев на брата, Марк попытался понять, что тот имел в виду. Но оборотень оказался не готов к догадке, посетившей его голову. То, что Уокер это предположил – ошеломило его.

– Нет. Иисус, нет. Она мне нравится, но на этом всё. Моника не моя пара, – мужчина посмотрел в сторону палаты, где находилась девушка. – Но я чувствую себя ответственным за неё. Даже очень. Я не знаю в чём причина, но я не могу позволить, чтобы с ней что-то случилось.

Уокер решил проверить девушку, и Кэйтлинн вместе с Марком последовали за ним. У последнего, стоило ему посмотреть на Моника Престон в её нынешнем состоянии, каждый раз останавливалось дыхание.

Христос, её парень обошёл с ней жёстко. Мужчина был рад, что оказался в том месте и спугнул его, но к тому времени, как понял, что происходит – было уже слишком поздно.

Всё на чём оборотень смог сфокусироваться – её лицо, но вернувшись к месту происшествия и осмотрев девушку вновь, мужчина пришёл в ужас. Марк подумал, что у Моники сломана пара рёбер, а пальцы и вовсе едва ли не раздроблены. Её левый глаз опух, а правый был залит кровью. Боуэну казалось, что её нижнюю губу придётся зашивать, но он не был уверен на этот счёт, потому что на ней было так много крови, что было сложно о чём-то вообще говорить. Оборотень съёжился, когда Кэйтлинн засыпала пострадавшую вопросами:

– Ты знала, что этот человек мог сделать такое с тобой?

Моника кивнула.

– Тогда расскажи мне, почему ты осталась с этим ублюдком? Ты получаешь от этого кайф?

Обычно Моника не была агрессивной, но в один удар сердца девушка подскочила с кровати, приблизившись к Кэйтлинн.

– Ты понятия не имеешь, о чём говоришь. За последние четыре месяца я получила пять судебных запретов, чтобы он не приближался ко мне. Я сюда переехала только для того, чтобы сбежать от этого человека. Ещё раз. Он делает это, потому что думает, в своём извращённом грёбанном уме, что я принадлежу ему, и приходит в ярость всякий раз, стоит мне попытаться удержать его подальше от себя. Если у тебя есть хоть какой-то способ остановить это – я буду только счастлива.

Она пошатнулась, и Кэйтлинн на автомате придержала пострадавшую. Когда Моника вскрикнула от боли, Марк и Уокер шагнули вперёд, но единый взгляд на её лицо заставил обоих мужчин отступить. Она боялась их.

– Давай же. Позволь мне позаботиться о тебе, – Кэйтлинн помогла девушке вернуться в постель. – Мне жаль, что я накинулась на тебя, но мне показалось, что тебе нужно выплеснуть это. Теперь мы можем взяться за этого мудака. Ты умеешь стрелять из пистолета?

Уокер рассмеялся, впрочем, как и Марк. Линн настолько спокойно

задала этот вопрос, что это испугало Монику. Но тот взгляд на её лице – он был бесценен. Девушка ответила, что не умеет, но взяла себе это на заметку. Кэйтлинн уверила её, что обязательно даст той пару уроков на тему того, как обращаться с оружием, когда будет в городе в следующий раз.

Стоило Монике задремать, Кэйтлинн покинула комнату. И когда Марк хотел было последовать за ней, Уокер предостерегающе покачал головой, а после вернул всё своё внимание своей пациентке. Пока он не шепнул своему брату, что с его женой всё будет в порядке, тот не осознавал, насколько на эмоциональном уровне это было сложно для Кэйт.

– С ней всё в порядке? Я не хотела расстраивать её.

Уокер улыбнулся Монике, когда Марк приблизился к небольшому стулу у кровати.

– Она в порядке. Беременность, только и всего. Она очень эмоциональна и пока не может взять это под контроль, – доктор попросил девушку откинуться назад. – Позволь мне убедиться, что ничего не сломано и подлатать тебя. Кто-то уже разговаривал с тобой о том, где ты остановишься?

Моника взглянула на Марка, и тот кивнул.

– Марк сказал, что я могу остаться у него дома. Мне известно, что он твой брат, но я не хочу злоупотреблять его добротой. Мне просто нужно место, чтобы переждать, пока я не смогу двигаться дальше. Я не могу привлечь Тони со всем этим дерьмом к твоей семье.

Обследование заняло около тридцати минут. Когда Уокер попросил Марка выйти, чтобы он мог осмотреть её, мужчина отправился на поиски Кэйтлинн. Женщина оказалась в ординаторской, делая некоторые звонки. Её вездесущий ноутбук был просто на столике перед ней. Линн улыбнулась, закончив разговор, когда Марк приблизился.

– Я занимаюсь телефонным собеседованием для секретаря. Ненавижу это дерьмо. Хочу на работу, а не застрять здесь, занимаясь этим бредом.

Знаешь, сколько телефонных звонков я получила в свой медовый месяц? Более, чем пятьсот. Я уже ненавижу это.

Марк знал, что это не так, и что она будет очень хорошо управлять ЦРУ. Ему так же было известно, что Кэйт уже смогла решить проблему, с притоком преступности, ударившую по Вашингтону пока отсутствовала. И по правде говоря, мужчина очень гордился своей невесткой.

– Когда она начала работать на тебя?

Оборотень рассказал девушке всё, что ему было известно о пострадавшей, понимая, что, если он не сделает это – Кэйтлинн вполне могла бы пойти с этими вопросами к Монике.

– Она живёт здесь с июня, именно с того времени, когда вы с Уокером встретились. В то время она уже работала на меня. Я искал кого-то, чтобы тот отвечал на телефонные звонки – и Моника вполне подошла. Но я понял, что она способна на большее, и нанял её, как одного из своих следователей. Престон хороша в этом.

Кэйтлинн кивнула.

– А тот мужчина? Её сталкер? Что тебе известно о нём? Он причинял ей боль раньше, пока она работала на тебя?

Оборотень уже было сказал «нет», но подумав об этом, понял, что это вполне бы могло быть.

– Я мог бы в это поверить, но она никогда не рассказывала об этом. На прошлой неделе Моника подала мне своё заявление. Сказала, что ей нужно поехать позаботиться об очень больной матери. Я никогда не задумывался об этом, до сих пор. Она опять решила сбежать.

– Я тоже так думаю. Её родители мертвы, у неё остался только брат, но я бы не поставила на него слишком много. И нет никого из родственников, кого я могла бы разыскать. За последние пятнадцать месяцев она так много переезжала. И в каждом месте, где она делала остановку, получала счёт из больницы, который не могла себе позволить, но всё же оплачивала их. Когда это началось, Престон оставляла свой

ежемесячный взнос в каждом месте.

Марк не удивился тому, что Линн так много знала об этой девушке.

– Я не могу отпустить её. Не могу понять, с чем это связано, но что-то внутри меня требует, чтобы я защитил её любой ценой, – мужчина взглянул на свою невестку, когда та фыркнула. – Я чувствую то же самое, когда дело касается тебя. Большую часть времени мне хочется придушить тебя, но иногда мне просто необходимо быть уверенным, что с тобой всё в порядке.

Мужчина предпочёл промолчать, когда Линн отвернулась. Он понимал, что сейчас девушка борется со своими эмоциями. И когда та вновь посмотрела на него, на её устах была усмешка. Чаша его терпения почти переполнилась, когда Кэйт подалась вперёд, похлопав его по колену.

– Я тоже люблю тебя, придурок. Но это чувство? Это исходит от твоей кошки или что-то типа того? Ты сказал, что она не твоя пара. Насколько ты уверен в этом? – Марк подтвердил свои слова. – Тогда мы должны выяснить, что это, удерживая её здесь до тех пор. Ты ведь знаешь, что она собирается удрать при первой же возможности? Если бы я была на её месте – я бы так и сделала.

Марк тоже был уверен в этом, как и в том, что она не была его парой, что он и сказал Линн. Уокер вышел из палаты спустя несколько минут – Монику выписали под его ответственность, и они собирались отвезти её к нему домой. Внезапно мужчина понял, что рад, что позаботился о том, чтобы кто-то следил за чистотой на его территории. Иначе его дом стал бы естественной средой обитания для грибов и другой плесени.

Моника смотрела на помогавшую ей пару. Миссис Боуэн, как представилась ей Кэйтлинн, была очень красивой, а её муж, доктор, был очень добрым. Она понятия не имела, что подумать о женщине, когда та накинулась на неё, но понимала, зачем та так поступила – Кэйтлинн

вынудила её избавиться от плена своей ошибки.

В последнее время Моника часто чувствовала себя словно в западне. Каждый раз, когда она думала, что избавилась от Тони Бэрра, этот негодяй появлялся в её жизни вновь. Очень разрушающий негодяй. Осмотрев выделенную ей комнату, девушка подумала о том, как скоро она сможет сбежать.

У неё никогда не было такого босса, как Марк. Он был очень милым, и всегда хвалил за выполненную работу. Все его сотрудники говорили, что он очень честный, и мужчина никогда не заставлял их чувствовать себя хуже него. То, что он взялся за дело с мусорной компанией, стало сюрпризом. Ей поручили работать с Дэвидом, но тот слёг с гриппом.

– Окей. Мне нужно отойти и выполнить свой общественный долг перед Кэйтлинн. Она может быть настоящей задницей, да и я облажался, – Марк сидел рядом со своей гостьей на кровати, протянув читалку и пульт. – Телевизор в твоём распоряжении, как и эта штука. Мне подарили парочку на мой день рождения, и я ещё даже не открыл их. Кажется, Хан сказал, что оформил на них кредит на пятьдесят баксов, так что...

– Я не возьму твой подарок, – он рассмеялся над Моникой. – Я серьёзно. Я не могу взять подарок, который тебе подарили на день рождения. Это неправильно.

– Но ты же видишь, что мне это не нужно. Поэтому я дал это тебе. Хан сказал бы так же. Я спросил его о квитанции, но он сказал, что у него их нет. Он велел мне отдать это кому-то. – Марк протянул ей подарок. – У меня есть ещё кое-что, помимо этого. Клянусь. Возьми.

Она примет его на время, пока находится здесь, но Моника не забрала бы его с собой. Девушка провела рукой по коробке, подняв взгляд на Марка, когда тот направился к двери. Девушка подумала, что не знает человека лучше него, и пожалела, что не встретила этого мужчину раньше.

Включив телевизор, чтобы немного развлечь себя, она умолчала кое о чём. Место, в котором Моника остановилась – ей нужно вскоре покинуть

его. Видимо, Тони оказался там раньше неё, учинив беспорядок. Марк не сказал ей, что он сделал это, но, если судить по прошлым «визитам» её сталкера – можно сказать, что то место - полностью разрушено. Девушка до сих пор задавалась вопросом, как ему удалось найти её в мусоровозе.

Стук в дверь испугал её, и Моника села. Посмотрев на часы у кровати, пострадавшая поняла, что задремала. В комнату вошла достаточно молодая женщина с подносом в руках. Она улыбнулась ей, сев в ноги девушки.

– Мистер Марк сказал, что Вы можете проголодаться, и велел отнести вам что-то лёгкое. Я не была уверена в том, что Вам понравится, потому принесла всего понемногу. – Она села в кресло. – Меня зовут Салли, я его «дневная помощь».

Моника сказала ей, кто она и кем приходится Марку. Она не была уверена, что представляет собой «дневная помощь», но предположила, что этот человек занимается уборкой. Человек, занимающийся уборкой и умеющий готовить. Еда пахла просто изумительно. И после первого глотка перлового супа, Моника поняла, что съест всё это.

Пока она ела, Салли сохраняла молчание. Покачиваясь, девушка просто смотрела телевизор. Моника не понимала почему, но с ней было очень комфортно, ей не нужно было объяснять, что Престон делает здесь и почему её адски избили, или ещё что-то. Когда Салли убрала поднос, то помогла ей с ванной.

– Я же не заняла постель Марка, правда? – Моника остановилась у двери, ведущей в огромную ванную, когда эта мысль пришла ей в голову. – Я могу занять любую другую пустующую комнату. Не хочу выживать Марка с его же постели.

– Нет, мэм. Это одна из гостевых комнат. У него их три. Эта имеет укомплектованную ванную комнату, потому Вы здесь. Доктор Уокер сказал, что позже Вы можете захотеть принять ванну.

Моника кивнула, попросив оставить её одну, чтобы справить нужду. В

последний раз, когда Тони избил её, она избегала смотреть в своё отражение, но сейчас у неё не было выбора – зеркало над ванной было огромным. И глядя на женщину, смотрящую оттуда на неё, девушка едва сдержала слёзы.

Её нижняя губа была заклеена. Уокер сказал, что швы оставят на коже большой шрам, потому он наложил на неё скобы-бабочки. Их было три на губе и пять на левой брови. Её правый глаз был залит кровью, и, хотя он немного болел, но выглядел намного хуже. Осторожно прикоснувшись к синяку под ним, Моника вздрогнула от боли. В её волосах тоже виднелись следы крови, и на её месте она почувствовала пульсирующий узел. Престон хотелось, чтобы душ смыл все следы того, что Тони сделал с ней.

Хоть она и знала, что это невозможно, но ей было необходимо почувствовать себя чистой. Открыв дверь, девушка сказала Салли, что прекрасно себя чувствует и примет душ. «Дневная помощь» не считала это хорошей идеей, и попросила подождать с этим, но Моника только закрыла дверь, заперев её. Ей это нужно.

Как только пар от горячей воды скрыл зеркало, девушка сняла одолженную ей рубашку. Пытаясь не смотреть на своё отражение, она вошла под душ. Ох, Рай. Престон решила, что это лучшее из всех лекарств, что ей дали за последнее время.

После того, как Моника дважды вымыла волосы, она почувствовала лёгкое головокружение. Придерживаясь за покрытые плиткой стены, девушка принялась размеренно дышать, пока это ощущение не исчезло. Когда она поняла, что не продержится дольше, то скользнула на пол душевой. Нет, она ещё не закончила.

Когда в дверь громко постучали, Моника захныкала. У неё не было сил ответить. Перед глазами потемнело, и она понимала, что вот-вот упадёт в обморок. Когда дверь распахнулась, девушка, подняв голову, подумала, что видит перед собой самого прекрасного рассвирепевшего человека, которого когда-либо видела. И этот человек тут же излил на неё поток

брани.

Подхватив Монику на руки, незнакомец прижал её к себе. Престон хотела было сказать, что всё в порядке, хоть и понимала, что это было ложью. Когда мужчина отнёс её в спальню, девушка заметила Салли, подумав о том, как выглядит в её глазах. Женщина была белее мела. Мужчина положил её на кровать, и в какой-то момент, пострадавшая почувствовала, как её спаситель лизнул её шею.

– Не ешь меня, пожалуйста. Сейчас мне слишком больно, – в один момент Моника поняла, почему он застыл. Она сказала это вслух. – Здесь я справлюсь сама, спасибо.

– Что, чёрт возьми, ты думала? Разве Уокер не говорил тебе принять ванну? И кто запирает двери, когда настолько слаб? – Она хотела образумить мужчину, стоявшего перед ней, но тот лишь продолжил: – Ты голая.

– Конечно же, я голая, идиот. Кто принимает душ в одежде? – Теперь, выбравшись из горячей воды, силы вернулись к ней. – И, если ты не заметил, я взрослая девочка, и могу принимать решения без вмешательства взрослых. Почему бы тебе не вернуться в пещеру, из которой ты вышел, и оставить меня в покое? И ты заплатишь за эту дверь.

Моника раньше никогда не разговаривала ни с кем в таком тоне, но обнаружила, что сейчас ей не под силу остановиться. Этот человек был ублюдком, и она не собиралась щадить его. Когда Салли откашлялась, они с незнакомцем вдвоём посмотрели на неё.

– У меня есть ещё одна рубашка, Мисс. Мистер Марк дал Вам ещё одну.

Мужчина взял рубашку из рук Салли, швырнув её через всю комнату, велел «дневной помощи» уйти.

Салли вылетела за дверь, будто за ней гнались адские гонимые. Дотянувшись до покрывала, Моника попыталась укрыть им своё тело, и встретила взглядом с мужчиной, что всё ещё смотрел на неё.

– Я хочу, чтобы ты ушёл отсюда. Я в доме Мистера Марка, и он...

– Ты человек, не так ли...?

Она уставилась на него. Кем она ещё, к дьяволу, могла быть? Моника задала этот вопрос ему, продолжив:

– Знаешь, мне всё равно. Ты должен уйти. Хотя я ценю, что ты сделал, как видишь, сейчас я в полном порядке. Ещё раз спасибо.

Мужчина даже не пошевелился.

– Кто сделал это с тобой? – Он сорвал с неё покрывало, осмотрев тело. – Кто ранил тебя так? И где я могу найти его?

Моника испугалась. Не за себя, а за любого человека, вставшего у этого мужчины на пути. Она вздрогнула, когда визитёр опустил на колени, протянув руку к её голове, девушка была уверена, что он... у неё было ощущение, что он вырвет её горло. Но незнакомец заверил, что не причинит ей вреда.

Его дыхание на её шее сбilo её с толку. Это заставляло её желать, чтобы он приблизился, и заставить его никогда не останавливаться. Когда мужчина провёл языком по её горлу до самой ключицы, Моника застонала. И, прежде, чем успела сделать что-то глупое, как например, открыться ему, незнакомец поднялся на ноги, отступая.

– Я не прикасалась к тебе. Ты один из... – Она пару раз глубоко вдохнула, хотя ей и было очень больно. – Я не знаю, кто ты, но хочу, чтобы ты оставил меня в покое, пожалуйста. Я... Я скоро уйду, и не хочу доставить Марку никаких проблем.

Он не двигался, только поднял рубашку, разорвав её напополам. Когда мужчина бросил ей простыню, Моника быстро прикрылась, в ожидании его следующего шага. Когда её оппонент заговорил на этот раз, девушка поняла, что тот был уже на пороге.

– Не позволяй кому-либо прикасаться к тебе. Если они сделают это – я наврежу им. И не думай, что ты тоже сможешь здесь остаться. Я заставлю тебя уехать, как можно скорее. – Незнакомый повернулся к двери, после

оглянувшись через плечо на неё. – Я не хочу тебя.

А после он ушёл.

Моника оглядела комнату, а после и простыню. Кровь испачкала её в нескольких местах, и она понимала, что это из-за открывшихся ран. Девушка вытерла слёзы на лице, понимая, что они вызваны тем человеком. Она понятия не имела почему, но это так задело её. И когда Салли вернулась в комнату, чтобы помочь ей сменить рубашку, Моника отвернулась от неё, выставив вон.

Престон уснула, задыхаясь от рыданий.

ГЛАВА 3

В ожидании, Хан сидел на кухне Марка. Мужчина знал, где был его брат и вполне мог бы найти его и сам, но он не мог сейчас уйти. Гнев, будто летний шторм, накрывал его с головой, и теперь оборотень не был уверен в себе. Хан свирепо посмотрел вверх, туда, где должна была быть комната, в которой находилась девушка. Его чёртова пара.

Когда Салли позвонила ему, сказав, что не может открыть дверь, боясь, что женщина, за которой ей поручили ухаживать, умерла, он, обратившись в пантеру, без лишних раздумий, побежал к дому брата. Мужчина был уверен, что речь шла о Кэйтлинн, и что та упала, но, когда оборотень добрался до комнаты и увидел кровь – её аромат пронзил его. И прежде, чем ему удалось взять под контроль собственную кошку, лидер группы снёс дверь с петель, а затем подхватил пострадавшую на руки. Теперь он вкусил её. Дважды. И хотел большего.

Встав на ноги, Боуэн поправил свой член. С тех пор, как Хан почувствовал её аромат – он был дико возбуждён. Осознание того, что оборотень не прикоснётся к ней больше, едва не заставило его потерять

рассудок. Она была наверху, почти обнажённая. Хан сказал Салли, что та больше не должна давать пострадавшей рубашки Марка, и потому отдал ей свою. И прежде, чем осознал, что сделал, мужчина уже почти спустился вниз.

– Проклятие!

Хан принялся расхаживать по комнате, его только что так поимели, и он просто не знал, что ему теперь делать. Оборотень вновь сверкнул глазами, подумав о том, что Кэйтлинн имела ко всему этому непосредственное отношение – не то, чтобы эта мысль впервые посетила его голову, едва ли за ним захлопнулась дверь ванной.

Мужчина понимал, что его невестка тут ни при чём, но ему нужно было кого-то обвинить. Женщина наверху была его парой, и она была грёбанным человеком. Яростно шагая по комнате, Боуэн замер, встретившись взглядом со своим отражением в зеркале. Хан выглядел безумно.

Но это ещё не всё, он позволил своей кошке вырваться на свободу – его глаза потемнели, а тело чуть увеличилось. Глубоко вдохнув носом, и выпустив воздух через рот, Хан почувствовал себя немного лучше, но всё же быстро направился в уборную, чтобы умыться холодной водой лицо и привести волосы в порядок.

– Тебя так отымели со всем этим прямо сейчас, но тебе не удастся быстро выставить её прочь.

Казалось бы, мужчина издевался над ним, и Хан плеснул водой в своё отражение. Он находился в уборной несколько секунд, раздумывая, сможет ли он немного облегчить боль в члене, позволив себе немного облегчения, но понимал, что это не поможет. Ему нужна была женщина.

Когда он вышел, Салли уже была на кухне. Она выглядела немного испуганной, и Хан попытался было улыбнуться ей, но, когда «дневная помощь» Марка отступила, лидер группы подумал, что навряд ли он сделал что-то правильно. Сев, он попытался успокоить их обоих.

– Она испугала меня. Когда ты позвонила, я думал, что это Кэйтлинн. И что она упала, навредив ребёнку, – Салли кивнула. – Когда я увидел ту незнакомку, я был настолько рад, что ошибся, но разозлился на неё и напугал тебя.

– Это Мисс Моника. Её ранили этим утром на работе. Мистер Марк привёз её сюда, чтобы никто не смог вновь причинить ей боль. Кажется, её избил её муж, – Хан кивнул.

Это было похоже на Марка – защищать всех.

– Я не хотел напугать тебя. Или её, – Хан вновь посмотрел вверх. – С ней всё в порядке? Ей нужно что-то?

– Нет. Я помогла ей одеться, и она плакала, пока не уснула. Тот мужчина, её муж, он уже причинял ей боль раньше, Мистер Хан. Ни одна женщина не должна бояться человека, принёсшего клятву любить её всю жизнь, – Салли передала ему ещё одну рубашку, и Хан натянул её. – Вы тоже испугали её. Вам следует научиться контролировать свой темперамент рядом с ней. Она не примет этого.

Хан чувствовал, что Салли права. Мисс Моника не показалась ему одной из тех, кто мог позволить людям кричать на неё. Или разговаривать, как с маленьким ребёнком. Но это было спорным вопросом, уйдёт ли он от неё. И она собиралась уехать.

После того, как покинул дом Марка, Хан направился на поиски брата. Строительная площадка была прямо у его дома, потому мужчина попросту направился напрямик туда. И к тому времени, когда он подошёл туда и увидел своих братьев, оборотень почти убедил себя, что он ошибся, и Моника не была его парой. Да, а обезьяны могут летать.

– Я только что был у тебя дома, – сказал он Марку, после того, как пожал ему руку. – Думаю, я испугал Салли. Просто хотел, чтобы ты знал.

Он не смог этого сделать. Хан планировал сказать Марку, что отправит его гостя в дом их родителей, но не сделал этого, потому что заметил замершую через дорогу Кэйтлинн. Оборотень уже было

повернулся, чтобы уйти, но Марк остановил его.

– Она звонила мне.

Хан хотел сделать вид, что понятия не имеет, о чём его брат говорит, но Марка было не провести.

– Салли сказала, что позвонила тебе, когда не смогла дозвониться мне. Она рассказала, что произошло между тобой и Моникой.

– Между нами ничего не произошло. Она просто была в беде, и я помог ей добраться до кровати, – Рид подошёл к ним, и Хан понял, что был несколько громким. – Я вынес её из душа и уложил в постель. Ничего больше.

– И ты не разрешил ей носить мою рубашку.

Хан ничего не ответил Марку. Это было правдой, но сейчас он не собирался ничего объяснять брату. Мужчина собрался было уйти, но Уокер помешал ему, произнеся:

– Это она?

Стоя спиной к брату, Хан отрицательно покачал головой.

– Уверен? На тебе её запах. И, если ты всё же не пытаешься сейчас мне соврать – думаю, ты не будешь возражать, если мы с Кэйтлинн увезём её с собой в Вашингтон?

Всего миг, и Хан повалил наземь Уокера, нависнув над мужчиной, сомкнув на его горле свою крепкую хватку. Едва осознав собственный поступок, оборотень, отшатнувшись, поднялся на ноги, и, отступив, посмотрел на своих братьев.

– Я не собираюсь заявлять на неё свои права. Всё вы знаете моё мнение на этот счёт, и я повторяюсь: нас с ней ничего связывать не будет. И ни один из вас не сможет заставить меня передумать, – поняв, насколько глупо звучала его речь, Хан смутился. – Я уйду домой, и прошу оставить меня в покое. И Уокер, мне плевать. Ты можешь увезти её.

Моника проснулась поздно. Когда девушка посмотрела на часы, оказалось, что было уже давно за полночь. Стараясь двигаться медленно, чтобы не потревожить раны и не шуметь, она вновь направилась в ванную, обнаружив там новую зубную щётку и пасту на раковине. Дважды почистив зубы, Престон вернулась обратно в постель, но обнаружив на пороге комнаты пожилого мужчину, испугалась.

– Меня зовут Джордж Боуэн. Я – отец Марка. Как ты себя чувствуешь? – Она ответила, что неплохо. – Хорошо, это хорошо. Коррин, моя жена, принесла тебе кое-что поесть. Она заходила сюда около десяти раз, с тех пор, как мы приехали. У нас есть ещё немного того тушёного мяса, что ты ела раньше.

– Не хочу ждать. Не могли бы Вы сказать, где моя одежда, чтобы я могла одеться? Пожалуйста.

Мужчина кивнул в сторону столика у окна. Подойдя к указанному месту, Моника обнаружила, что её брюки были очищены, но вот рубашка оказалась чужой. Девушка посмотрела на визитёра, а тот только рассмеялся в ответ.

– Думаю, это одна из рубашек Хана. Нам бы не хотелось, чтобы кто-то пострадал, так что мы нашли ту единственную, что была в доме. Нам стоит иметь немного запасов, на случай чего-то подобного.

Моника кивнула, совершенно не понимая о ком, или о чём говорит мужчина.

Вернувшись в ванную, Престон нашла в сложенной рубашке пару трусиков и носков. Девушка понятия не имела, где они достали их, но, во всяком случае, они были чище, чем те, что были у неё, так что Моника поспешно надела их. Рубашка была похожа на ту, что пострадавшая только что сменила, но больше у неё ничего не было. Ей стоило бы найти кого-то, кто сможет помочь ей с этим, или же, Моника сделает это сама.

Когда девушка вновь вышла, она была измучена, но была рада видеть,

что тот мужчина уже ушёл. Выйдя сквозь открытую дверь, Моника на пару секунд замерла в коридоре, пытаясь понять, куда ей дальше идти. Двигаясь на шум чьего-то разговора, пострадавшая оказалась в ярко освещённой кухне.

Здесь был Уокер со своей женой Кэйтлинн. Марк и Джордж стояли рядом с пожилой женщиной, что задала им неплохую трёпку. Ещё двое незнакомых ей мужчин тоже были на кухне, как и тот, которого она сегодня видела. Кивнув всем, девушка посмотрела на Марка.

— Сейчас я чувствую себя намного лучше, и хотела бы попросить тебя, не мог бы ты отвезти меня в мою квартиру? Владелец сказал, что у него остались кое-какие мои вещи, и, как только я заберу их — смогу уехать, — Марк посмотрел на её сегодняшнего визитёра. — Я заплачу тебе за сегодняшние хлопоты. И тебе, Уокер.

— В этом нет необходимости, — Марк ткнул локтем мужчину. — Моника, это мои братья. Это Рид и Себастьян, а это моя мама — Коррин. С Кэйтлинн и Уокером ты уже встречалась, как и с моим отцом. А этот человек, которого ты видела сегодня, мой брат — Хан. И он очень сожалеет за произошедший инцидент.

— Возможно, я слишком остро отреагировала. Я бы действительно хотела сейчас уехать, пожалуйста, — Престон обвела всех взглядом, когда они, как один, устремили свой взор на Хана. — С этим какая-то проблема?

— Это ты скажи, — Кэйтлинн, встав, подошла к ней, продолжив: — Они все идиоты. Давай же. Коррин приготовила для тебя суп. Эти парни уже уходят. И, если ты, Хан, ничего не хочешь нам сказать, то тоже можешь уходить.

Он выглядел так, будто хотел сказать достаточно многое, но только покачал головой. Когда другие прошли мимо неё, они либо кивали ей, либо просто улыбались. Монике казалось, что чего-то не хватает, но, когда Хан повернулся и посмотрел на неё, Престон отвернулась. Ей приходилось постоянно напоминать себе, что этот мужчина не хочет её.

Суп был тёплым и очень хорошим на вкус. Когда Уокер вошёл и попросил позволить ему осмотреть её, Моника заметила, что он старался не прикасаться к ней. Даже когда девушка начала пошатываться, когда тот попросил её встать. Но, после того, как доктор попросил её подождать пару минут, прежде чем ушёл, она посмотрела на Кэйтлинн и Коррин. Моника не была уверена, но могла бы поспорить, что эти двое что-то задумали. Даже после того, как Уокер вышел из комнаты, Моника всё ещё продолжила стоять.

– Мне нужно вернуться обратно, пожалуйста. Я не уверена, в том, что здесь происходит, но я знаю, что это имеет место быть, – Коррин кивнула, посмотрев на Кэйтлинн. – Я ранена, а не глупа. Объясните мне.

– Ты никуда не уедешь.

Моника оглянулась на Хана.

– Ты пойдёшь либо в мой дом, либо к моим родителям. Я бы предпочёл последнее, но...

– Я не пойду ни туда, ни туда. Я пойду только туда, куда сама сочту нужным, с твоего разрешения, или нет. – Хан приблизился к ней, и Моника заняла позицию поудобнее. – Ты хам, и ты мне не нравишься.

– Что же, мне всё равно, что ты чувствуешь. С этого момента, и пока ты не поправишься, ты будешь слушаться меня. А теперь садись, пока не упала.

Моника оглянулась, отметив, что обе женщины покинули комнату.

– Я сказал тебе сесть.

С Моника было достаточно. Подойдя к мужчине, она, сорвавшись, ударила его в грудь, оттолкнув к стене. Девушка ненавидела повышать голос, но чаша её терпения была переполнена.

– Послушай, ты, испорченный переросший избалованный ребёнок, я тебе не дитя или ненавистная тебе собачонка. Я – человек, настоящий живой человек, у которого есть мозги, и он умеет ими пользоваться. – Она остановилась, понимая, что и он на грани. – Ты не мой начальник, не мой

хозяин, и я не собираюсь мириться с таким твоим отношением. Я ухожу из этого дома прямо сейчас, и, если ты когда-либо приблизишься ко мне, или будешь разговаривать в том же тоне, что и раньше – я куплю оружие, и использую его на тебе.

Когда Хан не пошевелился, Моника не сдержала низкого рычания. Она не делала так с детства, научившись этому от соседской кошки. Её мать ненавидела это, и девушке пришлось прекратить, если она не хотела остаться в своей комнате без ужина.

– Ты закончила?

Подняв на него взгляд, Моника увидела, что он... веселиться? Это было в его глазах. Вместо ответа, Престон молча развернулась на своих каблуках, направившись к двери. Она уже почти добралась до своей цели, когда мужчина перехватил её сзади.

Моника не хотела кричать. Но, когда Хан прикоснулся к её сломанным рёбрам, она не смогла ничего с этим поделать. В комнату тут же вбежали люди, а она едва смогла сделать вдох. Когда один из них прикрикнул на Хана, чтобы тот отпустил её, кто-то другой сказал вынести её на улицу. И внезапно Престон обнаружила себя в объятьях Хана на холоде.

– Дыши, – проговорил он.

Моника посмотрела на него, попытавшись сделать вдох. Когда он повторил это ещё четыре раза, она накинулась на него:

– Я пытаюсь, чёрт побери. Ты можешь перестать приказывать мне? – Услышав смех, девушка, подняв свой взгляд, увидела Уокера. – Мне больно.

– Я знаю, дорогая. Тебе нужно вернуться обратно, и я посмотрю, не повредила ли ты что-то ещё. Не думаю, что это так, но не хочу рисковать.

Хан придерживал её, пока они поднимались вверх по лестнице. Престон пыталась не прикасаться к нему, но её никогда не носили так раньше, и она подумала, что это приятно. Когда мужчина уложил её на

кровать, девушка заметила, что та была застелена, а в комнате убрано. Не то, чтобы она оставила после себя беспорядок, не считая полотенца на полу, но ей было не под силу наклониться и поднять его.

– Положи её здесь, Хан, – мужчина осторожно выполнил указания Уокера. – Мне нужно сделать это, если ты хочешь уйти...

– Я не уйду. Ты можешь попытаться заставить меня это сделать, но я никуда не уйду, – Хан оглянулся вокруг, прежде, чем вновь посмотрел на брата. – Я не могу её оставить. Не с тобой, и не здесь.

Уокер кивнул, приблизившись к пострадавшей. Когда доктор стал приподнимать её рубашку, они оба услышали низкое рычание, и не удержались, чтобы не посмотреть на Хана.

– Прости. Я могу справиться с этим. Я понимаю, что ты пытаешься помочь ей.

Монике было слишком больно, чтобы попытаться понять, о чём они.

– Я дам тебе кое-что от боли. В течение нескольких секунд, ты почувствуешь тепло, а потом боль уйдёт. Я сделаю это, чтобы ты не кричала. Я знаю, что ты сейчас не понимаешь, но, если тебе будет больно – Хан попытается убить меня, – Моника кивнула Уокеру, прежде, чем почувствовала небольшой укол в руку. – Закрой глаза, Моника. И позволь этому помочь тебе.

Моника попыталась открыть глаза, но было ощущение, что её веки налились свинцом. Казалось, будто она идёт по длинному туннелю, каждые несколько дюймов натыкаясь на что-то вязкое. Когда Престон, наконец, удалось поднять веки, девушка быстро закрыла глаза обратно.

Лежавшая на её груди рука испугала её. Она принадлежала мужчине – Моника знала это уже только потому, что женщина с такой массивной рукой выглядела бы нелепо. Затем пострадавшая хихикнула, представив себе такую женщину, но быстро пришла в себя, когда Хан, сев рядом, посмотрел на неё сверху вниз.

– Как ты сегодня себя чувствуешь? – Голос Хана звучал, будто после

секса и сна. Почувствовав тепло между бёдрами, она сдвинула их вместе. – Не делай этого.

Моника попыталась отодвинуться от него, но Хан не позволил.

– Не делать чего?

– Не пытайся скрыть от меня свой аромат. Мне нравится, как ты пахнешь. Особенно, когда ты возбуждена, как сейчас.

Вспомнив о своих рёбрах, девушка отпрянула от него.

– Осторожнее. Ты же не хочешь навредить себе навсегда?

Его голос изменился всего за одну секунду: из мягкого и сексуального он стал жёстким и командующим. Прежде, чем Моника успела ответить ему, Хан отодвинулся к краю кровати, сев к ней спиной. Когда мужчина сразу не поднялся, девушка отодвинулась на свою сторону, начав вставать, но поняла, что оказалась вновь обнажена.

– Где мои вещи? Мне нужен мой... Кто раздел меня? – Она заметила на лице Боуэна румянец, поняв, кто именно это сделал. – Ты извращенец. Думаю, ты и сексом со мной занялся. Что же, лучше мне ничего не подцепить от тебя. И не думай, будто я не знаю, что ты...

– Я не занимался с тобой сексом, – Хан поднялся на ноги, открыв своё обнажённое, огромное и возбуждённое тело. – Думаешь, я был бы так твёрд, если бы вошёл в тебя?

Она дважды сглотнула, попытавшись оторвать взгляд от его члена. Он был твёрдым, длинным и толстым. Моника облизнула губы, посмотрев на Хана, когда тот застонал. Он выглядел так, будто ему было больно.

– Я ничего не хочу больше, чем похоронить себя внутри тебя. Не то, чтобы я намеревался это сделать, но, если бы у нас был бы секс – тебе бы не пришлось удивляться утром, если бы мы всё же сделали это, – дважды проведя по своему члену, Хан посмотрел на неё сверху вниз. – Если уж на то пошло, пожалуй, я бы вошёл в тебя до того, как ты проснулась с моим именем на своих губах.

Когда Хан встал с кровати, и Монике уже было показалось, что он

собирается выполнить свою угрозу, мужчина ушёл в ванную, громко хлопнув за собой дверь. Она услышала шум душа, подумав о том, чтобы присоединится к нему, когда осознала, что собиралась сделать.

Выбравшись с постели, Престон подошла к одному из комодов, наугад открыв первый попавшийся ящик. Вытащив первое, чего коснулась её рука, она натянула на голову футболку, схватив пару боксёров. Ей было адски больно, но она не останется в этом доме ни на минуту. Как только Моника вышла за дверь, поняла, что это был не тот дом, что прежде.

Спустившись вниз по лестнице, она открыла двери кухни, когда кто-то заехал на подъездную дорожку. Выйдя на улицу, Моника увидела, что это была Коррин.

– Я хочу, чтобы вы отвезли меня в город. У меня нет с собой денег, но я не останусь больше с этим безумцем.

Женщина посмотрела на дом, а после перевела взгляд на Моника, и кивнула.

– Спасибо.

Едва оказавшись в машине, Моника заметила, что на ней нет обуви, и она понятия не имела, где оставила её. Коррин завела машину, продолжив смотреть на неё, но ничего не сказала. К тому времени, как они приехали к ещё одному странному дому, Моника поняла, что никогда не уедет от этих людей. Но Коррин заговорила прежде, чем девушка успела сказать, что позвонит в полицию:

– Джордж отвезёт тебя в город. Я сделала здесь остановку, чтобы взять тебе кое-что из одежды, – женщина вышла из машины, подойдя к её дверце, открыла её. – Он не будет знать, что ты была здесь, и не перехватит тебя, пока ты не уехала, если мы поторопимся.

Она поторопилась. И уже через сорок минут сидела в гостиничном номере со своими вещами из квартиры и пятидесятью долларами в кармане, благодаря Джорджу. Устроившись на кровати, Моника тихо заплакала. Она попросту не выдержит, свались на неё ещё что-нибудь.

ГЛАВА 4

– Что значит «ты не скажешь мне, где она»? Я требую услышать ответ сейчас же.

Хан нетерпеливо расхаживал по кухне, в ожидании того, что кто-то из его родителей сознается, и расскажет, что они сделали с Моникой.

– Я сказала тебе, что ты не заслужил того, чтобы знать. Когда я приехала к тебе домой, чтобы провести её, Моника буквально вылетела наружу... У неё даже обуви не было. И пальто. На улице всего девятнадцать градусов (*имеется в виду девятнадцать градусов по Фаренгейту, что примерно равно -7,2 градуса по Цельсию*). Если бы я не приехала, если бы не увезла её – что было бы дальше? Она была бы одета так же? Моника умерла бы, Хан.

Ещё с того момента, как мужчина ворвался в дом родителей часом ранее, слёзы в глазах Коррин не просыхали, но вот всего миг, и женщина одним движением утёрла мокрые дорожки на щеках.

Вернувшись из ванны, Хан был намерен поговорить со своей пленницей. Он принял холодный душ, дважды ублажив свой член, сходя с ума от фантазий того, как его пара окажется обнажённой перед ним. Но это не подарило долгожданного облегчения, только разозлило его ещё больше. Оборотень принял решение, что займётся с ней сексом, но никогда не позволит проникнуть под свою кожу, никогда не отметит её укусом. Хан должен был сдержаться, иначе он никогда бы не позволил Монике уйти. Почувствовав, как от этих мыслей член ожил в его штанах, мужчина ещё яростнее принялся расхаживать по кухне.

– Сын, – отец посмотрел Хана. – Ты ясно дал понять, что не хочешь её, и то, что Моника будет рядом – только всё усложнит.

Мужчина не думал, что его ствол может стать ещё твёрже.

– Я должен убедиться, что с ней всё в порядке, – Джордж только отрицательно покачал головой в ответ. – Пап, я не могу отметить её. Моника замужем, и более того, она – человек.

– Нет, это не так.

Мужчина посмотрел на свою мать.

– Она не замужем. И тот мужчина, избивший её – сталкер. И, если верить Кэйтлинн, он даже не её парень. Он преследователь. И, каждый раз, стоило бедняжке где-то задержаться – этот мужчина находил её и громил её дом. Если всё, что ты хочешь от Моника – не больше, чем хороший трах, то тогда твоё присутствие рядом – последнее, что ей нужно.

Хан почувствовал, как запылало его лицо. Он винил во всём Кэйтлинн, но слова матери всё больше и больше охлаждали его пыл. Пара Уокера плохо влияла на Коррин. Мужчина начал было объяснять женщине, что ему не нужен «хороший трах», когда внезапно представил перед собой лицо Моника в тот момент, когда он испивал бы из её тела. И вот теперь у него были большие неприятности.

– Это не имеет значения. Ты должен держаться от неё подальше.

Хан взглянул на своего отца, с его губ почти уже сорвалось грубое «отвали», но это уже происходило раньше – в детстве, когда он был непослушным. Мужчина не помнил, что тогда сделал, но он хорошо запомнил тот поход в сарай – после этого оборотень не мог сидеть ещё несколько дней.

– Я сам найду её, – Хан направился к двери. – И я хочу, чтобы теперь вы не вмешивались в это... Пожалуйста. Мне нужно объясниться перед ней, рассказать, почему мы не можем быть парой, и показать, что я вовсе не сошёл с ума.

Погрузившись в собственные мысли, мужчина стал действовать только во второй половине дня. Моника была где-то там, и у него не было ни единой подсказки, где её искать. Бросив взгляд на дом Рида, оборотень заметил припаркованный у дороги автомобиль брата. Учítывая, что тот

вполне мог сотворить своё компьютерное волшебство и найти для него Монику, Хан решил начать именно с него. Всего миг, и лидер группы уже стучал в двери чужого дома, а на его устах застыла хитрая улыбка.

Никто не мог заставить его делать что-то против его воли. Хан всего лишь хотел поговорить с Моникой. Он не собирался заниматься с ней сексом, но не было ни единой причины, по которой ему не следовало с ней говорить. Оборотень просто надеялся, что она не выполнила своё обещание и ещё не прикупила оружие.

Рид был полезен. Он не был в восторге от того, что ему нужно было помогать Хану, пока тот не пообещал, не выдать матери его секрет. Его брат всё же получил работу. Очень хорошую работу, сотрудничая с Кэйтлинн в делах особой важности. Но Рид не мог самостоятельно притащить в дом нужный рабочий стол – ему нужна была помощь.

Потребовалось около трёх часов и ящик пива, чтобы перенести все тяжёлые коробки, получив хоть какой-то результат. Возможно, это и не заняло бы так много времени, не разговорись братья о прошлом и нынешнем деле.

– Теоретически, я не могу отследить кого-то на своём компьютере с их оборудованием – это не совместимо. И поскольку мне не разрешено выходить на их сайты, я должен полагаться только на информацию, которую они мне отправили.

– Где это место? – Рид рассказал ему. – Это на расстоянии одного полёта. Почему бы тебе не слетать туда, и не осмотреть обстановку?

Это было идеальным решением Рида, но не для него самого. В любом из местных отелей никто не регистрировался под именем «Моника». Пока Хан поднимал своё пальто, Рид крикнул, что нашёл её.

– Я просто проверил время регистрации. Ты сказал мне, когда она уехала от тебя, и когда ты добрался до мамы с папой. Это должно было быть не дольше пары минут, после того, как ты зашёл к ним, потому что папа вошёл уже после тебя. Поэтому Моника должна быть где-то рядом. И

я нашёл её под именем Престон Монте. Кажется, её фамилия – Престон.

Это было больше, чем было известно Хану. Сев в свой грузовик, мужчина направился в гостиницу. Он понятия не имел, что скажет ей, когда увидит, но ему было нужно прояснить ситуацию. Возможно, мужчина и не хотел, чтобы Моника была его парой, но девушка не должна думать, что он такой же ублюдок, как и её сталкер. Оборотень остановился перед гостиницей, прямо в тот момент, когда кто-то вышел из её двери. Хан, не раздумывая, побежал к номеру Моника – он оказался не заперт.

– Я позвонила в полицию. И они сказали, что скоро будут здесь. Я серьёзно. Если ты не уйдёшь отсюда, клянусь, я выслежу тебя и убью.

Хан оглянулся на открытую дверь, затем вновь посмотрел на створку ванной, откуда доносился голос. Это был тот мудака, который ранил её. И он вновь нашёл Моника. Боуэн подошёл к двери и постучал. Престон закричала, и это отрезвило Хана, удержав от того, чтобы выломать дверь и прийти ей на помощь.

– Это я. Хан Боуэн. Он ушёл, – Моника больше не сыпала угрозами, за что он был ей благодарен. – Ты ранена? Он сделал тебе больно?

– Что тебе нужно?

Хан подумал, что это весьма верный вопрос, особенно, когда кто-то стоит у твоей двери.

– Я слышала её крик. У меня есть дети, о которых я забочусь, так что она должна уехать прямо сейчас. Я не хочу звонить в полицию, – заглянувшая в номер женщина держала в руках битую. – Тот другой мужчина – Вы знаете, кто это был?

– Нет, мэм. Но я возьму все убытки. И мисс Престон уедет домой со мной. Я позабочусь, чтобы с ней всё было в порядке.

Дверь за его спиной распахнулась, и Хан оглянулся на Моника. Девушка хоть и выглядела испуганной, но ещё она была и раздражена.

– Сейчас со мной всё в порядке. Спасибо. Я уеду, как только этот человек уйдёт.

Боуэн ничего не сказал, но кивнул женщине.

Как только она закрыла за собой дверь, Хан повернулся к Монике, и обнял её. Когда девушка начала дрожать, мужчина поднял её на руки, удерживая, пока та позволила себе минуту слабости. Её всхлипы причиняли ему больше боли, чем он мог даже представить себе, но Хан не отпустил её, даже, когда Моника вновь начала своё сопротивление.

– Почему ты продолжаешь появляться на моём пути и утаскивать к себе только для того, чтобы вновь оттолкнуть? Знаешь, я не йо-йо, – Хан отпустил её, но, когда Престон подошла к двери, мужчина даже не сдвинулся со своего места. – Мне бы хотелось, чтобы ты ушёл. Мне нужно... Мне нужно позаботиться о месте, куда я смогу уехать.

– Вернись вместе со мной в мой дом, и я позабочусь о тебе. Я не очень рад этому, но ты моя забота. Собери всё, что тебе необходимо, и поехали.

Он откинулся на спинку стула, принявшись ждать, когда Моника безоговорочно последует его приказу.

Моника с шипением закрыла рот. Он, правда, думал, что она молча сделает так, как он велел? Девушка подождала минуту, ожидая, что Хан скажет, что пошутил, но, когда тот не сделал этого, Престон всё же подошла к кровати, взяв пару вещей, включая мобильный телефон, который Джордж оставил ей на всякий случай.

Скрывшись в ванной, она включила душ. Пострадавшая не собиралась его использовать, но ей нужно было перекрыть шум того, что она собиралась сделать. Моника уже проверила окно раньше, на случай, если ей придётся сбегать через него – и оно открывалось достаточно легко. Тони пробрался в её небольшой мирок, и Престон едва успела скрыться в ванной и запереть дверь, прежде чем он вошёл. Выбросив в окно сумку,

девушка встала на крышку унитаза.

Перелезть через окно было больно, но быстро – миг и она оказалась уже на той стороне. Подобрав сумку, Моника двинулась к аллее между двумя зданиями. Каждые пару минут ей хотелось оглянуться назад, чтобы убедиться, не идёт ли за ней Хан. И, спрятавшись в пустующем здании, Престон вытащила сотовый телефон, набрав первый попавшийся номер. К сожалению, это был не Джордж, но девушка надеялась, что Кэйтлинн тоже сможет ей помочь.

– Я не знаю, помнишь ли ты меня, но я – Моника Престон. Твой муж пришёл на помощь Марку, когда меня ранили, – она не обратила внимания на смешок, решив, что Кэйтлинн может стать её единственной надеждой. – Тот Неандерталец, волею судьбы связанный с Марком, уж слишком помыкает мной в последнее время.

– Что он сейчас натворил, чёрт возьми? – В её голосе был слышен смех, но также в её тоне отчётливо звучали и стальные нотки. – Где ты Моника? Я приду и изобью Хана за его излюбленное дерьмо, заставив его пожалеть. Он уже рассказал тебе о чём-то?

– Нет. Не думаю, что понимаю, что ты хотела этим сказать. Он достаточно неплохо приказывает, но я не собираюсь подчиняться, – девушка вытерла слёзы, выглянув в окно, чтобы убедиться, что Хан не идёт за ней. – Я оставила Хана в отеле, куда твой тесть отвёз меня этим утром. Владелица сказала, что я не могу оставаться там, потому что Тони вновь объявился, пытаясь меня заставить пойти с ним. Затем появился Хан и сказал мне, что, хоть он и не особо рад этому, но я его забота, и он позволит остаться мне у него дома. Мне хочется завязать его яйца вокруг его же ушей.

На том конце было тихо, и Моника была уверена, что перегнула палку, но, когда Кэйтлинн всё же заговорила, девушке показалось, что та говорит на другом языке – это был тот набор слов, что заставил бы покраснеть и матроса. Когда говорившая всё же закончила, Престон

подумала, что ей понравилась бы эта женщина, встретиться они при других обстоятельствах. Миссис Боуэн оказалась крайне забавной...

– Я найду тебя. Не думаю, что ты знаешь, где ты, но всё же?

Моника назвала ей улицу, на которой находилось то здание, в котором она укрылась.

– Окей. Где-то в четырёх кварталах оттуда находится ресторан. Он называется «MildPepper». Знаешь где это?

– Да. Это на Сандалвуд. Я знаю, где это.

Кэйтлинн велела ей отправиться именно туда.

– А как на счёт Хана? Что, если он найдёт меня там?

– Он скоро вернётся домой. Я собираюсь поговорить с его отцом и рассказать ему всё, что думаю. Джордж не будет счастлив, но он поможет нам. Я заберу тебя с собой, у тебя есть какие-то возражения?

У неё они были, но Моника была уверена, что куда бы она ни пошла с Кэйтлинн – ни Тони, ни Хан не смогут найти её.

– Нет. У меня нет никаких возражений. Но у меня нет денег. Это может помешать?

Миссис Боуэн рассмеялась.

– Нет. У меня достаточно денег для этой поездки. Позволь мне разобраться здесь, и встретимся в «Pepper». Если увидишь Хана, в чём я очень сомневаюсь, я хочу, чтобы ты нашла мистера Шейвера. Скажи ему, что я послала тебя, и ты любишь бейсбол. Он поймёт. И, Моника?

– Да?

Девушка боялась, что Кэйтлинн потребует что-то взамен, потому ждала следующей фразы затаив дыхание.

– Ты мне нравишься. Думаю, ты справишься со всем этим.

Телефон умолк, и Моника несколько секунд смотрела на него, прежде чем спрятать его в карман. Что это значит? Она понятия не имела, но всё же вышла на улицу, покорно направившись к «Pepper».

Это заняло больше времени, чем девушка предполагала. У неё болели

рёбра, но это было ещё не всё. Моника боялась, что её заметят. Дважды она увидела машину Тони, и в какой-то момент ей показалось, что она увидела Хана, но в последнюю секунду поняла, что это был не он. Тот мужчина был намного ниже, и толще него. Но в случае с Тони, Престон просто не могла ошибиться.

Энтони Бэрр регулярно причинял ей боль чуть больше двух лет. Полиция в её родном городе оказалась совершенно безучастной, безразличной к её судьбе. Моника понимала, что было напрасно даже подавать заявление, когда узнала, что Тони был сыном сенатора. И его все боялись.

Но сам Тони решил, что она принадлежит ему. А когда он преследовал её почти две недели – Моника сдалась. Надеюсь, что Бэрр бросит её после этого, она превратила их свидание в самое худшее, которое только можно было представить.

На половине их ужина, он потянулся через стол и ударил её. Голова закружилась от боли, и Моника поднялась на ноги, чтобы уйти. Но Тони, вытащив пистолет, приставил его к её голове, заставив девушку закончить ужин.

Никто не пришёл ей на помощь. Официантка, обслуживающая их, даже не посмотрев на неё, как ни в чём не бывало, продолжила выполнять свою работу. Когда пришло время десерта, Тони вежливо спросил Моника, всё ещё держа пистолет у её головы, хочет ли она шоколад. Он сказал, что знает, что этот её любимый. Девушка отрицательно покачала головой, и Бэрр приказал принести им два кофе, разговаривая с ней так, будто это было их лучшее свидание.

После этого всё стало совсем плохо.

Полиция велела ей позволить ему продолжить, а когда Моника попыталась встретиться с сенатором, Тони уже ждал её. Тогда он вновь ударил её, избивая девушку одной из статуэток со стола своего отца. После этого она впервые попала в больницу. И с тех пор Престон была в бегах.

Моника зашла в «Реррег», оглянувшись у двери на улицу. Тони проехал мимо, и девушка едва не бросилась наутёк, но остановилась, когда большой мужчина затянул её обратно. Пока она пыталась освободить свою руку от его пальцев, мужчина сказал ей, что его зовут Шейвер, и Кэйтлинн велела ему присматривать за ней.

– Кто из них так навредил тебе? – Его голос не оставил ни единого сомнения в том, что он был зол. – Скажи мне его имя, и он будет мёртв. Никто не может ударить женщину и спокойно жить, когда я рядом.

– Нет. Вы не сможете. Его отец, он влиятелен, и он не захочет помочь мне в любом случае, – пробормотала Моника, вновь посмотрев на улицу. – Никто не сможет мне помочь уйти от него.

Кэйтлинн вошла, назвав её имя, и Моника посмотрела на неё. Женщина была самой красивой из всех, кого она когда-либо видела. Когда она сказала, что оставила свою машину на стоянке, Престон последовала за ней. Мистер Шейвер вручил миссис Боуэн большую сумку, пахнущую просто божественно, и сказал ей что-то вполголоса. Кивнув, женщина подошла к Монике, помогая сесть в огромный грузовик, и совсем скоро они летели по шоссе.

– Уокер останется на пару дней, но мне нужно вернуться в Вашингтон. Вот где мы с тобой и засядем. Как только мы приедем, то найдём тебе одежду и лекарства, чтобы сделать...

– Спасибо, что помогаешь мне, но я не могу позволить себе одежду или лекарства. У меня совсем нет денег, кроме тех пятидесяти баксов, что дал мне Джордж. Я знаю, что ты сказала, что всё в порядке, но ты не знаешь, что за человек преследует меня, а Хан – твой родственник. Я думаю, было бы лучше, если бы ты просто подбросила меня к автовокзалу.

Кэйтлинн молчала несколько минут. Её телефон дважды зазвонил, но она проигнорировала его, и дальше спокойно управляла машиной. Когда женщина, наконец, нарушила молчание, Моника не знала, стоит ли верить её словам:

– Я работаю в ЦРУ. На самом деле, я руковожу ЦРУ. Я знакома с очень влиятельными людьми, среди которых и Президент. Если этот человек докопался до тебя – он докопался и до меня. А мне не нравится, когда до меня докапываются. Понимаешь?

– Нет. Нет, не понимаю. Ты управляешь ЦРУ, и говоришь мне, что у тебя на быстром наборе Президент, – Кэйтлинн фыркнула. – Окей, может и не на быстром наборе, но это не имеет значения. Этот человек – опасен, и когда он найдёт меня – он либо убьёт меня, либо я убью его. Мне надоело всё время убегать.

– Хорошо для тебя, – сказала Кейтлинн, а после она подарила Монику улыбку. – Но это не отменяет того, что ты всё равно едешь со мной в Вашингтон.

ГЛАВА 5

Тони везде искал Монику. Она была где-то здесь и нуждалась в нём, а он не мог её найти. Проезжая мимо ресторана, ему даже показалось, что вот она – спокойно сидит внутри заведения, но стоило ему припарковаться и войти внутрь – Престон вновь исчезла. И люди внутри были бесполезны. К слову, Тони даже не понимал, почему этим иностранцам разрешали работать в стране.

Вернувшись к своей машине, он, остановившись на улице, оглянулся. Ничего. Сейчас ему хотелось, чтобы тогда он просто сломал дверь в её гостиничный номер, заставив Монику осознать всё и вернуться к нему. Девочке просто нужно было немного помочь понять, что он хочет спасти её.

Тони искал её уже месяц. Пытаясь вспомнить, когда он видел Престон или разговаривал с ней в последний раз, до этого утра – всё, что подкидывала его память, было то, что Моника вновь выказывала ему свою

непокорность. Грубила ему. Мужчина всего лишь ударил её, показывая, что нужно уважать своё высокое начальство, и, если он скажет ей сделать что-то – она должна повиноваться. Как и все остальные.

Тони припарковался у гостиницы, в которой нашёл Монику, наблюдая за тем, как огромный человек покидает её комнату. Он не был похож на кого-то, кого Тони встречал за свою жизнь, но, меж тем, мужчина задался вопросом, что этот человек делал в комнате его невесты. И когда неизвестный гость покинул парковку, Бэрр вернулся к гостинице, напоследок записав номер уехавшего автомобиля, чтобы попросить папу пробить по нему данные. Было неудобно следовать за машиной незнакомца. Тони и так уехал далеко от отеля, в котором поселился, и на сегодня с него было достаточно. Мужчина вернулся в свой автомобиль, отправившись в комнату в «HamiltonHotel». Ему всё же пришлось надавить своим влиянием, но они знали, кто главный и даже сказали, что первая ночь будет бесплатной. Тони позвонил отцу, чтобы тот оказал ему небольшую услугу, но тому было всё равно. Чем, чёрт возьми, занят папа, если не хочет помочь своему единственному сыну?

После заселения, его комнату уже успели убрать. Мужчина лежал на кровати, думая о воспитанных им девушках, а также о коксе, который толкнул ему его приятель Стив. Это было на одной из вечеринок. И Бэрр уже было подумал, что, возможно, ему стоит устроить что-то подобное этим вечером. Звонок телефона заставил Тони потянуться к прикроватному столику, оставив размышления на потом. – Что ты вытворяешь там, Энтони? Ты хоть представляешь, чего нам стоило то, что ты так разгромил эту комнату? – Его мать однозначно не была в числе его любимчиков. – Я хочу, чтобы ты сейчас же вернулся домой. Одержимость той девушкой вышла из-под контроля.

– Я люблю её. И я собираюсь жениться на ней. Ей просто стоит научиться слушаться меня, – Тони посмотрел на синяк на своей руке, продолжив: – Ты сказала, что она понравилась тебе, когда я рассказал о

ней.

– Я не это имела в виду. Я сказала тебе трахнуть её, и выбросить из своей головы. Но теперь ты преследовал её в трёх штатах, каждый раз причиняя ей боль – мы покрывали это. Но она продолжает сбегать от тебя. Почему бы тебе не уяснить, что эта девушка не желает иметь ничего общего с тобой?

Его голова начинала раскалываться каждый раз, когда женщина так на него кричала. Мужчина положил телефон на кровать, ударяя себя кулаками по лбу, желая заставить её остановиться. Вновь и вновь она кричала на него, и Тони не мог больше этого терпеть. Он даже не понимал, почему эта женщина думает, что может ему что-то говорить о его поступках. Они уже года три, как были в разводе с отцом.

Вновь взяв телефон, Бэрр попытался успокоиться.

– Мама, я хочу, чтобы ты не звонила мне, если не хочешь сказать что-то хорошее. Я люблю её, и на этот раз сделаю всё правильно. Вот увидишь. Как только Моника поймёт, где её место, мы сможем жить долго и счастливо. И ты полюбишь её. Как и я.

Когда женщина вновь заговорила, Тони закончил разговор, сбросив вызов. Но, когда телефон вновь зазвонил, он накрыл голову подушкой, пытаясь заблокировать раздражающий звук. Но это не сработало, потому Тони просто вышел из комнаты. Его мать сделала это. Положила конец их отношениям. И теперь ему следует вернуться домой и исправить это.

Тони вёл машину всю ночь, останавливаясь только на то, чтобы заправиться. И почти тридцать часов спустя, мужчина был у дома матери, но, выжидая нужного момента, свернул на соседнюю улицу. Он знал, что отец навещает её по средам, потому Тони задался вопросом - какой сегодня день недели. Вытащив свой телефон, он увидел, что сегодня была как раз среда, что заставило его заволноваться. Он собирался увидеть их двоих, и немного поговорить с ними. Закрыв глаза, и откинувшись на спинку сидения, мужчина принялся ждать.

Подойдя к тротуару, Тони уже знал, как пройдет этот разговор. Его мать будет кричать, а отец скажет ей успокоиться. После пары слёз, родители вместе попытаются донести до него, что эта девушка такая же, как и другие, и они не хотят брать на себя заботу об ещё одной семье. Энтони же скажет им, что у неё нет семьи, что он уже обдумал это. Сунув ключ в замок, он попытался повернуть его, отомкнув дверь.

Эта женщина сменила замки. Тони отступил, пытаясь заглянуть в окна, но единственное, что он увидел – искажённый вид мебели. Вместо того, чтобы постучать, потому что знал, где они будут, Бэрр направился к задней части дома, где были стеклянные двери на веранду. Вытащив нож, и разрезав сетку, он пробил дыру в стекле. Добравшись до двери, Тони отпер её изнутри и вошёл внутрь.

Стерео работало на полную катушку, заставляя его голову колотиться от музыки. Пройдя через весь дом, Тони взял из кухни пару вещей, направившись в гостиную, где были его родители. Его мама сидела спиной к нему, а отец – слева в кресле от неё. В руках у обоих было по бокалу вина, а рядом был поднос с сыром, крекерами и миска с фруктами.

В детстве ему хотелось кушать перед камином, но Тони никогда не разрешали этого. Однажды он попробовал самостоятельно приготовить еду, поджарив в камине зефир, но кто-то не пришёл проверить его вовремя, и ковёр загорелся. После того пожара, у мужчины остался шрам, и теперь Бэрр-младший ненавидел какой-либо огонь рядом с собой. Взглянув на шрам размером с четверть дюйма (*0,6 см, прим. перевод.*), Тони ухмыльнулся.

Пройдя рядом с матерью, Тони одёрнул её голову, перерезав её горло ножом, что захватил с кухни. Когда женщина вскрикнула, отец поднялся на ноги, направляясь к своему сыну, но тот всадил в его грудь штопор.

Отбросив нож, Тони, обойдя кушетку, направился к отцу. Добравшись до следа у камина, он схватил кочергу и ударил ею папу по голове. Услышав глухой звук, мужчина продолжал бить его, пока у него не

заболела рука. Опустив кочергу на пол, Бэрр сел в отцовское кресло. Взяв сыр и крекеры, съев их, Тони отбросил те, что были покрыты кровью. Он никогда особо не любил фрукты, но сейчас съел те, на которых не было крови, а после откинулся на спинку кресла.

– Я же пытался сказать тебе. Я сделаю. Я сказал, что, если ты не позволишь мне действовать так, как я хочу – я заставлю тебя пожалеть об этом. Вас обоих, – Тони ударил отца. – И что теперь ты будешь делать в первую очередь? Я уже несколько раз сказал, что не хочу, чтобы ты виделся с этой женщиной, что она плохо относится ко мне – и теперь ты здесь.

Тони рассмеялся.

«Да!» – Подумал он. – «Теперь вы оба здесь. Оба заплатили за то, что я расстроился».

Поняв, что испачкал и стул, Тони поднялся на ноги. Он знал, что горничная огорчится, потому снял туфли и отнёс их в ванную.

У него была здесь одежда, он был уверен в этом. Какая мать выбросила бы её, потому что её сын пошёл дальше? Кроме того, Тони сказал ей не делать этого, и большую часть времени эта женщина слушала его. И он был рад, что она поступила так и на этот раз.

Выйдя из душа, мужчина вытерся, надев чистую одежду. Оставив грязную в корзине, он задался вопросом, можно ли её будет когда-то отчистить. Спустившись по коридору в комнату его матери, Тони искал что-то ценное. Он забрал все её драгоценности, что нашёл в сумочке. Но Бэрр-младший оставил карточку, потому, что, когда в последний раз он взял и её – женщина попросту заблокировала их. Это было неловко, и только зря отняло его время.

У отца сталкера тоже была здесь комната, но он не нашёл в ней ничего, что стоило бы его усилий. В его кошельке было в районе триста баксов, и Тони захватил и ключи от машины. Он никогда не водил её, потому решил, что погоняет на ней, прежде, чем уедет.

Вернувшись, он сел в машину, и аккуратно объехал вокруг дома. Он

не хотел испортить её – этот автомобиль действительно был хорош. Когда Тони оказался рядом с бассейном, то вышел наружу и раскрыл его, отбросив плёнку на лужайку. Оставив дверцу открытой, Тони завёл двигатель, направив машину в бассейн. А после, закрыв дом, и вовсе уехал на собственном авто.

Тони был в часе езды от дома, когда вспомнил, что они так и не поговорили о Монике. Он хотел сказать матери, что хочет, чтобы у его невесты была самая большая и красивая свадьба. В следующий раз. Он решил, что поговорит об этом с ними в следующий раз, когда приедет в гости.

Когда они приземлились в Вашингтоне, Моника решила, что это всё же был самый умный ход, который она когда-либо делала. Реактивный самолёт был прекрасен, ей подали шампанское в бокалах из рифлёного стекла, пока они вкушали лакомства с «MildPepper» – кое-что из того, что девушка хотела попробовать, но никогда не могла себе позволить.

– Сколько я должна тебе? У меня не так много сбережений, но я всегда расплачиваюсь с людьми, – Престон вытащила блокнот, показав его Кэйтлинн. – Я не смогу много заплатить, но, как только я расплачусь с одним из них – я смогу увеличить сумму.

– Как ты думаешь, как долго сможешь таскаться со всем этим? – После того, как Кэйтлинн показала ей огромный дом, они сели в гостиной около ревущего огня. – Я хочу сказать, хорошо и прекрасно, что ты оплачиваешь свои счета, но, если тот парень убьёт тебя – кто расплатится с ними за тебя?

– Не знаю, – Моника положила свои вещи обратно в сумку. – Я не приживала, и пытаюсь платить по-своему. И я никогда не просила кого-то

сделать это за меня. Я пыталась заставить кого-то выслушать меня на этот счёт месяцами.

– Я выслушаю тебя. И веришь или нет, но я хочу помочь тебе. Расскажи мне, кто он? Расскажи мне кто он и где он живёт, и я сделаю так, чтобы он больше не ранил тебя вновь, – Кэйтлинн села на стул, посмотрев просто в глаза своей собеседницы. – Расскажи мне.

Моника подскочила. Она не прикасалась ни к одной красивой вещи, но ей этого хотелось. В стеклянной банке были сосновые шишки и красивые раковины, лежащие в ряд от самой большой до маленькой. Когда девушка увидела фотографию Кэйтлинн и Уокера вместе с оставшейся семьёй Боуэн, её сердце немного сжалось.

– Его отец один из больших шишек в этой области. В последнее время, когда я интересовалась этим, он был мэром. Думаю, с тех пор его уже повысили. Его мама, я никогда с ней не встречалась, но она устраивает вечеринки, на которых такие люди как я, могут только прислуживать.

Моника не повернулась, когда Кэйтлинн заговорила:

– Итак, ты отсюда. Я думала, что ты жила на Род-Айленде, – и тогда Моника взглянула на неё. – Я провела небольшое расследование на твой счёт. Не могу быть в положении, в котором я сейчас, и не принимать меры предосторожности.

Девушка лишь кивнула.

– Я отсюда. Род-Айленд – это место, где жил мой отец. Мои родители развелись, и мама... У меня нет доказательств, но я знаю, что Тони убил её и моего отца. Он был... Одержим тем, чтобы я была под его контролем.

– Тони – кто?

Моника понимала, что, в конце концов, ей придётся сказать, но пока она была ещё не готова к этому. Девушка провела пальцем по фото, на котором, как она думала, была запечатлена Кэйтлинн-ребёнок. Она выглядела такой грустной.

– Впервые я встретила с ним, когда я прислуживала на приёме, что

устроили его родители. Я не сделала ничего, чтобы привлечь его внимание, но Тони, казалось бы, был везде, куда бы я ни пошла. Когда я подошла к своей машине, чтобы уехать – он был там. Он сказал мне, что кто-то рассказал ему кто я, – Моника смотрела в окно, откуда открывался вид на прекрасный парк, и по какой-то причине понимала, что на самом деле это был вовсе не парк, а двор. – Когда он... После того, как Тони ранил меня той ночью, после того, как сказал, что я могу ехать домой, он преследовал меня неделями, пока я не сдалась и не пошла с ним на ужин. Это закончилось тем, что он приставил пистолет к моей голове, заставляя остаться с ним. Я даже пошла к его отцу, но тот сказал мне, что было бы лучше для всех, если бы я просто дала Тони то, что он хочет. Мистер Бэрр предложил мне хорошо заплатить, чтобы его сын мог делать всё, что ему захочется, пока он не устанет от меня.

– Христос, – Кэйтлинн больше не спрашивала, за что Моника была ей благодарна. – Когда ты выяснила, что он мог убить твоих родителей?

– Он рассказал мне. Сказал, что пока они были у меня, я не могла любить его должным образом. Тони даже рассказал мне, как сделал это, – Моника вздрогнула, наблюдая за птицей, скачущей по снегу. – Они не сделали ему ничего плохого. Как и я. Ему просто захотелось, чтобы они ушли с его дороги – и он убил их.

Зазвонил телефон Кэйтлинн, но, когда женщина не ответила, Моника спросила, хочет ли девушка, чтобы она вышла, но та лишь покачала головой, попросив её остаться. Беглянка выполнила это, ожидая, что Кэйтлинн скажет, что не поверила ни единому её слову, и уже готова сдать её в полицию. Но прежде, чем Миссис Боуэн могла бы это сделать, девушка хотела, чтобы Кэйтлинн узнала, кто он.

– Его зовут Энтони Бэрр. Его родители – Энтони Сениор и Клаудия Бэрр. Я знаю, где проживает его мать, но не отец, – когда Кэйтлинн даже не пошевелилась, Моника поднялась на ноги. – Я понимаю, что ты мне не веришь. И не виню тебя. Я бы тоже не поверила, если бы слышала эту

историю, но мне хотелось бы попросить тебя никому не говорить, где я.

– Сядь. Пожалуйста, – на этот раз, Кэйтлинн наконец-то ответила. – Мне нужно, чтобы ты приехал сюда сейчас же. Да, я знаю который час. Как раз вовремя, чтобы ты притащил сюда свою задницу. И принёс свои игрушки. Нам нужно кое-что изучить.

Моника посмотрела на дверь, раздумывая, удастся ли ей это сделать. Но, когда Кэйтлинн вновь заговорила, Престон испугалась.

– Это был мой друг, который занимался смертями некоторых женщин в этом регионе. Он делает это уже пару лет, и ему может понадобиться твоя помощь. Год назад он рассказал мне, что это был мальчика Бэрр и его родители обо всём знали всё это время, – поднявшись на ноги, Кэйтлинн подтолкнула Престон к дивану, заставив опуститься на него. – Я позвоню своему мужу, и ты будешь сидеть здесь, пока Маршалл не приедет и не поговорит с тобой. Если ты сбежишь – я позвоню Хану, скажу ему, где ты, и свяжу тебя до тех пор, пока он не приедет сюда. Ты удивишься, узнав, насколько мне не нравится его тактика, но я думаю, что тебе нужно рассказать ему всё, что ты рассказала мне.

– Я не могу. Что, если они придут сюда? Что, если Тони последует за ними? Я не могу позволить кому-то причинить ему боль, – Моника покраснела, когда поняла, что сказала. – У этих людей есть деньги, и они не боятся использовать их, чтобы добиться того, что хотят.

Схватив свою сумку, Моника потянулась к своему кошельку. Когда она нашла то, что искала, то протянула Кэйтлинн, это был чек, который мистер Бэрр выписал ей, когда девушка сказала, что пойдёт в полицию.

– Видишь, что они делают? Они выписывают чеки, считая, что этого достаточно. Думают, что у всех есть цена – вот почему они это делают, – Престон сжала в руке чек, грязные деньги, что беспокоили её. – У меня нет цены, и я не позволю им попытаться купить меня. Даже, если это означает, что я в бегах на всю оставшуюся жизнь.

Моника вслепую направилась к двери, но остановилась, когда Линн

преградила ей путь. Когда девушка изо всех сил пыталась обойти её, то женщина просто обняла Престон, поддерживая. Моника заплакала, когда её усадили обратно на диван. Но Кэйтлинн не отстранилась, всё так же обнимая её. Когда девушка зарыдала, женщина отстранилась, но не ушла.

– Я обычно не реву, как ребёнок, – Моника улыбнулась женщине. – У меня не было срывов несколько лет. Мне очень жаль. Я не хотела вываливать это на тебя, дав волю слезам.

– Не беспокойся о нём. Маршалл скоро будет здесь, и когда он придет – мы сможем решить всё. И как только мы сделаем это, я бы хотела, чтобы ты поговорила с Ханом. Он волнуется, не зная, где ты.

Моника ответила, что подумает об этом. Не то, чтобы она считала, что обычно он стабилен, о чём и сказала Кэйтлинн. Женщина рассмеялась, но после поднялась на ноги, чтобы позаботиться об их перекусе, или, по крайней мере, она так сказала. По всей видимости, распорядится об этом, было лучшим решением. Миссис Боуэн отдала распоряжение рабочим на китайском языке.

Женщина добавила:

– И для справки, Хан тоже неплохо пострадал. Не так, как ты, не физически, но она почти уничтожила его. Возможно, пусть ты даже не задумываешься об этом, но он сможет помочь.

Маршалл появился не один. Моника пыталась не пялиться, но этот мужчина был похож на Президента США. И когда Кэйтлинн назвала его Уорреном, девушка поняла, что это и был он.

– Это я, спасибо, что заметили, – мужчина подмигнул ей. – Эта юная особа не выражает мне никакого уважения, даже не глядя на то, что я поспособствовал тому, что она получила свою работу.

– Отвали, мудака.

Посмотрев на двух мужчин, Моника повернулась к Кэйтлинн, когда та назвала Президента мудаком. Уму непостижимо.

ГЛАВА 6

Сидя в самолёте, Хан пытался не встречаться взглядом со своими братьями. После того, как позавчера отец приказал ему вернуться домой, он подрался с одним из них. И вот теперь мужчина, наконец, сможет увидеть Монику. И из того, что Кэйтлинн рассказала ему прошлой ночью, а сказано было много, Моника больше не собиралась мириться с его дерьмом.

– Расскажи ей. Расскажи ей всё, или помоги мне сделать это. И, если это сделаю я – ты больше никогда не увидишь её задницу. Ты знаешь, мне вполне под силу это устроить, – Линн замолчала, чтобы перевести дыхание, и он уже почти начал рассказывать ей, что женщине стоит сделать со своим плохим «я», когда она продолжила: – И, Хан, тебе стоит знать ещё кое-что. Тони, тот мужчина, что преследует её, прямо здесь. В Вашингтоне.

Это заставило его замолчать. Оборотень спросил, как ему следует поступить. Кэтлинн молчала несколько секунд, и он понял, что та плачет.

– Я не знаю, Хан. Мне очень нравится эта девушка. Признаю, я дразнила тебя тем, что ты нашёл кого-то, и она оказалась даже больше того с чем ты можешь справиться, но... – Она фыркнула. – Эта девушка вынесла то, с чем не справилась бы даже я. Её родителей убили, и так много всего произошло с ней самой, но Моника продолжает бороться. Как у неё хватает сил?

– Я исправлю это. Клянусь тебе, я всё исправлю, – она ответила, что ему стоит постараться. – Кэйтлинн, пожалуйста, не отнимай её у меня больше. Мне нужно увидеть её. Я был... Я плохо с ней обошёлся. Уокер сказал, что я обращался с ней, как с животным.

– Ты приказывал ей, будто она и есть животное. Чего ты ожидал от неё, Хан? Что Моника будет прыгать по твоему указанию? Сдастся тебе, когда ты захочешь её трахнуть? Она не собирается сдаваться ни тебе, никому-либо другому.

Хан понял это, когда, выломав дверь ванной, обнаружил, что девушка вновь сбежала. На окне, из которого она выпрыгнула, осталась кровь. И когда оборотень посмотрел вниз, он удивился тому, как далеко она прыгнула, чтобы сбежать от него. Потому что именно это она и сделала – сбежала от него.

Когда объявили о посадке, мужчина посмотрел на Уокера. Он не разговаривал с ним несколько часов, и, если хотел остаться в его доме – ему стоило прекратить это. Кроме того, Хан был уверен, что ему понадобится помощь, когда придёт время рассказать Монике, кто он.

– Прости меня, – Уокер посмотрел на него, и отошёл в сторону. – Мне действительно жаль, Уокер. Не только из-за того, что я расстроил твою пару, но и в последние несколько лет... Я был...

– Задницей? Мудакom? Возможно, даже тупицей? – Уокер не улыбнулся, и Хан понимал, что тот не шутит. – Ты заставил её плакать. Ты знаешь, как мне было тяжело сдержаться, чтобы не пойти и вырвать тебе горло, чёрт возьми? Как мне было тяжело не сделать это?

Лидер группы вздрогнул, потому что понимал, что независимо от твоего статуса в семье, если ты будешь приставать к чужой паре – это может убить тебя. Он кивнул, зная, что всё, что мужчина сказал сейчас, просто ничто в сравнении с той болью, которую он причинил им двоим.

– Кэйтлинн сказала, что ты собираешься наладить отношения с Моникой. У тебя есть какой-то план, что мог бы заставить её поверить тебе? Я не уверен, но не думаю, что ты сможешь тянуть с этим дольше. Она через многое прошла.

И большая часть была из-за него. Особенно в последнее время, когда Хан был властным мудаком, пытаясь показать, что может помочь ей. Оборотень вышел из самолёта вместе с остальными, сказав, что ему нужно сделать пару остановок. Их уже ждал лимузин, чтобы отвезти домой, но мужчина ответил, что возьмёт такси.

– Я пойду с тобой, остальные могут ехать домой, – Уокер велел

водителю вернуться за ними. – Заодно и пообедаем.

Первой их остановкой был флорист. Хан стоял и смотрел на всё это разнообразие цветов и оттенков, понимая, как мало он знает о своей паре. Он оглянулся на Уокера, когда тот коснулся его плеча.

– В растерянности?

Мужчина кивнул.

– Иногда я тоже. Кэйтлинн не похожа на большинство женщин. Она носит пистолет, и убивает плохих парней, и за один день её окружает больше мужчин, чем многих женщин за всю их жизнь. Трудно находиться рядом, когда она пахнет, как большинство из них.

– Как ты с этим справляешься? Как ты позволяешь ей оставлять тебя каждый день, и возвращаться сюда без тебя? Как ты это выдерживаешь?

Хан усмехнулся, как и Уокер. Всё налаживается.

– Каждую ночь я обновляю свою метку.

В конце концов, Хан остановил свой выбор на лилиях. Ему показалось, что они были милыми и выглядели красиво. Он не просил Уокера или того мужчину помочь ему, но купил Монике пару дюжин. А после он увидел небольшую фиалку. Оборотень наклонился, рассматривая мягкие бархатные листья, и подумал о её коже. Крошечные цветки напомнили ему о глазах его пары, что имели самый тёмный оттенок фиолетового, который Хан когда-либо видел. Он прикупил и одну из них.

Быстро перекусив, братья направились в торговый центр. Это место было огромным. Сделав пару остановок, они вызвали обратно лимузин, заполнив покупками багажник и большую часть сидения рядом с собой. И у него, и у Уокера на коленях были пакеты. Водитель сказал, что принесёт их, но Хан прихватил с собой одну сумку.

Когда они прибыли, Моника спала. Горничная сообщила мужчинам, что мистер Маршалл и мистер Президент уехали около двух часов утра, и что молодая мисс уснула сразу, как поднялась к себе. И это было около шести утра. А сейчас два часа дня.

Хан прошёл в комнату, куда заселилась девушка, и увидел, что цветы уже привезли. Взяв фиалку, мужчина положил её на тумбочку около кровати. Положив рядом на пол свою розовую сумку, он присел.

Её поздоровевшее лицо было красивым, и опухоль почти сошла. Когда он прикоснулся пальцем к коже Моники, то улыбнулся, понимая, что был прав на счёт цветка, который сравнил с ней. Когда его пара чуть пошевелилась, Хан отошёл к креслу, чтобы иметь возможность наблюдать за ней. И через пару минут девушка проснулась.

– Привет. Как ты себя чувствуешь?

Моника осмотрела комнату, но ничего не сказала.

– Я купил тебе цветы. Никогда не делал этого раньше.

Даже он сам понимал, что это звучало убого. Когда Моника потянулась, Хан заметил, как рубашка, которую она носила, обтянула её грудь, и отвернулся. Он приехал не для того, чтобы заняться с ней любовью, а для того, чтобы попросить у неё прощения.

– Пора вставать. Мне нужно, чтобы ты ушёл. И я даже не хочу спорить с тобой об этом, – натянув простынь на тело, девушка нахмурилась. – Как давно ты здесь?

– Недолго. Я хотел бы... Сначала мне нужно поговорить с тобой. Если ты не возражаешь. Мне нужно кое-что объяснить.

Она фыркнула.

– Если ты имеешь в виду привычку приказывать мне – то нет, спасибо. Мне достаточно того, что ты относился ко мне, как к недочеловеку. Я такая же, как и ты.

Хан подумал, что это прекрасная возможность.

– На самом деле, нет. Я имею в виду, что я не совсем человек. В любом случае, не такой, как ты. Я несколько больше.

Моника подняла бровь.

– О, правда? Ну, как чертовски прекрасно для тебя. Тогда ты не будешь возражать, если я скажу тебе держаться подальше от моей

несовершенной персоны. Убирайся.

Он великолепно заporол это.

– Это не то, что я имел в виду. Я больше, чем ты, потому что... Я не совсем человек.

– Даже не буду с тобой спорить.

Впившись в неё взглядом, Хан попытался вновь.

– Я – пантера.

Он сказал ей. Не так, как планировал, но теперь она знала. Мужчина ждал, пока Моника задаст ему вопрос, но всё, что она сделала – это изумлённо посмотрела на него. Но стоило оборотню попытаться объяснить, что он подразумевал под этим, девушка заговорила:

– Я почти уверена, что их распустили в восьмидесятых. И не то, чтобы я ассоциировала какую-то группу с тобой. Тем более, что ты не так уж и политизирован.

Ему потребовалось несколько минут, чтобы понять, о чём говорит его пара. Хан подумал, что, если бы он изо всех сил не сдерживал свой темперамент, и не дал ей уйти от него – это было бы даже забавно. Мужчина был уверен, что, если рассмеётся – она попросту убьёт его. И сейчас оборотень подразумевал вовсе не ту женщину, на которой женился его брат.

– Не Чёрная пантера (*афроамериканская леворадикальная организация, ставившая своей целью продвижение гражданских прав чернокожего населения, – прим. перевод*). Настоящая пантера. Та, что ходит на четырёх лапах. И вся моя семья тоже. Как и Кэйтлинн.

Хан смотрел на неё, пытаясь уловить нотки страха, но Моника выглядела... Обескуражено.

– Хорошо. Полагаю, о... Не знаю, Президент – летучая мышь, а его помощник – дракон. Ты сумасшедший, если веришь в это.

– Нет. Это правда, и Президент – белый бенгальский тигр. Как и его помощник. Но, я думаю, что он золотистый, а не белый, – Хан поднялся на

ноги, принявшись расстёгивать рубашку. – Хотела бы увидеть его?

Моника покачала головой, когда мужчина уже снял рубашку. Когда он сделал это, девушка ожидала увидеть татуировку или что-то типа того, но это было не так. Сняв ремень, Хан принялся расстёгивать джинсы. Но Престон попыталась остановить его:

– Слушай, если ты хочешь, чтобы я поверила, я серьёзно – я это сделаю. У тебя нет причин делать это, – девушка пристально посмотрела на него. – Сейчас ты пантера?

Боуэн рассмеялся над ней, и Моника почувствовала себя глупо.

– Нет, но думаю, ты поймёшь это, когда я обращусь в неё. И, Моника, пожалуйста, не кричи и не беги. Если ты сделаешь это – ты спровоцируешь меня преследовать тебя, и он любит это.

Девушка кивнула. Когда Хан снял свои брюки вместе с боксёрами, она уличила минутку насладиться его телом. Мужчина был красив. Когда он зарычал, девушка перевела взгляд на его лицо.

– Когда я покажу тебе свою кошку, если ты всё ещё будешь хотеть меня – я обращусь в человека, и мы займёмся любовью. С тобой всё в порядке?

Моника кивнула, не зная, что ещё ей сделать.

– Хорошо, потому что я чувствую твой запах, и всё, что я хочу – глубоко войти в тебя.

И так же внезапно, как он стоял обнажённый перед ней – Хан исчез. И на его месте оказалась огромная пантера. Моника вскарабкалась по кровати вверх, готовая убежать, но зверь вскочил на постель следом за ней. Престон взглянула на дверь, подумав, что у неё получится сбежать, когда Хан зарычал на неё.

– Хорошая пантера. Я просто хочу пойти и получить кое-какую помощь. Оставайся здесь, и я... – Его огромная лапа приземлилась на её ногу, и девушка вскрикнула. – Пожалуйста, не ешь меня.

Моника посмотрела на него, когда тот приблизился. Он не отпускал её, но и приближался к ней крайне медленно. И когда девушка уже хотела было закричать, Хан лизнул её ногу.

– Прекрати это. Что ты делаешь? Проверяешь достаточно ли я нежная для тебя? Прекрати это сейчас же.

Ей показалось, что он смеётся над ней. И когда зверь вновь лизнул её, Моника пошевелила пальцами ног. Это ощущение было достаточно неплохим. Его язык был жёстким, но мягким, и когда Хан сдвинул её ногу, Моника отодвинулась от него.

– Лизать – хорошо, но не кусаться.

Престон посмотрела на него, когда язык Хана задел рану на её ноге. Поняв, что боль ушла, она едва сдержала себя, чтобы не отстраниться.

– Ты исправил это, – Моника посмотрела на него. – Ты понимаешь меня? То, что я тебе говорю? – Пантера кивнула головой. – Я спятила. – Она оглядела комнату, заметив цветы. – Это розы? Ты купил мне розы? – На этот раз пантера покачала головой. – Это правда ты, не так ли? Ты действительно пантера, и я в постели с тобой. – Он кивнул, облизав её бедро. – Ты собираешься заняться со мной сексом в этом виде?

Хан замер. И Моника подумала, что его глаза потемнели. Всё её тело чувствовало его пристальный взгляд, будто мужчина прикасался к ней. Когда зверь убрал лапу с её ноги, переложив её на живот, уткнувшись носом в рубашку, не думая о том, что он может укусить её, Моника приподняла одежду, обнажив рёбра.

– Я сбежала через окно в гостинице. Я знаю, что это было глупо, но ты... Человек, сводивший меня с ума. Я не хочу, чтобы ты обращался со мной так, – язык пантеры прошёлся по царапинам и синякам на её рёбрах. И они больше не болели. – Ты исцеляешь меня.

Когда он закончил с тем участком, девушка уже было опустила рубашку, но Хан ударился головой о её грудь. Престон не была уверена на этот счёт, но расстегнула лифчик, обнажив для него обе груди. Посмотрев на неё, пантера прикоснулась языком к её соску, и Моника застонала. После, когда зверь повторил то же и с другой грудью, девушка запустила пальцы в его мех, заставляя приподнять голову.

— Если ты хочешь меня — тебе стоит приложить все усилия, чтобы вновь стать человеком. Я возбуждена из-за тебя, — это было правдой. Она была влажной. Хан двинулся вниз по её телу, опустив голову к её киске, и глубоко вдохнул. Перевернувшись на кровати, девушка почти что кончила, когда хищник вновь сделал это.

Встав у кровати, он вновь превратился в Хана. И первое, что Моника заметила — его член. Потому что он был невероятно твёрдым. Когда девушка потянулась к нему, Хан отступил назад, глубоко дыша.

— Когда мы кончим, я укушу тебя. Я хочу отметить тебя, как свою. Всё в порядке?

Он что, шутит? В этот момент ей было бы всё равно, даже, если Хан вырвет ей горло, пока будет внутри. Моника кивнула.

Подняв свою пару, Хан обрушил свой рот на её. Казалось бы, что их тела стали единым целым, когда мужчина повалил Монику на кровать. Его рот был жадным. А его язык теперь был мягким и гладким, сплетаясь с её вновь и вновь. Руки оборотня рвали её одежду, чтобы чувствовать своей кожей её.

Когда мужчина взял её сосок в рот, Моника не сдержала вскрика, подавшись к нему, желая отдать ему всю себя. Его член касался её входа, и девушка вертелась, пока его головка не вошла в неё. Двинувшись вновь, Престон попыталась полностью насадить себя на него.

Оторвав свои губы от её груди, Хан посмотрел на свою пару.

— Я знаю, что ты не девственница, но я достаточно большой, и понимаю, что могу причинить тебе боль, но я не могу больше ждать. Мне

нужно быть внутри тебя.

– Пожалуйста. Пожалуйста, возьми меня.

Мужчина сделал глубокий толчок, наполняя Монику, и она не сдержала крика боли, вцепившись в него. Хан замер, и Престон подняла взгляд на своего мужчину.

– Мне очень жаль, но я не могу больше терпеть, малышка. Клянусь, следующий раз будет только для тебя, но мне нужно двигаться, – оборотень медленно и легко толкнулся внутрь неё. – Я все исправлю, детка.

Она почувствовала, как её тело приспосабливается к его. Член мужчины был толще, чем она привыкла, но это больше не причиняло ей боли. Приподняв бёдра, чтобы Хан смог войти ещё глубже, Моника почувствовала, как он лизнул её горло. Она прочувствовала это каждой клеточкой своего тела. Повернув голову, Престон ощутила, как зубы хищника скользят по её коже. Вогнав ногти в спину мужчины, девушка подталкивала его к этому, чувствуя зубы Хана у мочки своего ушка. И всё это время он медленно и размеренно двигался в ней.

– Ты кончишь, когда я укушу тебя. Очень сильно кончишь. Я с трудом могу дождаться, чтобы попробовать тебя на вкус. То, как мой язык будет лизать твою киску, испивая тебя, – её руки переместились к его груди, и Моника провела пальцем по соску своего мужчины. – Христос, повтори это.

Она подчинилась, оставив по себе немного крови. Но вместо того, чтобы почувствовать себя плохо, что причинила ему боль, Моника поймала себя на мысли, что хочет попробовать её. Приподняв голову, девушка слизнула каплю, после, сомкнув губы на крошечной ранке, принявшись посасывать её.

Её оргазм пронёсся сквозь неё, но прежде, чем Престон смогла запрокинуть голову, застонав, Хан прикоснулся к её груди, жёстко вколачиваясь в неё. А после впился зубами в шею.

Её тело сотрясилось в оргазме, поднявшем её так высоко, что Моника

смогла увидеть грёбаные звезды. Хан всё ещё жёстко двигался внутри, даже, когда, выпустив её кожу, зарычал, запрокинув голову. Престон увидела, что его подбородок и удлинившиеся клыки покрыты кровью, потому вновь взяла в рот его раненный сосок, укусив изо всех сил, закричав, когда её рот наполнился кровью. Сглотнув, девушка поняла, что произошло то, к чему не был готов ни один из них.

Провалившись в темноту, Моника подумала, что ей почудилось, что Хан прошептал, что любит её.

ГЛАВА 7

Хан вновь укрыл свою пару. Мужчина регулярно проверял её рану и пульс, с тех пор, как осознал, что Моника без сознания. В тот момент, оборотень настолько быстро отпрянул от неё, что, не заметив оставленную у кровати сумку, что хотел отдать её девушке, споткнулся об неё и подвернул лодыжку. Заметив на своей груди кровь, Хан похромал в ванную, чтобы стереть её.

Моника укусила его. Укусила до крови, а после – попробовала её. Проведя рукой по крошечному оставшемся шраму, Хан не сдержал улыбки. Он изо всех сил старался не думать о том, что сделала его пара, но ничто не изменило бы того, что оборотень чувствовал себя так, будто ему подарили превосходный подарок. Мужчина вновь проверил пульс Моника.

Он никому не говорил о том, что произошло, хоть и был уверен, что их и так все слышали – вчера Хан мало заботился о других обитателях дома. Посмотрев на Моника, оборотня посетила мысль о том, что тот ещё вопрос, кто выиграл от случившегося. Поймав себя на том, что вновь улыбается, мужчина, услышав стук в дверь, бросил взгляд в ту сторону.

Едва приоткрыв дверь, Хан увидел на пороге их с Престон комнаты, Уокера.

– Уходи, не хочу разбудить её.

Мужчина рассмеялся.

– Не думаю, что это случится. Судя по тому, как она кричала, я весьма уверен в том, что Моника ещё долго будет в отключке. Ты в порядке?

Сначала Хан кивнул, но после отрицательно покачал головой.

– Я не знаю. Она... Господи, Уокер, она укусила меня. И испила немного моей крови.

– Я счастлив за тебя. Моника будет в порядке, теперь, когда у неё есть твоя кровь – всё будет хорошо. Я клянусь. Идём, у нас есть кое-что для...

– Хан?

Когда Моника назвала его имя, мужчина обернулся к ней, просто захлопнув дверь перед лицом Уокера. Услышав, как рассмеялся его брат, оборотень направился к кровати, где лежала девушка.

– Тебе больно? Я слишком ранил тебя? – Приподняв покрывало, мужчина вновь проверил её пульс. – Я очень переживал, когда ты потеряла сознание. Ты уверена, что с тобой всё в порядке?

– Да. Как ты? – Проведя пальцем по шраму Хана, Моника подняла на него взгляд. – Ты быстро исцелился, не так ли?

– Да. Как и ты сейчас.

Хан прилёг поверх покрывала, устроившись рядом со своей парой.

– Ты действительно в порядке? Я не хотел кусать тебя так сильно. Но теперь ты моя.

Моника приподняла бровь, в ответ на эту фразу.

– Я никому не принадлежу. Только сама себе. И чем раньше ты уяснишь это... Что ты имеешь в виду, говоря, что я твоя?

– Мы вместе, пара. Мы с тобой разделили секс и кровь. Думаю, это именно то, что и создаёт нашу принадлежность друг другу, – Хан усмехнулся. – Я буду защищать тебя.

– Я понимаю. Хотя нет, на самом деле, не понимаю.

Моника поднялась, и Хану только и оставалось, что смотреть, как она,

ворча, собирает свои вещи. Оборотень подумал, что ему стоило бы рассказать девушке, что он может слышать её, но потом решил, что, если он это сделает – это только всё усложнит.

– Чем ты так расстроена? Я хочу сказать, не то, чтобы тебе до этого хорошо удавалось заботиться о себе. В смысле, когда мы встретились... Посмотри, что с тобой произошло. Тот парень избил тебя, а ты даже и не сопротивлялась.

И как только Хан произнёс это, он понял, что совершил ошибку. Прежде, чем мужчина успел сказать, что он совсем не это имел в виду, Моника, схватила вазу, выглядя при этом так, будто была готова бросить её в него. И когда Престон, успокоившись, поставила её обратно, оборотень с шумом перевёл дыхание. Подойдя к двери, девушка открыла её.

– Убирайся.

Хан даже и не думал шевелиться.

– Если ты сейчас же не уберёшься с этой комнаты – я позову твоих братьев, и расскажу им... Скажу им, что ты ранил меня.

– Они не поверят тебе. Я не могу причинить тебе вред. Это в нашей ДНК – мы не можем причинить вред своей паре.

Моника, оставив дверь открытой, подошла к кровати. Хан уже было подумал, что девушка простила его, но она открыла выдвижной ящик. Внезапно в её руке оказался пистолет, и вот она уже целилась в его голову.

– Но это не в моей ДНК, и я раню тебя. И теперь, или ты покинешь эту комнату прямо сейчас, или они унесут тебя в мешке для трупа.

Хан поверил её словам больше не из-за того, что Моника целилась пистолетом ему в голову, а из-за её голоса. Он звучал низко, сурово и почему-то Боуэн поверил каждому её слову. Встав с кровати, оборотень отошёл. Когда мужчина потянулся за рубашкой, девушка вскочила на кровать.

– Я больше не собираюсь возиться с тобой. Убирайся вон.

Моника отвела пистолет от его головы, и Хан наблюдал за её твёрдой

рукой. Он понял, что она сделала это. Чёрт возьми, его пара выстрелила в него. И даже, когда в комнату ввалились остальные жители дома, Хан не отводил своего взгляда от Моники.

– Это ещё не конец. Ты моя пара, и я не собираюсь мириться с подобным ни от тебя, ни от кого-либо ещё.

– Что же, тогда для меня это чертовски прекрасно, потому что я тоже не собираюсь мириться с этим, – Моника даже не взглянула в сторону двери. – Живым или мёртвым, но уведите его отсюда.

Хан направился к двери, и вышел в коридор. Он не посмотрел, пошёл ли за ним кто-то или нет, но спустившись вниз, мужчина направился на кухню. Если человек, вставший на его пути, думал, что может попытаться остановить его – он пожалеет об этом. Но прежде, чем оборотень успел прикоснуться к нему, тот обернулся. Хан смотрел на замершего в дверях человека, в чьих руках тоже было оружие, коим он целился в Боуэна.

– Нам велели держать Вас здесь. Вам стоит пойти в гостиную и сесть, или нам придётся задержать Вас, – мужчина за дверью вновь заговорил: – Я не хочу стрелять в Вас, но, Мистер Боуэн, я сделаю это, если понадобится.

Хан был готов сказать им, чтобы они сделали это, когда Кэйтлинн вместе с другим неизвестным ему человеком, вошли в комнату. Женщина не выглядела особо счастливой, да и мужчина рядом с ней был мертвецки бледен. Он поднял свой подбородок. Если Кэйтлинн хочет задать ему трёпку – Хан готов.

– Произошло два убийства. Зверские. Сенатор и миссис Бэрр были убиты вчера в доме миссис Бэрр. Ей перерезали горло, а его забили кочергой, – Кэйтлинн вошла в комнату, и оборотень заметил, насколько она бледна. – И я привезла её сюда.

На несколько секунд Хан смутился. Мужчина не понимал, о ком она говорила, пока не вспомнил, как Уокер назвал ему имя человека, преследующего Монику. Бэрр. Его родители мертвы.

– Это его рук дело? – Линн кивнула, упав в кресло. – Тебе известно, знает ли он, что Моника здесь?

– Я не знаю. Может Тони и не знает, но, когда он найдёт её здесь – он придёт сюда. Ему известно, кто я и как связана с тобой. И он собирается выяснить, где она прячется. Мне стоит отослать Монику. Куда-то, где никто и не догадается искать её, пока мы не поймает его.

– Я не позволю тебе это сделать, – Хан поднял взгляд, когда один из мужчин поднялся на ноги, не опуская пистолет. – Я не могу... Прямо сейчас она зла на меня, и, скорее всего, назло мне, встретит его с распростёртыми объятиями, но я не могу отпустить её.

– Всем в доме известно, что Моника зла на тебя, Хан. Ты виноват в этом, и теперь я должна защитить её. Возвращайся домой. Ты не сможешь уладить то, что она сама исправлять не хочет.

Хан присел в кресло напротив, когда Кэйтлинн продолжила выдирать его сердце:

– Ты никогда не научишься держать язык за зубами, не так ли? Последнее слово просто обязано быть за тобой, правда? Почему?

– Я не знаю, каково это быть с ней, – Хан вскочил на ноги, заметив, что мужчины ушли. – Господи, я не знаю, что делать. Что я, чёрт возьми, делаю со своей парой? Я не могу доставить ей удовольствие, кроме, как в постели, а после и вовсе причиняю ей боль. Она сказала, что всё в порядке, но Моника так долго не приходила в себя. Как так получается, что я выгляжу грёбанным мудаком даже тогда, когда пытаюсь быть хорошим парнем?

– Это называется «дыши и думай, прежде чем открыть рот».

Хан посмотрел на Монику. Она выглядела так, будто плакала.

– Почему тебе просто необходимо сказать всё то, что вертится на твоём языке? Разве ты не можешь просто спросить себя, не причинит ли это мне боль? Не заставит ли это меня желать прострелить твою голову и станцевать на твоих мозгах? Это становится заманчивым каждый раз, когда

ты говоришь то, что выводит меня из себя.

– Ты тоже говоришь тупое дерьмо, – Моника уже было повернулась, чтобы уйти, но Хан не позволил ей этого. – Пожалуйста, я буду пытаться, но я не изменюсь за ночь.

– Ты не изменишься и вовсе, если не будешь пытаться. Я не хочу, чтобы ты третировал меня, Хан. Я и так натерпелась этого в излишке. Я обыкновенная, в отличие от тебя, но у меня есть чувства. Чувства, которые рушатся, когда ты так ко мне относишься.

– Она причинила мне боль, – Моника обернулась, чтобы посмотреть на него. – Она оставила меня – она причинила мне боль именно этим, а не тем, что сделала, потому что это затронуло всю мою семью. Я подвёл их, потому что сломался из-за человека.

– И в чём виновата я? – Моника не ушла, как сделали это Кэйтлинн и другие, присев на диван. – Я не сделала тебе ничего, но стараюсь держаться подальше от твоих иголок. Ты возвращаешь меня обратно, и отталкиваешь.

– Да, йо-йо, – Хан хотел прикоснуться к её руке, но побоялся, что Моника увернётся от него. – Но это больше того, что было с Розанн. Она забрала не только наш секрет, но и моё достоинство и гордость. Она сказала мне, что я меньше, чем мужчина, потому что я не делаю так, как хочу и это...

– И что? Что она сказала тебе? – Моника прикоснулась к его руке, и мужчина провёл пальцами по её ладонке. – Расскажи мне всё, Хан.

– Когда мы впервые занялись сексом... Теперь я понимаю, что мы никогда не занимались любовью. Это был наш первый секс, и я понимал, что эта девушка не такая, как другие. Она не несла в себе что-то сверхъестественное, как я, но что-то в её разуме и сердце делало её другой. Розанн была слишком жестокой с теми, кого считала ниже себя. Она относилась к своим слугам без уважения, и со мной она обращалась... – Хан отпустил руку Моника, и, поднявшись на ноги, принялся ходить по

комнате. – Это было так, будто она обманула меня, потому что я был кем-то, кем не была Розанн. Но для меня всё было в порядке, потому что я думал, что люблю её.

– Ты не нравился её родителям?

Хан кивнул, но после покачал головой.

– Тогда что? Ты им понравился?

– Я нравился им, потому что на какое-то время делал Розанн счастливой, но они не хотели, чтобы я женился на ней. На самом деле они пытались отговорить меня, когда я попросил её руки. Я был слишком глуп, чтобы понять, что они не столько отговаривали меня, как выставляли вон. Мне стоило уяснить это.

Хан прошёлся по комнате, а после открыл холодильник. Достав кувшин чая, мужчина наполнил два стакана льдом. Налив один ей, а второй себе, мужчина продолжил:

– Я рассказал ей, кто мы. Я показал ей, что я могу делать и как обращаюсь. Она задала мне столько вопросов, что мне следовало бы... Нет, я даже не допускал мысли о том, что она думает не о том, чтобы провести со мной всю свою оставшуюся жизнь, а о том, что я могу обратить её.

Выпив свой стакан, Хан вновь наполнил его.

– Через неделю или около того, Розанн пришла ко мне домой. Она была так взволнованна, потому что у неё появилась превосходная идея. Хотела, чтобы мы поженились прямо в тот момент. И я ответил согласием.

– Что произошло потом? Если она хотела выйти за тебя замуж – то должна была что-то чувствовать к тебе.

Хан посмотрел на Монику, удивившись тому, почему он никогда раньше не замечал насколько они обе разные.

– Хан?

– Она хотела сразу же выйти замуж, и чтобы я обратил её. Розанн думала, что было бы здорово, если бы мы вдвоём могли бежать по лесу позади её дома, быть свободными и делать то, что нам хотелось, – мужчина

отпил со своего стакана. – Но на самом деле это не было тем, чего она хотела. Розанн хотела, чтобы я обратил её, чтобы она могла убивать людей. Всех и каждого, кто разозлил её – она хотела их смерти. Она сказала мне, когда я объяснил, что не смогу обратить её, что в большинстве своём люди смертны, и я не рискну убить её.

– Она не поверила тебе, не так ли?

Хан покачал головой, в ответ на вопрос Моники.

– Нет, не поверила. И решила, что, если это не сделаю я – она сможет заставить сделать это одного из моих братьев. Розанн начала с Рида. Когда она занялась им, ему едва исполнилось двадцать. Но он не был настолько глупым, как она думала, и отверг её. А после Розанн заявила, что он изнасиловал её. И что он был животным. Его арестовали на следующий день. После того, как сделала это, она пошла ко мне и сказала, что, если получит то, что хочет – то откажется от обвинений.

Когда Моника встала, мужчина подумал, что девушка хочет покинуть его, но это было не то, что она сделала. Оказавшись перед ним, Престон села к нему на колени, и обняла. Оборотень чуть отодвинул стул назад, чтобы и он смог обнять её. Когда Моника сказала ему продолжить, мужчина подчинился без раздумий.

– У неё не было доказательств, что её изнасиловали. Они провели тест, который показал, что она не занималась жёстким сексом – таким, как она сказала, у неё был с Ридом. Поэтому ей пришлось изменить свою историю ещё трижды. Сначала Рид изнасиловал её, потом Себастьян избил её, а затем, в итоге, я ограбил её. Это не возымело должного действия, потому Розанн пришла ко мне с доказательством того, кто мы – это было видео, которое она сделала, когда мы дурачились в лесу. Она сказала мне, что удалила его, а я, дурак, поверил.

– Что случилось в том видео? Она шантажировала тебя им – я бы запомнила, если бы увидела его. И я почти уверена, что человек, обернувшийся в пантеру, попал бы в ленту новостей.

Хан поцеловал её в нос.

– Кэйтлинн нашла его и уничтожила. Я не знаю, когда, потому что никогда не спрашивал её об этом, но она сказала мне, что обнаружила его, когда искала что-то, в чём она была замешана. Розанн, не Кэйтлинн.

Моника положила голову на плечо мужчины, ничего не сказав. Хану хотелось задать ей столько вопросов, как например: она оставит его? Поможет ли она ему стать лучшим человеком? Сможет ли она дать ему ещё один шанс? Но мужчина не спросил ничего из этого. Он просто держал её в своих руках. Когда Моника заговорила, оборотню захотелось отправиться на поиски Розанн, чтобы вырвать её чёртово сердце.

– Итак... Ты ненавидишь меня, потому что какая-то другая женщина сделала так, что твоё сердце и мысли ожесточились по отношению к кому-то ещё. У тебя есть семья, что беспокоится о тебе, но ты позволил ей одержать верх над тобой. Ты закрылся в себе, потому что какая-то сука причинила тебе боль, – Моника посмотрела на своего мужчину. – Я никогда не считала тебя малодушным.

Хан начал было говорить, что он не малодушен, когда на самом деле так и было. Он долго прятался за тем, что Розанн причинила ему боль когда-то давно. И из-за этой боли, он упустил чертовски много вещей. Как, например, любовь к женщине, замершей в его руках.

Моника поднялась на ноги.

– Мне нужно уехать отсюда. Тот мужчина найдёт меня, он придёт сюда и причинит боль всем вам, – Хан, ведомый желанием остановить её, взял Престон за руку. – Не делай этого, Хан. Ты знаешь, что я права.

– Нет. Да, ты права, но ты не можешь уехать, – он прикоснулся поцелуем к её ладоням. – Я не приказываю тебе остаться – я прошу тебя. Он здесь. Бэрр прямо здесь, в Вашингтоне. И Кэйтлинн сказала, что он убил своих родителей.

ГЛАВА 8

Кэйтлинн наблюдала за Моникой. С того момента, как она вышла вместе с Ханом из кухни, девушка была крайне молчаливой. Женщина задалась вопросом, что же такого сказал ей оборотень, чтобы та осталась, но, в любом случае, что бы то ни было, Линн была счастлива за них. Когда Хан вновь взял за руку свою пару, Моника подарила ему улыбку, но даже Кэйтлинн заметила, что Престон не особо обращает внимания на происходящее. Пришло время для следующего шага.

– Моника, расскажи мне, что его привлекает в тебе?

Девушка посмотрела на Линн, но промолчала.

– Я хочу сказать, что заставляет его пересечь штат, чтобы найти тебя и попытаться заставить тебя вернуться к нему?

Хан поднялся на ноги.

– Ты обвиняешь не того, кого следует, Кэйтлинн. Я бы посоветовал тебе поумерить пыл.

– Но разве ты не видишь? Она должна была что-то сделать. Возможно, ты немного флиртовала с ним? Возможно, на тебя произвели впечатление его деньги?

– Нет. Я ничего не сделала. Он попросил меня – и я пошла, но Тони хотел большего.

Моника выглядела испуганной. Неплохо, это могло бы сработать.

– Но ты пошла с ним на свидание. Ты сама так сказала.

Когда Хан собирался броситься на свою невестку, на его пути встал Уокер, что-то тихо выговаривая ему.

– Ты последовала за ним – каково это было?

– Не делай этого. Я рассказала тебе, что случилось. Разве этого недостаточно? – Моника поднялась на ноги. – Я не хочу говорить об этом. Я просто хочу уйти.

– Он изнасиловал тебя, не так ли? – Моника застыла, впрочем, как и Хан. – Ты рассказала о том, как он приставил пистолет к твоей голове, пока вы ужинали в ресторане, как никто не пришёл к тебе на помощь, – но не о том, что он изнасиловал тебя, да?

– Тони не сделал этого. Не... У него не получилось. Он сказал, что это моя вина, что... Я знала, что это из-за того, что он безумен, но Тони обвинил меня. Он сказал... Почему ты делаешь это?

– Потому что то, что ты знаешь, что он – убийца твоих родителей – это пожирает тебя заживо. Ты винишь себя в том, что он изнасиловал тебя, и ты не рассказала об этом. Ни тогда, и не сейчас, – Кэйтлинн кивнула на Хана. – Он рассказал тебе свою историю, но теперь пришла твоя очередь поделиться своей.

– Тони затолкал меня в машину, и пока водитель лимузина, и пара других людей, просто смотрели, он срывал с меня одежду. Все они смотрели, пока я не оказалась голой. Ты это хотела услышать? Или то, что Тони сделал это бутылкой? Что он засунул её так глубоко в мою задницу, что кровотечение не останавливалось ещё с месяц? Что после этого он мастурбировал надо мной, будучи не в состоянии кончить и при помощи этого? – Моника подняла рубашку, указав на шрам. – Так, что он избил меня. А потом вытащил нож и попытался перерезать мне горло. Он пытался убить меня.

Хан укрыл её в своих руках, свирепо смотря на то, как Кэйтлинн улыбнулась.

– Ты думаешь, что это смешно? Думаешь, заставляя её пережить это вновь – это какая-то шутка?

– Нет, но она должна знать, что нам не наплевать на то, что он делал с ней раньше. Что мы любим её такой, какая она есть, – Кэйтлинн подошла к Монике, приподняв подбородок. – То, что он убил их – не твоя вина. Ты пыталась всем рассказать.

– Но я не рассказала им обо всём этом. Мне стоило сказать, что он

сделал со мной, и, возможно, Тони получил бы должную помощь.

– Нет, не получил бы. Его родители давали ему всё, что он хотел. В том числе и тебя. И поскольку я ненавижу то, что должна сказать тебе об этом сейчас, но он делал вещи и похуже с такими же девушками, как и ты. Мы нашли доказательства в доме его матери. Его родители платили семьям десятилетия. И он, как минимум, убил четырёх женщин. И это не твоя вина, – Кэйтлинн протянула ей чек, что Моника недавно отдала ей. – Это помогло нам. Даже больше, чем ты могла бы представить. Они использовали этот счёт для выплат семьям. Единственное, что не было известно правительству, когда мистер Бэрр вошёл в сенат, и единственное, что мы не могли контролировать. Вот почему его родители развелись – это помогло держать всё в тайне.

Дрожащими руками Моника забрала чек.

– Он дал мне это на следующее утро после моего изнасилования. Сказал, что, если я буду помалкивать и обналичу его – получу больше. Но я согласилась обналичить его.

– Христос, – повернувшись, все посмотрели на Рида. – Посмотрите-ка, что я нашёл.

Там было много номеров – около пятнадцати, что было больше, чем они предполагали.

– Я не понимаю. На что мы смотрим? – Моника посмотрела на Кэйтлинн в ожидании ответа. – Они просто сверяют суммы чеков и имена людей.

Кэйтлинн помалкивала, зная, что та поймёт. И когда Моника осознала всё, то была рада, что Хан обнимал её.

– Нет. Это невозможно. Скажи мне, что он не убил всех этих девушек.

– Мне жаль. Мне так жаль, но мы должны были увидеть это, и ты помогла нам. Ты сделала так, что мы сможем найти их. Всех их, – Кэйтлинн посмотрела на Хана. – Она никогда не обналичивала чек, который всучил ей Бэрр-старший, сохраняя его всё это время. Без него, без этих номеров

счёта, Тони, возможно, продолжил бы убивать. Если бы Моника не была настолько сильной или крепкой, он бы продолжил это делать.

– Она моя пара. Конечно, она была бы сильной, – подняв Монику на руки, Хан сел, усадив девушку к себе на колени. – Теперь, после всеобщего шока, почему бы тебе не рассказать нам то, что мы действительно хотим знать? Как убить этого ублюдка.

Тони вновь попытался дозвониться своему отцу. Ему нужны были ответы, и он хотел получить их прямо сейчас. Мужчине никак не удавалось засечь Монику уже несколько дней, потому ему нужно было знать, где жили её друзья, чтобы поговорить с ними.

Следующий звонок был уже к его матери.

– Здравствуйте?

Тони удивился прозвучавшему в динамике голосу, сам не понимая почему. Кого он ожидал услышать, звоня маме, помимо неё? Но голос звучал не совсем правильно. Когда женщина на том конце вновь заговорила, улыбнувшись, Тони ответил.

– Моя мать рядом? Я пытался дозвониться папе, но он тоже не отвечает. Я хочу, чтобы он посмотрел кое-что для меня, – человек на том конце телефона молчал. – Она вновь на одном из своих свиданий? Можете попросить её перезвонить мне?

Закончив разговор, Тони спрятал мобильный. Попытка отвлечь свои мысли чем-то, не увенчалась для него успехом. Стукнув кулаком по лбу, мужчина попытался вновь, но ничего не вышло. В итоге, положив голову на кровать, Тони прикрыл глаза.

Ему нужно найти её. Монике стоит убедиться, что больше он не причинит никаких проблем, и она не даст ему отправиться в больницу.

– Больше никаких больниц. Мне они не нравятся, – повернувшись на

бок, Тони засунул палец в рот. – Больше никаких больниц.

Теперь шум в его голове затих. Он мог в прошлом вспоминать о боли, но ему не избавиться от крови – настолько ярким всё это было. И это было вне его. Когда Тони попытался вспомнить, где он мог бы видеть всю эту кровь, всё, что пришло ему в голову, был камин. Когда всё ушло на задний план, мужчина посмотрел на синяки на своей руке.

– Вот, вот теперь, Тони, всё будет хорошо. Просто отлично, – он рассмеялся над собственным голосом. – С тобой всё будет хорошо.

Они всегда говорили это. Все они. Девушки говорили ему, что всё будет в порядке, что они помогут ему с его небольшой проблемой. У него не было проблем – это были они. Всё было из-за них. Тони, вновь услышав голоса, попытался успокоиться. Это сработало, потому Бэрр очень тихо лежал, размышляя о чем-то отвлечённом. Ему нравилось размышлять о чём-то успокаивающем.

– Деревья на ветру. Мне нравятся деревья на ветру. Они танцуют, как воздушные змеи. Воздушные змеи милые, пока деревья не поймают их, – его голова снова начала очень пульсировать, так что Тони вновь вернулся к успокаивающим его вещам: – Котята милые и мягкие. И мороженое. Я люблю мороженое в жаркий день.

Продолжая разговаривать о чём-то успокаивающем так, будто это происходило в том месте, куда отводила его мама, когда Тони был ещё ребёнком. Он был там целую вечность, а она так и не возвращалась, чтобы увидеть его. В отличие от отца. Он приносил ему подарки. Тони решил добавить подарки в список того, что могло бы заставить его расслабиться. Он решил, что матери не будет в этом списке ни сейчас, никогда-либо ещё.

Когда его голова перестала гудеть, Тони сел. Осмотревшись вокруг, он подумал о том, что никогда не видел этого раньше – возможно кто-то перенёс его в другое место. Мужчина попытался вспомнить, как попал сюда. Но всё, о чём Бэрр мог думать, так это то, что кто-то переместил его сюда, пока он спал.

– Мне не нравится, когда меня передвигают, – крикнул он в комнату. – Ты слышишь меня? Мне не нравится, когда меня перемещают. По сути, я ненавижу это.

Встав, мужчина заметил, что его одежда валяется на полу. И когда он подошёл к ней, то заметил кровь. Она была окровавлена. Опустившись на колени, когда его голова вновь начала гудеть, Тони сжал виски. Кровь, камин и сыр. Вспышкой пронёсся вид прилавка и пива в банке. Сталкер попытался удержать всё это перед глазами, но картинка менялась слишком быстро, и у него ничего не получалось. Вновь посмотрев на кровать, мужчина, доползая к ней, забрался в неё. Успокаивающие мысли больше не помогали, и он закричал:

– Она заставит их уйти. Никто не сможет вновь упрятать меня, – втянув большой палец в рот, мужчина пробормотал себе: – Остальные не помогали мне, как Моника. Вот увидишь. Она станет той, что не удержит меня от того, что я причиню боль кому-то. Да, только кому-то.

Было темно, когда Тони проснулся. Не помня, как уснул, мужчина подумал о том, что это пришли медсестры и усыпили его. Те, что имели... Его голова вновь начала гудеть.

– Нет. Ты не можешь. Мы не пойдём опять по этому пути. Нет, мы не сделаем так. Нам нужно быть наготове, и сохранять трезвость мысли. Как мы сможем выглядеть нормальными, если...

Тони вспомнил, как его отец однажды высказался об этом. Они были тогда в его кабинете, и он просто... Что он сделал? Он вновь был плохим. Пытаясь разобраться в этом, Тони вспомнил, что они сказали ему. Медсестры.

– *Какой милый мальчик, и такой большой, – тогда он тоже был в постели, когда они говорили с ним. – Милый мальчик, который собирается дать мне то, что я хочу.*

– Они хотели что-то от меня. Все чего-то хотят от меня, – Тони не был уверен, что, но он знал, что люди брали от него что-то. – Брали и брали,

пока я не заставил их остановиться.

Натянув одеяло до подбородка, мужчина хихикнул. Его отец гордился бы им, если бы увидел. Он был спокоен и сосредоточен. Вновь взяв свой телефон, Тони набрал номер папы. Но на этот раз звонок оказался переадресован на голосовую почту. Посчитав Бэрра-старшего занятым человеком, мужчина положил трубку. Он попробует ещё раз позже.

Закрыв глаза, мужчина расслабился. Он был измучен и болен. Его руки и ладони болели. А когда Тони попытался вспомнить, как же он повредил их себе, всё те же картинки вспышкой пронесли перед его глазами. Пытаясь, как можно лучше заблокировать эти картинки, мужчина играл своими пальцами рук, расслабляясь.

Как ему и говорили, когда Тони не мог уснуть, он пододвинул своё тело. Сначала пальцы. Потом лодыжки. Затем колени и бёдра. Когда он сдвинулся с бывшего места, мужчина начал вновь: пальцы, колени, бёдра – каждый раз заставляя своё тело медленно передвигаться, успокаивая себя. Почувствовав, что он достаточно расслаблен, Тони прекратил, уснув.

Его разбудил телефонный звонок. Но когда сталкер понял, что это вовсе не звонок, а сигнализация – он насторожился. Потянувшись, Тони поднялся на ноги. Одежда всё так же лежала на полу, но он проигнорировал её, направившись в душ. Он чувствовал себя прекрасно, даже фантастически.

– Настал день. Я собираюсь найти мою любовь и мы, отправившись домой к маме, спланируем большую свадьбу на следующий месяц. Январь станет новым месяцем и новым началом.

Мужчина включил телевизор, пройдя мимо него.

К тому времени, как закончил в ванной, Тони проголодался. Подойдя к телефону, чтобы заказать обслуживание номера, Бэрр увидел на экране телевизора своего отца. Найдя пульт, Тони подумал о том, что теперь он натворил, и был удивлён, когда картинка сменилась домом его матери. Прибавив громкости, Тони смотрел, как полиция и другие люди сновали по

маминому двору.

-...вчера вечером. Полиция не даёт никаких комментариев, но с источников поступила информация, что это было жёстко, и они оба мертвы.

— Можем ли мы говорить о том, что это был взлом, Шанна? Я понимаю, что Бэрры были разведены – могут ли источники рассказать нам, почему сенатор Бэрр был в доме своей бывшей супруги?

— Насколько мне известно, они встречались каждую среду. Сенатор приходил около двух дня и оставался примерно до девяти, но к десяти всегда уходил. Соседи шокированы случившимся. Они отзываются о Бэррах, как о хороших и честных людях.

Тони выключил телевизор. Его родители умерли? Когда? Как? Почему никто не сообщил ему? И почему он узнал об этом из новостей сейчас, а не раньше? Сев на кровать, Тони попытался вспомнить, когда в последний раз разговаривал с ними. С отцом – часто, а с матерью? Он не знал. Ему было известно, что она... Тони нужно связаться с Моникой. Нужно отложить свадьбу, и, если им уже отправили какие-то подарки, их стоило вернуть.

Тони не был уверен в том, как поступить. Ему хотелось поговорить с Моникой, она должна была... Мужчина посмотрел на пульт в своей руке, переведя взгляд на телефон на тумбочке. Ему нужно найти Престон. Это её вина. Если бы Моника просто... Тони не мог вспомнить что, но теперь он понимал, что это вина полностью ложилась на её плечи.

ГЛАВА 9

Присев на подоконник, Моника рассматривала открывшийся ей вид. Потеряв счёт времени, она понятия не имела, сколько времени провела за этим занятием. Чуть ранее, когда Хан подошёл к ней, девушка сказала мужчине, что хотела бы побыть одна – и, вопреки своему желанию, оборотень ушёл. Но потом, когда мужчина отправился в кровать, Моника,

притворившись спящей, вернулась на это место. И с тех пор Хан не пошевелился.

– Если хочешь, ты можешь рассказать мне.

Вопреки её ожиданиям, прозвучавший голос её мужчины не испугал Престон.

– Что не так? Ты всё ещё думаешь о Бэрре?

– Да, но только отчасти, – Моника всё ещё смотрела в окно. – Кэйтлинн сказала, что когда его поймают, то она позаботится, чтобы он никогда не вышел.

– Она одна из тех, кому можно доверять. Её слову можно верить, – девушка услышала, как Хан завозился на кровати, но не поднялся на ноги. – Что ещё беспокоит тебя?

А что не беспокоит? Ей хотелось задать ему этот вопрос. Но Моника только и смотрела, как олень, гуляя по снегу, пощипывает траву. Она решила, что спросит кое-что, о том, каково быть его парой.

– Эта штука с парами – ты говорил, что мы связаны. Что это значит? Я тоже стану кошкой?

Хан вновь завозился на кровати, и Моника поняла, что этот вопрос однозначно выбил его из зоны комфорта. Или ответ.

– Нет. Обращение очень опасно. Когда Уокер обратил Кэйтлинн, он говорил, что это сделала его кошка. Он сказал, что...

– Его кошка? Хочешь сказать, что не контролируешь своё тело, когда ты в облике пантеры? – В её голосе звучала паника, но ей было всё равно. – Хочешь сказать, что когда ты пантера, то можешь ранить меня?

– Нет, я не это имел в виду. Даже во время секса я полностью контролирую свою животную сторону, но иногда он... Он, как бы убеждает нас в том, что некоторые вещи могут быть совсем другими, нежели мы считаем. Как с Кэйтлинн. Кошка Уокера хотела её изменить, и убедила его, что это хорошая идея.

Монике не понравилось, как это прозвучало, и она не удержалась от

того, чтобы озвучить это.

– Ты понимаешь, что это плохая идея, когда это происходит, но что-то внутри тебя говорит, что сейчас отличный момент, чтобы позволить себе поверить, что всё сработает – вот на что это похоже. Так это объяснил Уокер.

– У тебя возникали подобные мысли, когда мы занимались сексом?

Моника не была уверена, действительно ли она хочет услышать ответ на этот вопрос, но теперь, когда он прозвучал, она подумала, что да – хочет.

– Да. Всё время, когда я с тобой. И даже, когда я без тебя.

Когда Хан заговорил, Престон посмотрела на него. Мужчина вновь вздохнул, но его голос был тихим и чувственным.

– А ты станешь? Обращать меня? Ты обратишь меня, Хан?

Она подумала о том, что рассказала ей Кэйтлинн. Укус был болезненным, но когда женщина очнулась, то чувствовала себя... что же, она сказала, что чувствовала себя «охренительно фантастично».

– Мне бы хотелось, чтобы ты бежала рядом со мной по лесу. Я бы хотел увидеть, как отблеск луны сияет на чёрной шерсти твоей кошки. Брать тебя в зверином облики, склонившись над тобой, прижав к земле, жёстко вколачиваясь в твоё тело, пока ты – это она... Я бы любил это, – тело Престон не могло остаться равнодушным к описанной её мужчиной картине. – Подойди, Моника. Подойди, и позволь мне показать тебе, как бы я овладел тобой.

Девушка двинулась к нему, как во сне. Когда она отошла от окна, лунный свет осветил его кожу, и Моника смогла увидеть каждый мускул, каждый его изгиб, думая о его кошке. Всё ещё будучи на ногах, Престон сняла свою рубашку, уронив ту на пол. Моника хотела его, но также она хотела, чтобы и Хан не остался равнодушен к ней.

– Когда ты так смотришь на меня, всё, о чём я могу думать – о тебе глубоко внутри меня. Я могу почувствовать твой член, как он задевает те мои места, что толкают меня за край. Мне нравится, когда ты посасываешь

мои соски, – приподняв их, она обвила пальцами свои соски. – Мне нравится, когда ты сильно посасываешь их, заставляя их сжиматься.

– Подойди сюда.

Это звучало как приказ, навязчиво призывая её подчиниться, но Моника боролась с этим, ожидая, когда Хан сам сделает первый шаг. Когда мужчина поднялся на ноги, и подошёл к ней, Престон увидела, насколько он был твёрд, и когда он был достаточно близко, Моника протянула руку, желая прикоснуться к нему.

– Так твёрд и мягок. Твой член так же толст, как и моё запястье, и он весь мой. – Моника провела рукой по нему вверх и вниз, но Хан перехватил её ладонь. – Я хочу попробовать тебя. Я хочу взять тебя в рот, почувствовать, как ты кончаешь.

Оборотень зарычал, и Моника опустилась на колени. Не отпуская его, девушка лизнула толстую головку, а после взяла её в рот, поймав на самом кончике капельку спермы. Простонав, она облизнула всю его длину, подняв взгляд на Хана.

– Я никогда не делала этого раньше. Расскажи мне, как сделать, чтобы ты кончил.

Его короткий лающий смешок едва не заставил Моника отстраниться, но мужчина провёл рукой по её волосам, направляя девушку обратно к своему члену.

– Если ты сделаешь ещё лучше, чем сейчас – я умру.

Моника вновь облизала его, когда Хан сжал свой член, сдерживаясь для неё.

– Я хочу почувствовать твои губы вокруг меня. Хочу трахать твой сладкий рот, касаясь задней стенки горла, пока не кончу.

Моника последовала его словам. Двинув головой, Престон прижалась к бёдрам своей пары. Господи, как же восхитителен он был, и каждый раз, когда она пробовала его всё больше – она чувствовала, как её глаза закрываются от наслаждения. Но ей хотелось большего.

Прикоснувшись ладонью к его яйцам, она поигрывала ими, пока в её голове не появилась мысль том, что сможет взять их в рот. Оставив его член, Моника всосала одно, обведя его языком. Его тело окаменело, и девушка почувствовала руку Хана в своих волосах. И когда мужчина оттолкнул девушку от её празднества, Престон едва не зарыдала. Приказав ей открыть рот, мужчина толкнулся членом внутрь, грубо трахая её горло. Сглатывая, Моника чувствовала, как он двигается вниз и обратно, и когда оборотень кончил, скривившись, девушка вновь сглотнула. И Хан закричал в своём освобождении.

Её тело молило о том, чтобы Моника как-то облегчила ту боль между её бёдер. И когда девушка скользнула рукой вниз по своему телу к мокрой киске, её подняли с пола, бросив на кровать.

– Моя очередь.

И прежде, чем Моника успела спросить, что Хан имел в виду, он принялся посасывать её клитор. Ей потребовалась всего секунда для того, чтобы кончить, но мужчина не останавливался даже, когда она взмолилась об этом. И когда он скользнул пальцами глубоко внутрь неё, Моника объездила его, пока второй оргазм не накрыл её с головой. Когда Хан, наконец, поднял голову, девушка подумала, что он закончил, понимая, что она уж точно сделала это, но оборотень только передвинул её тело, укусив, зализывая её лёгкую боль своим языком.

– Я собираюсь взобраться на тебя, а после вновь отметить. Перевернись и приподними свою задницу, чтобы я мог трахнуть тебя.

Моника уже почти было запаниковала, отказав ему, когда Хан сам перевернул её, приподняв.

– Я не хочу ранить тебя, никогда. Но должен взять тебя, дать моей кошке шанс отметить тебя.

Оборотень жёстко вошёл в неё – тело Моника было возбуждённым и готовым для него, и Хан, воспользовавшись этим, скользнул так глубоко, как смог. Когда девушка подняла свою голову, чтобы отодвинуться от него,

то почувствовала, как его ладонь опустилась на её задницу.

– Я же сказал, что сейчас моя очередь. Я возьму тебя сейчас, и ты кончишь от этого, – его ладонь вновь опустилась на её кожу, и Моника не сдержала стон. – Тебе нравится это, не так ли? Тебе нравится, как я трахаю и шлёпаю тебя.

Его ладонь ещё дважды шлёпнула её, и Моника кончила оба раза. Когда Хан склонился над ней, ущипнув клитор, девушка была близка к оргазму, выкрикивая его имя, умоляя его кончить. А после, почувствовав прикосновения языка хищника к своему плечу, инстинктивно, Моника обнажила горло. И когда его клыки вонзились в её шею, она вновь закричала, получив один из самых сильных оргазмов, что у неё был.

Престон смутно ощущала, как Хан достиг своего освобождения, рухнув на неё. Его вес намертво тянул её вниз, но девушка всё ещё пыталась удержать равновесие. Но, получив поражение, и упав на кровать, оборотень перевернулся на спину, утаскивая её за собой.

– Я люблю тебя, Моника. Я люблю тебя больше, чем когда-либо считал возможным.

Девушка, почувствовав, как Хан укрыл их одеялом, прижалась к руке мужчины, перевернувшись. Зевнув, она положила ладонь на его грудь.

– Я тоже люблю тебя.

Закрыв глаза, девушка почувствовала, как уплывает в дрёму. Она чувствовала его дыхание на своей коже, но это не беспокоило её настолько сильно, как Моника того ожидала. И она уснула с улыбкой на лице.

Потянувшись к Монике Хан застал только холодную простынь. Повернувшись – может, он что-то пропустил, – мужчина заметил, что девушки и след простыл. Улыбнувшись, он припомнил, как прошлой ночью четыре или пять раз добирался до неё, и каждый раз Моника охотно

отвечала ему.

Поднявшись на ноги, мужчина направился в душ, чтобы освежиться и найти свою пару. Хан хотел сказать ей, что с этого момента он хотел бы просыпаться рядом с ней. Ему хотелось, чтобы, когда он просыпался, его женщина была рядом, потому что первым делом, с самого утра, он мог бы заняться с ней любовью. Улыбаясь, приняв быстрый душ, оборотень оделся.

Моника стояла у плиты, готовя что-то. Оборотень, подняв бровь, посмотрел на Себастьяна, когда его брат покачал головой. Что-то произошло, и было не похоже, что это что-то хорошее. Хан подошёл сзади к своей паре, посмотрев через её плечо на... он не мог понять на что.

– Нужна помощь?

Моника обернулась, и Хан увидел, что её глаза наполнены слезами. Мужчина отставил от неё сковороду, когда Рид произнёс, позади него:

– Она сказала, что когда-то умела готовить, но прошло уже некоторое время. Мы сказали, что побудем её подопытными крысами.

Рид пытался казаться весёлым, но его голос звучал расстроено.

– Давным-давно я была действительно хорошим поваром. И могла сделать изумительный омлет. Думаю, я забыла, как это делается.

Моника выглядела так, будто была готова выбросить сковороду в раковину. Хан хотел было предложить ей присесть, а он бы позаботился об этом, но мужчина только молча вытащил оставшиеся в холодильнике яйца.

– Люблю собственноручно приготовленные западные омлеты (*омлет со сладким зелёным перцем, ветчиной и луком, подаваемый на тосте, – прим. перевод.*), – он взглянул на своих братьев. – Рид, почему бы тебе не порезать перец, а ты, Себастьян, мог бы заняться картофелем? Что скажете на счёт O'Brien's?

Обойдя Моника, Хан забрал испорченную сковороду, дав в руки девушке чистую. Он сказал что-то о неправильно готовящих сковородах, и почему их тут так много, когда девушка полила её маслом. Передав

девушке миску с взбитыми яйцами, оборотень смотрел на то, как она выливает их на сковороду, помешав их по краям, чтобы быстрее приготовились. Она вполне справлялась с этим, когда Хан обернулся к Себастьяну.

Мужчина нарезал кольцами лук и оставшийся вчерашний запечённый картофель, что был у них вчера на ужин. Высыпав их в другую сковороду, он помешивал их, пока они не обжарились, нагревшись. Наблюдая за Моникой, что готовила вторую порцию омлета, Хан, попросив их, получил четыре тарелки.

К тому времени, как еда была приготовлена, Моника шутила о доверии, а его братья смеялись над ней. Хан был рад, что никто не упоминал о её первой неудаче.

– Как работает твоя связь? Ты уже разобралась, как общаться со всеми нами, или ещё нет? – Себастьян посмотрел на Хана, когда тот продолжил: – Я всё ещё не решил затруднения с Кэйтлинн – у неё есть привычка блокировать, когда она не в настроении.

– Какая связь? – Девушка поддела ещё один кусочек яйца, посмотрев на него. – Я думала, что Кэйтлинн хороша с компьютерами.

Мужчина рассмеялся, подойдя к ней.

– *Он имел в виду то, как мы общаемся. У нас есть собственная частная линия для общения, и мы будем иметь одну со всеми ими, с моей семьёй.*

Он заглянул в её лицо, когда Моника не ответила. Но когда девушка отложила вилку, посмотрев на Себастьяна, мужчина рассмеялся.

– Она меня не понимает. Рид?

Тот тоже кивнул, ухмыляясь ей, будто она была только что выигранным им призом. Когда Моника обернулась к Хану, заглянув в её лицо, он понял, что Престон пытается. Он вновь мысленно соединился с ней.

– *Следуй за этим ко мне. У тебя должно получиться отправить мне*

мысли в любое время, – мужчина почти сказал ей, что не стоит так усердствовать, когда ощущение тела и любви захлестнуло его. – У тебя получилось, детка. Идеально. Ты можешь говорить со мной?

– Я не знаю, от этого у меня болит голова. Я могу... Я могу разговаривать и с Уокером. Он с Маршаллом и Президентом. Он говорит сказать тебе, что хочет завтра омлет.

Моника улыбнулась ему.

– Скажи Уокеру, что он может сделать его и сам...

Она мысленно оборвала его, и сейчас он отнёсся к этому спокойно. Его больше беспокоило то, что Моника разговаривала с Уокером.

– Не Уокер, а Президент. Он хочет омлет. Уокер сказал, что для него приготовит его жена.

Хан не пошевелился.

– Ты хотела сказать: Уокер сказал тебе, что Президент хочет омлет. Ты подразумеваешь, что он передал эту информацию тебе?

Престон покачала головой.

– Моника, милая, ты не можешь разговаривать с другими видами. Только с пантерами.

– Не понимаю тебя. Я разговариваю с Президентом, и его советник, Маршалл, сказал, что тебе стоит поверить этому. Уоррен говорит, что позвонит тебе прямо сейчас.

Телефон Хана зазвонил, и мужчина едва не схлопотал сердечный приступ. Когда он ответил, то удивился прозвучавшему смеху.

– Безусловно, она говорила со мной, с нами двумя. Как, чёрт возьми, у неё это получилось? – Хан ответил, что не знает. – Ну, мне стоит сказать тебе, что ты бы очень помог мне, если бы одалживал её для особых случаев. Это решило бы большинство дел с другими, если ты понимаешь, о чём я.

Хан кивнул.

– Думаю, решило бы. Я понятия не имел, что кто-то способен на это.

Боуэн взял свою пару за руку, осознав, насколько та была холодной. Он поцеловал её ладонь, улыбнувшись Монике, на самом деле испытывая за неё страх. Люди могут убить её за то, что она может делать.

Закончив разговор с Уорреном, они все принялись за уборку кухни. Моника была тиха, но мальчишки сполна компенсировали её молчание. Хан понимал, что они слышали о том, что произошло, но решили промолчать. Когда они вышли из кухни, поблагодарив девушку за завтрак, Престон присела.

– Я в беде? Потому что, если это так, я бы хотела знать это, – она ударила кулаком по столу. – Прямо сейчас, Хан.

– Почему ты должна быть в беде? Я имею в виду, мне страшно за тебя. Если другие виды узнают, что ты можешь подслушивать то, что предназначено для их стай или групп – они могут разозлиться, но ты не в беде.

– Тогда расскажи мне, почему я могу это делать. Я хочу знать, почему ты выглядишь так... будто тебе стыдно за меня, потому что я могу разговаривать с Уорреном.

– Будто мне стыдно? За тебя? Никогда. Господи, что уж я бы не хотел знать, так это то, что думает тот, с кем я разговариваю. Если они планируют напасть, или их пять сотен на моём крыльце. Но пристыженным? Нет. Я люблю тебя, – он опустился перед ней на колени. – Ты такая замечательная и особенная для меня, что я не могу обуздать это, но ты будто околдовываешь меня каждый раз, стоит мне взглянуть на тебя.

Она рассмеялась.

– Ладно, это был немного перебор. Хорошо, но излишне.

Хан поцеловал её.

– Я работаю над этим. Будь ко мне снисходительна, ладно?

ГЛАВА 10

Дилан обосновался на кухне. Весь день в дороге истощил его. Этой ночью ему предстояла обратная дорога, так как утром Боуэна ждали занятия, но, когда Рид позвонил ему, оборотень понял, насколько важным его приезд будет для Хана и Моники. Подмигнув ему, милая маленькая горничная сообщила ему, что его брат и мисс Моника уже на подходе. Дилан, никогда не упускавший шанс перепихнуться, подмигнул в ответ.

Когда пара вошла, оборотень поднялся на ноги. Конечно же, девушка изменилась с их последней встречи. Кивнув Престон, а после и пожав её руку, Дилан обнял Хана. У них были свои разногласия раньше, и их было достаточно, но в первую очередь они всегда оставались братьями.

– Я думал, что ты уже никогда не приедешь, – Дилан кивнул в ответ на заявление Хана. – Но ты преодолел весь путь на машине, когда мог просто прилететь с нами на самолёте.

– Но я же всё же приехал. Мне нужно поговорить с вами двумя. Это важно, – когда служанка вышла из комнаты, Дилан чуть отклонился, провожая её взглядом.

Он любил женские задницы. Когда Хан прочистил горло, а Моника хихикнула, мужчина подобающе устроился на стуле.

– Это нельзя было обсудить по телефону, Дилан? Сейчас четыре утра. И я не знаю, слышал ли ты, но кто-то пытается убить мою пару.

Оборотень знал об этом, но вовсе не потому был здесь.

– Рид звонил мне прошлой ночью. Я хочу поговорить с вами кое о чём, – мужчина порылся в сумке, и достал свиток. – Он очень старый, поэтому поаккуратнее с ним. Мама не знает, что он у меня.

– Хорошая шутка. Она убьёт тебя. Что, чёрт возьми, ты делаешь с генеалогическим древом? К тому же оригиналом.

Хан осторожно прикоснулся к нему. И Дилан не винил его. Эта вещь

была столь же древней, как и его род.

– Мне нужно показать кое-что вам. Хотя, в основном это касается Моники, но я бы хотел, чтобы и ты увидел это, – мужчина указал на имя человека, родившегося и умершего задолго до их бабушки. – Её имя Элиза Манчестер Боуэн. И она была нашей прапрабабушкой.

Каждый из них посмотрел на имя, но Моника поняла, что он пытался этим сказать им. Престон наклонилась к пергаменту, прищурившись, прежде чем прочла вслух. Когда она сделала это, то посмотрела на Дилана.

– Здесь сказано «нет границ» – что это значит?

Он почувствовал, как Моника коснулась его разума, позволив ей это. Это был единственный способ, которому она научилась.

– Это значит, что она могла слышать другие виды. Как и ты, – Моника настолько быстро отшатнулась, что чуть не опрокинула стул, на котором сидела. – Ты не единственная пантера, обладающая этой способностью.

– Откуда ты знаешь это? Она умерла так давно, что всё, что ты не можешь с точностью утверждать, что это не значит, что она просто не оставалась на своих землях, и не знала границ, – Хан принялся расхаживать по комнате, и Дилан посмотрел на Моника. – Это самое... Вот почему ты приехал посреди ночи? Чтобы рассказать нам о старых народных сказках?

– Он говорит правду. Это не сказки. Она действительно могла делать то же, что и я, – девушка посмотрела ему в глаза. – Что можешь и ты.

Дилан кивнул, не смотря на брата.

– С детства. Я был в ужасе, когда понял, что никто из них не может делать это, но когда я увидел это... Я расспросил дедушку, и он рассказал мне, что это значит и что случилось с ней.

Хан тяжело сел обратно.

– Ты как, Моника? Ты можешь слышать другие виды? Как это возможно?

Дилан рассмеялся.

– Это такая же часть тебя, как и меня. Если бы это было невозможным

– она не была бы такой же, как и мы. А Моника такая же. Мы можем слышать то, знать то, что не могут другие.

– Почему я узнал об этом только сейчас? Почему... Почему Рид знал об этом?

Дилан услышал в голосе Хана боль.

– Он не знал. Он рассказывал, что случилось за день, с тех пор, как вы приехали сюда. Он не...

Оборотень встал, достал с холодильника бутылочку воды, и сел обратно. Мужчина знал, что ни один из них не хотел чего-то.

– Никто и не знал, – Моника посмотрела на Хана. – Он не хотел, чтобы кто-то из вас знал, потому что ему было бы стыдно, а потом он почувствовал, что уже поздно говорить об этом.

– Вы двое хотите, чтобы я вышел из комнаты? – Хан вновь принялся ходить. – Я не хочу, чтобы ты разговаривал с ней так. Ты знаешь, что мы недавно стали парой, и...

– Она читает мои мысли. Я не сказал ей и слова, которого ты не слышал. Она намного лучше меня, когда я понял это, – Дилан усмехнулся. – Расскажи ему, дорогая, прежде чем он попытается вырвать моё горло.

– Я не пытаюсь создать неприятности. Я... Это было похоже на то, что нужно было сделать. Я даже не понимала, что у меня получится, – девушка опустила ладони на колени. – Ты мог бы сказать мне, чтобы я прекратила.

– Ага, но в чём тогда веселье? – Встав на ноги, Дилан достал из холодильника ещё кое-что. – Я хотел бы остаться сегодня, но мне нужно вернуться ночью. У меня на носу экзамен, и есть пара парней, которых я должен обставить завтра вечером в покер. Мне нужно вернуть часть денег за поездку сюда.

Ему не нужны были деньги больше, чем другим. Кэйтлинн видела это. Она расплатилась со всеми их кредитами, дав каждому неплохую сумму сбережений на чёрный день. Дилан и не коснулся их, и, вероятно,

никогда бы этого и не сделал, но приятно иметь что-то про запас. Когда мужчина поджарил бекон, он произнёс для обоих:

– Я могу научить тебя, насколько успею за сегодня, если не возражаешь. Я запомню того парня, что пытается тебя убить – для вас было бы неплохо иметь ещё кого-то на вашей стороне.

Когда девушка достала тарелки, Дилан повернулся к ней.

– Боюсь, это не поможет нам. Тот, кто преследует меня – человек. И, думаю, он как я.

Дилан перестал накладывать бекон на сковороду, посмотрев на неё.

– Ты знал это, не так ли? Мне жаль, что ты потратил деньги на газ, но...

– Моника, он такой же, как и мы. Человек – это вид, и ты больше никогда не будешь человеком. Возможно, ты и не сможешь обратиться, но ты больше не человек, – мужчина посмотрел на брата. – Расскажи ей. Скажи, что она больше не человек.

– Что же она тогда, если так? Я не понимаю тебя, – голос Хана вновь был раздражённым, и оборотень переводил взгляд со своей пары на брата. Дилан чуть не рассмеялся, но у брата в руках была большая сковорода.

– Она такая же пантера, как и ты. Ты ещё не обратил её, но в ней достаточно крови пантеры в организме, что, если она забеременеет – ребёнок родится чистокровным, – Моника посмотрела на Хана. – Я не лгу тебе, брат. Она точно такая же пантера, как и ты. Без шуток.

Моника сменила тему, прошептав в его голове: *«Веди себя хорошо, ладно? Это сложно для нас двоих»*.

– Что значит, что Тони – вид? Я понимаю, что он принадлежит к виду, но я думала, что могу слышать только сверхсуществ.

– Нет. У тебя нет границ.

Он попросил их подождать немного, и вышел из комнаты, чтобы найти симпатичную горничную. Ему нужно убедиться, что он прикоснулся к её коже. Когда они вошли на кухню, Дилан представил её:

– Это Молли. Молли работает здесь не потому, что ей нравится работа, она крадёт пищу из кладовки каждую ночь, чтобы отнести домой семье. Она не знает, что каждый работник здесь знает это, и они специально прикрывают её. Они не хотят, чтобы Молли потеряла работу.

Дилан получил эту информацию от человека, что позвонил ему сегодня утром, но он не знал, кто такая Молли.

Молли села, и оглядела комнату.

– Не рассказывайте ничего мисс Кэйтлинн. Она точно меня уволит.

– Мне не расскажем, но ты должна помочь нам, – мужчина посмотрел на Монику. – Прочти её разум.

Рассматривая её лицо, Боуэн не мог сказать, что Престон не старалась, но у неё не получилось. И потому Дилан предложил прикоснуться к коже Молли.

– Но не к её ладоням. Я не знаю почему, но почему-то это не работает.

Моника последовала совету, отступив после на несколько шагов.

– Её муж бросил её около девяти месяцев назад из-за другой женщины. Молли не просто пытается свести концы с концами, но она так же изо всех сил пытается заставить свою младшую сестру пойти в среднюю школу, чтобы ей не пришлось протирать столы всю оставшуюся жизнь.

Молли кивнула, но не двинулась.

– Он забрал всё, когда оставил нас из-за неё. Всё, включая микроволновку. Мы с Джейн пытались свести концы, но школа слишком дорогая, а книги стоят дороже машины. Я не... Вы не расскажете мисс Кэйтлинн, правда? Вы обещали, что если я помогу, то меня не уволят.

– И ты тоже не сделаешь это, – и Дилан и Хан одновременно потянулись к своим кошелькам, собираясь вытащить их, когда Моника продолжила: – У Кэйтлинн есть фонд, созданный для людей, которые хотят стать лучше. Могу поспорить, если ты поговоришь с ней, ты и твоя сестра могли бы получить помощь. Конечно, тебе нужно будет заботиться о еде,

но я готова поспорить, что она не будет возражать и скажет тебе брать больше.

Боуэн-младший посмотрел на Хана, что выглядел так, будто только что выиграл в лотерею.

– Моя пара. Она будет потрясающей на семейных ужинах.

Оборотень подумал, что это может быть правдой. После того, как он послал Молли найти хозяйку дома, мужчина поработал с Моникой немного больше. Когда у него появится чуть больше времени, и Престон не будет так обеспокоена Тони – у неё всё получится. И мужчина знал, что, если они найдут его, он убьёт его медленно.

Когда Моника ушла, чтобы переодеться, Дилан посмотрел на Хана.

– Он причинил ей боль. Он причинил ей боли больше, чем тебе. Нельзя больше позволять ему дышать.

Хан посмотрел на него с удивлением и задумчивостью. Прежде, чем он успел спросить своего брата, что тот имел в виду, Дилан поднял руку. Если это спасёт Монике жизнь – он будет молчать.

– Я позабочусь о нём. То, чем она поделилась – этого достаточно, чтобы вывести всех нас на его задницу. Если я найду его до того, как это сделает полиция, и я надеюсь, что так и будет... Ты даже представить не можешь, как он будет страдать.

Казалось, разум Моника болел так же, как и её голова. Дилан уехал чуть меньше часа назад, а девушка все ещё едва стояла на ногах от того, что он ей рассказал. И большинство из этого было связано с чтением чужих мыслей.

Это не было очень сложно. Ей нужно было только немного сконцентрироваться, и к ней хлынул целый поток информации. Дилан

сказал, что это из-за того, что многие просто не знали о существовании таких людей, как они, и не пытались скрыть свои мысли. Но они оба могли заглянуть даже в самые потайные уголки чужого сознания, и с этим стоит быть осторожным. Очень осторожным.

– И тебе, во что бы то ни стало, нужно научиться блокировать людей. Потому что, если ты сможешь войти – они тоже смогут это. Не позволяй никому войти в твои мысли. Там слишком много того, чего другим знать не следует.

– Имеешь в виду то, что вы – пантеры?

Он кивнул ей, улыбнувшись.

– Как думаешь, есть другие такие же, как и ты?

– Хочешь сказать другие пантеры, или другие такие же, как и мы? И для протокола, ты тоже пантера. Как я и сказал, гораздо больше, чем можешь подумать, – Дилан откинулся назад, улыбнувшись ей. – «Ты знаешь, что есть. И, если кто-то с тобой войдёт в комнату, по крайней мере, в радиусе двадцати-двадцати пяти футов (6-7,62 м – прим. перевод), ты поймёшь, что они тоже там есть.

Моника весь день пыталась блокировать свой разум, и теперь ей нужен был хороший сон. Престон решила, что не хочет засыпать в одиночестве. Почти поднявшись с дивана, она закрыла свои глаза, попытавшись отыскать Хана в доме. Она решила попробовать кое-что.

Девушка не знала, какие изображения она могла бы использовать в том случае, если бы их увидел, и кто-то другой. Дилан сказал ей, что они не смогут, но Моника всё ещё сомневалась в этом. Она решила попробовать что-то с этим, но действовать медленно.

Сначала Моника послала Хану мысль о том, что сейчас она обнажена в душе. Ей хотелось, чтобы он захотел её, а не утомить, потому Моника представила, как её руки скользят по телу. Приподняв грудь, Престон лизнула свой сосок. Чуть застонав, девушка провела руками вниз по своему телу, соскользнув пальцем в киску. Снова прикоснувшись к клитору,

искусительница тихо застонала. Вновь и вновь она скользила по своим нежным складочкам, пока ей не стало трудно дышать. Моника вновь подняла грудь, мягко ущипнув вершинку, а после всосала её в рот. Престон не знала, сможет ли она сделать это, но решила попробовать в следующий раз в душе. Когда дверь у стены захлопнулась, Моника посмотрела на Хана. Она и забыла, что дразнила его.

– Раздевайся.

Её тело отреагировало на его приказ.

– Сейчас. Я хочу, чтобы ты сделала то, что показала мне. Сейчас, Моника. Я хочу увидеть это сейчас.

Его член затвердел, скрытый за тканью джинс, и девушка облизнула в предвкушении губы. Она хотела, чтобы он прикоснулся к ней, сделал то, что нарисовала её фантазия ранее, но мужчина покачал головой, вновь приказав Монике показать ему.

Раздумывая над тем, чтобы отправиться в спальню и там подчиниться его словам, Престон поднялась на ноги, когда Хан расстегнул ширинку штанов, освобождая свой член. Девушка посмотрела на него, когда Хан сжал свой член рукой, используя своё предсемя, чтобы скользить вверх-вниз.

– Хочешь это?

Моника кивнула.

– Тогда ты сделаешь так, как я прошу. Ты хоть представляешь, что сделала со мной? Ты представляешь, что случилось со мной, когда я увидел, как ты взяла в рот свой сосок, одновременно с этим трахая свою киску?

– Я хотела, чтобы ты пришёл ко мне.

Хан рассмеялся, оставаясь напряжённым.

– Думаю, у меня получилось, не так ли?

– Да. Покажи мне, Моника. Покажи мне, чего ты на самом деле хочешь с собой сделать.

Ей хотелось угодить ему, и девушка хотела, чтобы Хан желал её. Раздеться было не так сложно, как она думала. Они занимались сексом во всех частях этого дома, и даже кое-где во дворе – и этого было достаточно, чтобы Престон чувствовала себя комфортно в своём теле. Обнажившись, Моника замерла.

– Твой ход. Я хочу, видеть тебя, прикасаясь к себе, представляя, твои пальцы, вместо моих, представляя, как ты скользишь в меня и из меня. Ты должен помочь мне.

Он лишился своей одежды быстрее, чем она. Когда Хан стоял перед своей парой во всей красе, Моника окинула его взглядом снизу до верха, задержавшись на кое-каких частях его тела.

Подняв грудь, Престон лизнула её. Облизнув губы, пока он наблюдал за ней, Моника щёлкнула языком по твёрдой вершинке. Стон сорвался с её уст. Это ощущалось намного лучше, чем она думала. Повторив это, девушка наблюдала, как Хан обхватил свой член рукой, медленно двинувшись вверх и вниз, а его яйца крепко прижались к его телу.

Когда девушка втянула сосок в рот, то почувствовала, как сжалась её киска. Её соки текли по ногам, и она раздвинула бёдра, чтобы оборотень мог увидеть это. Моника скользнула ладонью вниз по животу, закружив пальцем по пупку, и прикусила свой сосок.

– Господи. Я кончу от этого вида. Я собираюсь втереть свою сперму в твоё тело, а после – повалю на пол и жёстко оттрахаю.

Осмелев, Моника опустила руку вниз к своей киске, глубоко введя два пальца. Используя вторую ладонь, она раскрыла свои нижние губки, чтобы больше прикоснуться к себе, и позволить Хану увидеть это. Она понятия не имела, что творит, но ей было настолько хорошо, что она не остановилась. Внезапно её руки отвели в сторону, и Хан взял её в свой рот.

Моника кончила в тот момент, когда оборотень прикусил её клитор. Выкрикнув его имя, девушка запустила руку в его волосы, прижав мужчину к себе, объезжая его рот. Каждый раз, когда он облизывал её, приближая к

оргазму, Хан замедлялся, пока Престон не приходила в себя. Девушка подумала, что в следующий раз, когда ей в голову придёт идея подразнить его – она сделает это только, когда они будут вдали друг от друга

– Мне нужно быть внутри тебя. Сейчас, – Хан лёг на спину, опуская её вниз на себя. – Объезди меня. Объезди меня, как свои пальцы. Я хочу почувствовать, как ты кончишь на мне.

Моника медленно опустилась на его член. Она знала, что мужчина хотел, чтобы она поторопилась, но позволил ей действовать самостоятельно. Когда Престон всё же опустилась на него, насколько могла, Хан схватил её бёдра, показав, как ей следует двигаться. Когда девушка наклонилась вперёд, используя его грудь для опоры, Боуэн потянулся, сжав её соски, пока её голову не посетила мысль, что она умрёт от безумной смеси удовольствия и боли. Кончив на этот раз, Моника не была к этому готова – Хан бросил её за край, наклонившись и грубо укусив её грудь. А когда он принялся посасывать её, девушка чувствовала, как его член изливается глубоко внутри неё. Опрокинув свою пару на спину, Боуэн навис над ней, устроив ноги девушки на своих плечах.

– Кончи вновь. Хочу почувствовать, как ты сжимаешься вокруг меня.

И её тело подчинилось, и Моника увидела, как за её веками вспыхивают звёзды. Последовав за ней, с её именем на своих губах, Хан сказал, что любит её.

Лишив Престон тяжести своего веса, мужчина опустил ноги девушки на пол. Его женщина была обессилена, как, впрочем, и сам Хан. После того, как мужчина поднялся, стянув шерстяной плед, укрыл их обоих, обняв её своими руками. Спустя пару секунд, Моника почувствовала тёплое дыхание оборотня на своей коже. Положив голову ему на грудь, она тоже закрыла глаза, и в её голове проскользнула мысль о том, что подумают о них домочадцы, если наткнутся на них здесь.

ГЛАВА 11

Тони вновь и вновь пересматривал новости. Но его ни разу не упомянули. Мужчина держал в руке сотовый телефон на случай, если не услышит звонка, ожидая, пока кто-то позвонит ему и даст знать, что происходит.

Его родители были мертвы.

Тони хотел вернуться домой, чтобы убедиться, что это правда. Но обрывки воспоминаний о камине и сыре удерживали его от этого. Бросив взгляд на окровавленную рубашку, Бэрр подумал о том, не пытался ли кто-то убить и его, но оставил эти мысли. А после произошла та история с менеджером отеля.

Он не понимал, почему от этого места у него раскалывается голова. Газон был окружён жёлтой полицейской лентой. Но, опять-таки, что-то не давало ему туда вернуться. Это было то место, где Тони разговаривал с Моникой, но здесь было и что-то ещё. Что-то, что Бэрр не хотел вспоминать.

Когда началась реклама, убийца направился к кровати и свернулся на ней клубком. Засунув свой большой палец в рот, Тони лежал там, запустив пальцы другой руки в свои волосы. Это уже не так успокаивало его, как раньше. Что-то... Моника. Моника не давала ему отдохнуть.

Она не помогла ему, как он на то рассчитывал. Девушка была такой же, как и другие. Они только хотели брать и брать, пока от него ничего бы не осталось. И Тони решил, что пришло время возвращаться. Перевернувшись на спину, мужчина продолжил посасывать большой палец. С Моникой нужно будет покончить.

Как и другие, она должна быть наказана. Она не умрёт, но, как и остальные, Престон должна уяснить, что играть с ним – плохая идея. Тони нуждался в ней, но она подвела его. Мужчина вновь перевёл взгляд на

телевизор, когда начался другой выпуск новостей. Он был о случившейся аварии, но хотя бы не привлекал его внимания или расстраивал его, как другие новостные сюжеты. Этот Бэрр мог посмотреть.

– Где ты? – Мужчина окинул взглядом комнату, желая, чтобы кто-то ответил ему. – Я был хорошим. Я хочу, чтобы вы все оставили меня в покое.

Тони лёг на спину, засунув свой большой палец в рот. Они никогда не сделают этого, и мужчина понимал это. Тони принялся перечислять свои успокаивающие слова, и едва ли добрался до третьего, когда поднялся на ноги и подошёл к телевизору. Раньше ему не помогало то, что он кричал на него, впрочем, как и, если бы Тони попросту выключил его. Но, кто-то входил и вновь включал его обратно. И Тони не мог получить желаемое.

Пошарив рукой под матрасом, мужчина достал из-под него пистолет. Он нашёл это оружие в доме своей матери, и он... Тони не мог вспомнить, когда он нашёл его, но теперь пистолет был его. Всё её вещи и вещи его отца теперь были его. Потерев стволом свою щеку, мужчина подумал, что это то, что он мог бы делать вечно. Ощущение гладкого прохладного металла на его щеке делало его счастливым. Бэрр не испытывал такой радости с... Тони оборвал все мысли и о счастье, и о пистолете, и о способах, что заставляли его чувствовать.

Но Тони сделал это по какой-то причине, и он был готов найти её и использовать. Взглянув на телевизор, мужчина застыл. Он узнал её. Тони знал эту женщину. Используя свои ладони и колени, мужчина подполз поближе, наблюдая за тем, как она говорит в микрофон. Женщина говорила о его отце и матери.

– Их любили, и общество будет ощущать их потерю в течении многих, многих лет. Сенатор Бэрр несколько раз переизбирался на эту должность, до выхода на пенсию в начале этого года. Будет очень не хватать его и его жены, – говорившая повернулась к кому-то слева, и кивнула.

– У Вас есть какие-либо предположения о том, кто мог быть убийцей? Что-то, чем Вы могли бы поделиться с прессой?

В поле зрения камеры попал небольшой мужчина со шляпой. А после объектив вновь переместился к женщине, прежде чем та заговорила:

– Мы проводим расследования, и все наши сотрудники работают сверхурочно, чтобы выйти на след их убийцы. И мы привлечём этого человека к ответственности. Я могу сказать Вам, что убийца был жесток и это дело рук одного человека. В доме больше никого не было, когда это произошло, – она подняла фотографию, показав её на камеру. – Если кто-то владеет какой-либо информацией об этом автомобиле, пожалуйста, свяжитесь с моим офисом. Мы всего лишь хотим поговорить с этим человеком. На это время, это всё.

Тони поднялся на ноги, посмотрев наружу сквозь окно своего номера в отеле. Мужчина был слишком далеко, чтобы рассмотреть свой гараж, но он был уверен, что его автомобиль украли. Та леди, Кэйтлинн Боуэн, показала его машину по телевидению, даже не упомянув о нём.

Остановившись у двери, Тони вновь посмотрел на телевизор. Он едва не упал, развернувшись к нему. Вот она, его Моника. Мужчина смотрел на неё и двух, стоявших рядом с ней, мужчин. Двух мужчин, которых он не... присмотревшись поближе, Тони узнал одного из них. В попытках вспомнить, где он его видел, он ударял свою голову. Ему казалось, что это важно, но чем больше он бил собственную голову – тем больше Бэрр не мог вспомнить. Вернувшись к кровати, забравшись на неё, Тони свернулся калачиком.

– Вспоминай, вспоминай, вспоминай. Мысли о спокойствии, Тони, мысли о спокойствии. Дождь, веселье, цветы, коты, собаки. Спокойствие, Тони, думай о чём-то успокаивающем. – Мужчина перешёл на четвёртый список своих успокаивающих слов, использованных за последние пару дней, когда, наконец-то, вспомнил: – Ах-ха! Ты был в её комнате, когда я пришёл туда, чтобы поговорить с ней.

Тони посмотрел на телевизор, но все они уже исчезли. Новости закончились, и его Моника пропала. Он знал, что не сможет перемотать сюжет назад, или заставить его вернуться, но Тони знал, где сейчас находилась его девушка. Его Моника была рядом с этой женщиной Боуэн.

Подойдя к двери на этот раз, Тони собрал все свои вещи. Но решил оставить окровавленную рубашку, хоть теперь мужчина и не был уверен его ли она. И в связи с этим, Тони не собирался носить чужую одежду.

Его машина всё ещё была на месте. Сейчас мужчина не мог поверить, что решил, будто то, что показала женщина Боуэн, принадлежало ему. Он не покидал отель с... Боль в голове заставила Тони прекратить думать об этом, и сталкер забрался в свою машину. Улыбаясь, он выехал на автомобиле на улицу.

Добраться к дому оказалось не так уж и просто. Тони не мог вспомнить названия улиц и номер дома, что так и ускользали от него, когда он пытался сосредоточиться на этом. Мужчина подумывал о том, чтобы остановиться и спросить у кого-то направление, но и это причиняло ему боль. Наконец-то он остановился, забравшись на заднее сидение и, устроившись там, прикрыл глаза. Вскоре после этого, Бэрр уснул.

Ему было пять, когда они впервые оставили его. Маленький мальчик сделал что-то плохое, действительно плохое. Но Тони не понимал, почему его разум решил вернуть его в это воспоминание. Там были маленькая детская кроватка и розовая детская куколка. Но Тони провёл там так много времени, что не воспринимал это с отторжением. Это произошло, когда он был уже подростком, и это действительно испугало его.

Тони не понимал почему, почему он проснулся там. В последнем своём осознанном воспоминании, он был в своей постели, а после этого – оказался бодрствующим в Этом Месте. Это Место – вот как он думал об этом каждый раз. Его мучили кошмары всякий раз, когда его мысли возвращались к этому. Ужасные сны, наполненные криком, что днями причиняли ему боль.

Сначала они связывали его, и сколько бы он не молил – ничто не могло заставить их позвонить его отцу. Тони так много молил, что, в конце концов, они засунули в его рот кляп. И они использовали эту мерзкую штуку не только для того, чтобы заткнуть его.

Пробыв в Этом Месте несколько дней, к нему пришла медсестра и сказала, что пришло время для его лечения. Тони понятия не имел, что это значило. Его мать тоже лечили, но обычно это касалось её волос или тела, когда нужно было его изменить. Это лечение не приносило никакого удовольствия.

Бэрр застонал, сместившись на сидении. Мужчина понимал, что спит, но он слышал, как вокруг него что-то происходит. Опять проваливаясь в сон, он понял, что это было не что иное, как сирена где-то совсем рядом.

Они привязали его к металлической кровати. Тони понимал, что это именно металл, по тому, как ему было холодно и твёрдо. Когда они засунули в его рот кляп в виде шарика на кожаном ремешке, Тони продолжил кричать. Но никто не слушал его. Когда вошёл доктор и...

Тони с криком проснулся. Сейчас ему было так же больно, как и тогда. Обхватив голову руками, он подумал о том, что тринадцатилетний мальчик не должен был всё это испытать на своей шкуре. Кровь, пролившаяся из его ушей и носа, испугала Тони, но мужчина остался на заднем сидении. Он знал, что, если покинет его – они вернут его обратно в Это Место. Ему нужно найти его Монику, и заставить её заплатить.

Это полностью была её вина.

Моника расположилась в гостиной, глядя на двух мужчин рядом с собой. Рядом с ней всё время находился, по крайней мере, один человек, а когда в доме, как сейчас, никого не было – их было двое. И это выводило её из себя.

– Это должно обезопасить тебя, – сказал ей Хан, когда Моника пришла к нему прошлой ночью. – Ты не можешь ожидать, что мне понравится тот факт, что мою женщину используют в качестве приманки для поимки сумасшедшего. Я согласился на это только при том условии, что рядом с тобой будет телохранитель. И ради меня, ты будешь следовать этому.

Монике не понравилось это, но она понимала, что Хан не уступит. Посмотрев на молодого человека, девушка решила поупражняться на нём. Он казался достаточно милым, но ей было скучно, да и к тому же Моника была раздражена.

Потянувшись к его разуму, Престон заставила мужчину почесать свою голову. И когда он сделал это, девушка не смогла не порадоваться своему успеху. В течение часа она играла с ним. Ничего опасного, но нападать на него и ударять по носу, было достаточно весело.

– Что он делает?

Прозвучавший рядом голос испугал её, и, оглянувшись, Моника увидела Джорджа.

– Он действительно танцует со шваброй? – спросил мужчина.

Посмотрев на неё, он подмигнул. Моника покраснела, покинув сознание молодого человека, вернув ему власть над его разумом. Она была рада, что Джордж ничего не спросил об абажуре на голове её жертвы, когда тот устроил его на место.

– Развлекаешься? У меня был долгий разговор с Диланом, и он рассказал мне о своём визите. Спасибо тебе за это, – Джордж сел рядом с парой своего сына. – Составить тебе компанию?

– Буду рада, и за что Вы благодарили меня? Это он помог мне, а не наоборот, – Монике нравился Боуэн-старший, они оба, по сути. – Что Вы делаете здесь? Я думала, Вы и миссис Боуэн собирались остаться дома.

– Мы и были. Но нам стало скучно, как и тебе. И нам захотелось посмотреть то новое представление в театре. Мне так нравятся спектакли и

оперы в этом городе, – мужчина похлопал Монику по коленке. – Я благодарю тебя за то, что ты не испугалась, когда Дилан говорил с тобой, и ты подтолкнула его поговорить с нами. Это стало настоящим шоком, но мы рады за него. За вас двоих, на самом деле. И ты... – Мужчина вновь посмотрел на молодого человека. – Ох, практикуешься, не так ли? Хорошо. В любом случае, это не будет лишним.

– Хан сошёл с ума от того, что они решили, что лучший способ привлечь этого человека к ответственности – использовать меня в качестве наживки. Он думает, что я согласилась на это только из-за того, чтобы взбесить его. Но это не так. И без моего участия в этом, во мне и так достаточно того, что выводит Хана из себя, – Моника посмотрела на Джорджа, когда тот рассмеялся. И девушка тоже не сдержала улыбки.

– Он – дотошный защитник, не так ли? Это у него от меня. Раньше, когда мы впервые переспали, я доводил свою Коррин до безумия. Следовал за ней повсюду, независимо от причины. Даже доводил до ручки людей, с которыми она работала, – Джордж усмехнулся. – Она сдала меня полиции.

– Конечно же, я не делала этого. Привет, дорогая. Не верь этому старому глупому дураку, – Коррин поцеловала Монику в щеку, сев рядом с ними. – Тебе действительно стоит научиться правильно рассказывать историю, не забывая о деталях. Я заставила его прийти в участок, чтобы поговорить. В то время в нашем городе шерифом был один молодой офицер. Терренс – хороший человек.

Джордж кивнул.

– Ага, так и есть, но он – заноза в моей заднице. Тебе стоит услышать, что он сказал мне. Он сказал, что преследование – это преступление и, если я не прекращу это, то окажусь по неправильную сторону пистолета. Чёртов человечиска, он даже не нервничал, говоря мне, что женитьба на девушке не изменит этот факт, но привяжет её ко мне прочнее.

– Вы женились на ней, чтобы избежать тюрьмы? – Моника рассмеялась. – Вы не могли. Вы так сильно любите её, и это видно во всём,

что Вы делаете для неё. Я никогда не встречала более романтического человека в своей жизни, мистер Боуэн.

– И теперь это удручает, – Джордж посмотрел на свою жену. – Ты не привила мальчишкам романтичности? Я думал, это твоя работа.

– Нет, Хан – романтик. Однажды он подарил мне цветы, – девушка попыталась вспомнить, почему он это сделал, и вспомнила, что это было из-за того, что он достал её. – Я считаю, что это было мило. А после он показал мне, что является пантерой.

– Это не романтично, если сделано для того, чтобы сгладить углы, – Джордж выглядел так, будто был готов тут же отправиться на поиски своего сына. – Думаю, мне стоит вновь отвезти его в лес. Кажется, я никогда не буду слишком стар для этого.

– Нет, – выкрикнула Моника в ответ. – Не делайте этого. Я не хочу, чтобы между семьями вновь были разногласия из-за меня. Он и Кэйтлинн поссорились из-за этого, и я не хочу, чтобы то же самое было и между вами двумя.

Девушка понимала, что даже, если Джордж пообещает оставить всё как есть – он всё равно скажет что-то Хану. И ей хотелось, чтобы она никогда и не заикалась об этом. Коррин заговорила, и Моника попыталась откинуть сейчас все мысли об этом.

– Дилан рассказал нам, что ты очень сильна, и для тебя нет границ... Я не знаю, как назвать это. Силы? – Женщина улыбнулась Монике. – Я так рада, что он открылся нам. У меня всегда было ощущение, что он знает больше, чем ему следовало. У его прапрабабушки иногда был такой же отсутствующий взгляд.

– Я и не представляла, что Вы знали её. Дилан думал, что она умерла до Вашего рождения, – Моника посмотрела на Джорджа, когда тот рассмеялся.

– Если бы так было. Старуха отлично знала своё дело. Прямо с первого раза, что... ну, она знала многое, – Джордж смутился, продолжив: –

И она без единого сомнения сказала мне, что мои дети заставят меня заплатить за все свои проступки. И теперь, когда я думаю об этом, понимаю, что она была права.

– Она была его прабабушкой, и очень его любила, – Коррин посмотрела на своего мужа, а после подарила ему поцелуй. – Но она была слишком откровенна. Но мы, будучи слишком юными, мало знали об её возможностях. Только недавно, всего прошлым вечером, я нашла пару упоминаний о ней. Понимаешь, она хранила истории семьи Боуэн, вложив в них много информации, чтобы убедиться, что, когда она говорила именно «когда», появится кто-то вроде неё – мы сможем принять их, а не отослать прочь.

– Они отослали её? – Коррин кивнула в ответ на вопрос Моники. – Тогда они действительно не верили, что она говорила правду. Это печально.

– Это так, или же, возможно, и нет, – Коррин продолжила объяснять: – Она смогла взять это под контроль – и это хорошо. Она не была уверена в этом, но в своих работах указала, что мы можем обратиться в пантер при помощи укуса. У неё было четверо детей – все мальчики, и она была рада, что ни один из них не был проклят, как она. Прабабушка предсказала, что однажды появится кто-то подобный ей, и она надеялась, что мы будем к ней более терпимы, чем тогда. Думаю, мы прошли долгий путь к этому, не так ли, милая?

Моника кивнула. Девушка думала так же. Она хотела спросить у пары ещё кое-что о ней и Хане, но один из домашних служащих нарушил их уединение, сообщив, что обед готов. Он так же сообщил и то, что мистер Хан и мистер Уокер присоединятся к ним, и что мисс Кэйтлинн отбыла на миссию.

– Миссия. Как увлекательно для неё, – Коррин взяла Монику за руку, пока они шли в столовую. – Можешь ли ты представить всё то, что она видела и делала?

Моника кивнула. Она могла. Вчерашним утром, непредумышленно,

по сути, когда она гуляла. Кэйтлинн спала, и Моника подумала о том, сможет ли узнать пол ребёнка. Это был мальчик, но девушка получила гораздо больше, чем рассчитывала. Вещи, о которых она пообещала себе больше никогда не думать.

Ланч был шумным и дружеским. Моника села рядом с Джорджем и не сдержала смеха, когда Хан уставился на отца пронзительным взглядом. Он был тем человеком, которого она могла легко полюбить, что Моника и сделала. Когда Джордж вновь наклонился и поцеловал девушку в щеку, Хан поднялся на ноги.

– Старик, мне всё равно, что ты мой отец, но перестань заигрывать с моей парой, – мужчина сел обратно, но не перестал свирепо смотреть. – Как ты собираешься дожидаться внуков, если всё время переходишь границы?

– Ты любишь меня – у меня всё получится, – Джордж похлопал Моника по плечу. – Если хочешь, чтобы я остановился, тогда поступи с девушкой правильно – женись на ней. Уокер так и сделал. Когда ты одеваешь на её палец кольцо – это даёт женщине понимание того, что ты не бросишь её, не так ли Кэйти, моя дорогая?

Войдя, Кэйтлинн улыбнулась Джорджу, прежде, чем отвесить ему подзатыльник.

– Я несколько раз говорила тебе прекратить называть меня этим глупым именем. Зови меня МакКрэй или Кэйтлинн. Но не этим безвкусным именем, что звучит так, будто я должна лакать молоко с миски. И для справки, я никогда не сделаю этого. Всем привет. Я дома.

Уокер крепко и быстро поцеловал свою женщину в губы. Моника даже не сомневалась, что большой человек крайне скоро собирается утащить свою жену наверх и вновь отметить её. Кэйтлинн обмолвилась, что это их способ справиться с тем, что она так часто в разъездах. Линн осталась при своей работе, и никто не пострадал. А после она улыбнулась. Моника никогда не могла понять, когда её оппонентка шутила, а когда нет.

У этой женщины была крайне устрашающая улыбка.

ГЛАВА 12

Хан наблюдал за Моникой. Мужчина был уверен, что она всё ещё была зла на него, и просто не мог винить её в этом. Оборотень был слишком требователен в отношении безопасности своей женщины. И хоть Боуэн и не собирался уступать в этом вопросе, но он понимал, почему это сводило Моника с ума. Ей нравилось её уединение.

Но, когда позавчера они пришли к нему с этим планом – Хан был против. Настолько категорично против, что пригрозил увезти её куда-то, где они и этот Бэрр никогда не найдут Престон. Но тогда слово взял Маршалл:

– И ты готов скрываться всю оставшуюся жизнь?

Хан посмотрел на вертигра.

– Ты готов отправить в бега всю свою семью, и даже ту, что мог бы иметь с Моникой, и переезжать каждые несколько лет? Потому что именно это и ждёт тебя, если мы не поймаем этого человека.

– Он один. Я могу справиться с ним. Если он станет слишком серьёзной угрозой, тогда я просто сделаю то, что будет лучше для моей семьи, – Маршалл покачал головой. – Никто не будет скучать по нему. Он – убийца.

– И ты тоже станешь.

Это заставило Хана замолчать и посмотреть на Моника, когда та продолжила:

– Ты не будешь ничем отличаться от него. Убить, потому что ты можешь это или потому что всё становится слишком неудобным? Как ты думаешь, каково мне будет жить с тобой, если ты убьёшь из-за меня? Если

у нас появятся дети, как они будут чувствовать себя, зная, что их отец убил человека?

Оборотень открыл было рот, чтобы опровергнуть её слова, и то, что их дети узнают, только, если бы Моника сама сказала бы им, но она оборвала Хана:

– Что, если они будут, как я? И узнают таким образом?

Итак, теперь он был в доме с причудливыми незнакомцами, что не были в паре, но находились рядом с его женщиной – и это выводило оборотня из себя. Ему нужно сделать что-то. И достаточно скоро, потому что Хану не нравилось напряжение между ними. Особенно с тех пор, как Моника прекратила прикасаться к нему. Он тоже не касался её, но девушка разозлила его. Взглянув на Уокера с Кэйтлинн, Хану хотелось, чтобы у них с Моникой было так же, как у его брата с его супругой. Его мама, Коррин, пнула его ногой под столом.

– Хан, мне нужна твоя помощь на кухне. Не мог бы ты мне помочь? Я перестаралась с покупкой вещей для малыша. Я хотела девочку, но буду счастлива подержать на своих коленях и маленького внука, – мужчина последовал на кухню за матерью, и уже почти было спросил, почему она не попросила одного из миллионов служащих здесь об этом. Но женщина опередила его, ударив своего сына по лицу.

– Какого чёрта это было?

Когда Коррин указала на стул, оборотень сел.

– Не могла бы ты мысленно рассказать мне, почему я попал к тебе в немилость прежде, чем я бы получил за это?

Хан покраснел, когда женщина начала постукивать ногой по полу. Плохой знак. Так же, как и скрещённые на её груди руки. Оборотень попытался понять, что он сделал не так, и ничего не нашёл среди тех вещей, что она могла бы услышать.

– Собираешься сидеть здесь и говорить, что не понимаешь?

Мужчина замер. Это была ловушка, и Хан прекрасно понимал это.

– Ты собираешься жениться на ней или нет? Или ты собираешься ей просто позволить быть твоей парой, парой всемогущего Хана Боуэна – думаешь, этого для неё достаточно?

Ему не понравилось, как его мама высказалась обо всём этом, но Хан мудро промолчал.

– Словами не выразить, насколько подавлена эта девушка. Знаешь ли ты, что она не может связаться с тобой? Ты вообще сделал что-то, чтобы исправить это?

Хан резко взглянул на Коррин.

– Я убедился, что она может связаться со мной, и я всё время говорю ей, куда иду, каждый раз, едва переступив порог дома, или даже, если просто иду в другую его часть. Моника лучше знает, где я, чем иногда я сам.

– Может ли она связаться с тобой?

Хан посмотрел на дверь в столовую, а после вновь перевёл взгляд на свою мать, когда та прошептала в его голове:

– Она разговаривала с Диланом, когда тот был здесь. И когда он попросил Моника связаться с тобой, она сказала, что у неё не получается найти тебя. Что, если что-то произойдёт, и ты будешь ей нужен, а телефон не будет работать? Дерьмово быть в другой части дома, когда в этой кто-то может ранить её.

– Она может это сделать. Я... – Хан попытался вспомнить, разговаривали ли они когда-то по их связи, и понял, что это имело место быть. Или нет? Она посылала ему свои образы, но говорила ли? Мужчина вновь попытался вспомнить это. – Она не сказала мне. Ей следовало бы сделать это.

Когда Хан поднялся, Коррин толкнула его обратно.

– Я ещё не закончила с тобой. Ты любишь её?

– Да, – ответил мужчина без колебаний. – Очень люблю. И думаю, что буду любить всю свою жизнь. Почему ты спрашиваешь? Она сказала тебе,

что не любит меня?

– Нет, она не говорила. По факту, Моника едва упомянула тебя с момента нашего приезда. Ты обидел её? – Хан кивнул. – Тогда, что ты сделал, чтобы помириться с ней? Думаю, ничего. Знаешь ли ты, что отец спросил её о цветах? И Моника ответила, что ты подарил ей букет. Было ли это, потому что ты был зол на неё, и купил их как попытку примирения?

– Я хотел подарить ей что-то, потому что вынудил сбежать сюда. У неё было бы... Как это связано с тем, люблю ли я её? – Хан понял, к чему вела его мать, когда женщина посмотрела на него взглядом «ты не можешь сделать это со мной». – Я люблю её очень сильно, но я и боюсь за Монику. Я хочу забрать её домой и сделать счастливой.

Поднявшись на ноги, Коррин поцеловала своего сына в макушку.

– География не имеет значения, когда ты любишь кого-то. Ты можешь любить Монику здесь, равно так же, как будешь любить и дома. Ты можешь показать ей, что ты любишь её здесь так же сильно, как и дома. На самом деле, здесь у тебя даже больше возможностей сделать это, чем там. Вот почему мы с твоим отцом не уехали – он ведёт меня в театр, потому что мне нравится это, и мы можем встретиться с нашими упрямыми детьми.

– И он не злил тебя?

Женщина рассмеялась над вопросом Хана, и направилась к кладовке, после протянув мужчине большую коробку и три из пяти сумок, ранее стоявших на полу.

– Конечно, злил, но он не спал на полу из-за этого. Каждый раз он находил способ, чтобы заставить меня улыбнуться, – Коррин вновь направилась в столовую. – Скоро и у тебя появится малыш, и я накуплю для него много всего.

Хан хотел поухаживать за своей парой. Но проблема в том, что он не знал, как это сделать. Он подумал о том, был ли кто-то из его братьев романтичным, и решил позвонить Дилану. Безусловно, он ходил на свидания чаще их всех, с тех пор, как обнаружил, что с девушками может

быть весело. Но взгляд Хана метнулся к Маршаллу, хоть этот человек и был геем – мужчина поставил бы свой последний доллар на то, что уж он знал что-то о романтике.

Хан попросил мужчину о разговоре после обеда. Оборотень намекнул, что речь пойдёт о плане, но, как только дверь закрылась, он понял, насколько мало знал о Монике, и тяжело осел в кресло. Когда Маршалл рассмеялся, Боуэн поднял на него взгляд.

– Это же не может быть всё так плохо, не так ли? – Хан кивнул, и он усмехнулся ещё больше. – Возможно, если мы спланируем это вместе – ты найдёшь из этого выход. Это лучший план действий для того человека. Он убил многих и...

– Нет, я не о том, – оборотень вскочил со своего места. – Я люблю Моника. И не знаю, как поухаживать за ней. Ей нужно немного романтики, и я думаю... на самом деле, вся моя семья думает, что, возможно, она – лучшее, что у меня есть. Но я понятия не имею, как показать ей это.

Маршалл сел.

– И ты пришёл ко мне потому что...? Неважно. Не отвечай. Ты хочешь поухаживать за ней – тогда поговори с ней. Моника станет для тебя лучшим источником информации, как сделать это. В смысле, если она не зла на тебя.

– Она обижена. Отличный совет. Прежде она... Что же, ты знал меня до встречи с ней. Я ничего о ней не знаю. Её день рождения, её любимый цвет – ничего.

Маршалл потянулся к столешнице, а после передал Хану маленькую записную книжку.

– В первую очередь, тебе стоит научиться подмечать детали. Например, когда ты дарил ей цветы и почему. Когда ты злишься на неё – зла ли она на тебя? Ты даришь ей что-то, что нравится тебе, или то, что нравится ей? Хоть это и может показаться глупым, но это тебе поможет. И её день рождения десятого марта. Но её любимый цвет? Даже я знаю об

этом – синий. Моника постоянно одевается в этом оттенке. Если это не одежда – то это что-то на ней. Ты заметил её серьги?

Нет, он не заметил. Хан попытался вспомнить их, но понял, что и понятия о них не имел. Он даже не заметил, что она их носила. Маршалл покачал головой. Мужчина тоже подумал, что дело гиблое.

– Тебе стоит начать замечать о ней что-то. Например, её духи – тебе нравится их запах? Если нет – тогда скажи ей это так, будто тебя тошнит от него.

Хан знал это.

– Ты покупаешь ей что-то, что нравится тебе, что-то, чтобы заменить то, что ты не хочешь, чтобы она носила... Почему ты не записываешь это?

Мужчина открыл блокнот и принялся писать. Он делал заметки, будто ему предстоит сдать позже тест, и Хан не хотел провалить его. Потому что он понимал, что, если не сделает это – потеряет Моника. Спустя ещё час, Боуэн уже имел кое-какую картину. Он даже составил список журналов, предложенных Маршаллом. И купил билеты на концерт группы, о которой ранее никогда не слышал, но Маршалл сказал, что её слушала Моника.

Покидая комнату, Хан чувствовал, что он вполне сможет осуществить всё. Теперь ему стоило убедить свою пару, что он не был напыщенным мерзавцем, и действительно любит её. Мужчина нашёл Моника в их спальне, она уснула, сидя на подоконнике. Девушка плакала, и от этого Хан чувствовал себя ужасно.

Подняв свою пару на руки, он устроил её на кровати. Одной из вещей, что сказал Маршалл, было то, что кровать была не только для секса. Иногда она была и для объятий и разговоров. Хан не знал, что ответить на это, но всё же записал это в блокнот. И едва ли он лёг рядом с Моникой, мужчина понял, что имел в виду его собеседник. Ему просто хотелось держать девушку в своих руках. Довольный сложившимися обстоятельствами, Хан прикрыл глаза, понимая, что стоит заняться делом. Его цель заключалась в том, что его братья ещё будут бегать к нему за советами по уходу за

прекрасным полом. Мужчина уснул с улыбкой на губах.

Моника проснулась в одиночестве. Она знала, что Хан лежал рядом с ней, и она уже была готова сказать ему, что не в настроении для секса. На самом деле, это было не так, но у девушки не было причин так быстро сдаться. Но он лишь обнял её, а спустя пару минут, Престон уже слышала его мягкое посапывание. Мужчина уснул. Девушка попыталась было рассердиться на него, но попытка оказалась провальной, поэтому она последовала его примеру – уснула, вновь прикрыв глаза.

Но то, что Моника проснулась спустя пару часов в одиночестве – это вновь испортило её настроение. Как он посмел? Девушка не была уверена, как он вообще осмелился на что-то, но она упрямо собирала по комнате свои вещи. Зайдя в ванную, чтобы принять ванну и хорошенько отмокнуть, Моника остановилась. Кто-то крайне постарался.

Повсюду были расставлены свечи. На стойке, вокруг джакузи и на подоконнике. Девушка прикоснулась к лепесткам роз, что были рассыпаны вокруг каждой из ароматных свечей, изумившись их мягкости. Розовые лепестки идеально гармонировали со свечами. Рядом с ванной, в ведёрке была бутылка вина и два бокала.

– Я хотел удивить тебя, – она обернулась, посмотрев на Хана, когда тот заговорил: – Хотел разбудить тебя, но вспомнил, что забыл штопор. Но ты проснулась прежде, чем я успел вернуться.

Девушка кивнула, не зная, что ещё сделать. Она вновь посмотрела на манящую воду с ещё незажжёнными свечами и лепестками роз вокруг. Это было прекрасно.

– Вот, позволь мне зажечь их, чтобы ты могла их увидеть. Парень в магазине сказал, что они могут гореть часами, – он наклонился к ванне, зажигая свечи. – Они пахнут сиренью. Тебе нравится?

– Да. Это одни из моих любимых цветов.

Моника видела, что Хан нервничал, потому присела на сидение и посмотрела на него. Он был настолько изумительно прекрасен.

– Я хотел сделать это для тебя, но, когда ты встретила меня – я был просто ослом. Я хотел... Мне нужно убедиться, что ты знаешь, насколько сильно я люблю тебя.

– Я знаю. Ничего из этого не было нужно. Я знаю...

– Но это нужно. Я хотел сделать это для тебя, – Хан провёл рукой по лицу. – Но не сделал это правильно. Мне хотелось показать тебе, что я не неандерталец. Я могу быть им, я знаю, но не всегда. Особенно, когда дело близится к сексу.

– Это у тебя получается отлично, – девушка осмотрела комнату, приготовленную для неё. – Значит, ты устроил это, чтобы я осталась рядом... Из-за секса? Потому что ты думаешь, что я...

Хан опустил перед своей женщиной на колени, взяв её ладони в свои.

– Нет. Не из-за этого. Я имел в виду, что не хотел, чтобы ты считала, что мне от тебя нужен только секс. Я хочу, чтобы ты обнимала меня, любила меня, не потому что обязана делать это из-за причуд судьбы, а потому что я нравлюсь тебе достаточно, чтобы ты могла дать мне шанс. Я люблю тебя, Моника.

Хан осмотрел столешницу, а после потянулся к ближайшей к нему полочке, и когда оборотень выругался – Моника лишь молча посмотрела на него. Было забавно наблюдать за тем, как невозмутимый Хан рушил свой образ. Наконец, казалось, он собрал всё, что ему было нужно.

– Я хотел сделать это после того, как снёс бы тебя с ног, и ты просила бы меня о большем, но я не могу ждать. На самом деле, я слишком напуган, чтобы ждать дольше.

Мужчина поднялся на одно колено, поцеловав её ладонь. Он выглядел немного испуганным, и Моника наклонилась к нему, оставив на его устах

поцелуй.

– Как бы там ни было, мы можем всё исправить, – она вновь поцеловала его, когда Хан остался стоять на своём месте. – Я тоже не хочу жить без тебя. Так что, просто спроси меня.

Мужчина кивнул.

– Моника, ты выйдешь за меня?

Кольцо, что он надел на её палец было прекрасным. Девушка повернула ладонь, рассматривая палец в свете свечей, и рассмеялась, когда отблеск сверкнул по всей комнате. Она любила этот оттенок, решив, что тёмный диамант идеально подходит к его глазам. Моника посмотрела на своего мужчину.

– Тебе не стоило делать это. Мне нравится быть твоей парой. Если ты делаешь это, чтобы угодить отцу, потому что он вынудил тебя, тогда ты не...

– Нет, я делаю это, потому что должен. Мне стоило давно сделать это – и папа помог мне понять. Он хотел жёлтый, но я подумал, что этот понравится тебе больше, – Хан поднял взгляд на Монику. – Тебе нравится, не так ли? Я могу вернуть его, обменяв на жёлтый, если хочешь. Или белый. Но...

Девушка заставила его замолчать, накрыв губы мужчины своими. Подняв голову, Моника посмотрела в его лицо, утопая в любви к этому мужчине. И она сказала ему об этом. Когда Хан вновь поцеловал её, рассмеявшись, он поднял свою пару с её места.

– Наверное, мне следовало найти более романтическое место, чтобы сделать тебе предложение, но я не хотел, чтобы ты ушла до того, как я успел бы спросить тебя, – Хан вновь поцеловал её, на этот раз с небольшим голодом, что она пробудила в нём. – Если ты не против, я хотел бы искупать тебя. Я никогда не делал этого прежде, но осознал, что действительно хочу попробовать.

Моника наблюдала за тем, как Хан раздевается. И когда на его теле не

осталось ни единого клочка одежды, она потянулась к нему. Мужчина сказал ей «нет», сейчас было время для ванны, а не для занятия любовью. Хан сказал Монике, что у него есть кое-какие планы на потом, и он не хотел, чтобы она помешала им. Снимая с себя одежду, девушка не сдержала смешок.

– Хорошо, мы можем заняться и тем и другим. Ты очень красив без одежды. И в ней тоже, но я думаю, что моим любимым зрелищем будет то, как ты выглядишь сейчас, – мужчина помог своей паре устроиться в джакузи, и сел позади неё. – Это очень мило.

Взяв большую губку, Хан принялся мыть её спину, а после перешёл к ногам. Девушка попыталась было подбить его на то, чтобы заняться любовью в ванной, но он всё ещё опускал Моника вниз. Когда Хан мыл её волосы, Престон потёрлась о его твёрдый член столько раз, сколько смогла, пока оборотень не отодвинул её.

– Ты, моя дорогая, играешь не честно. Если продолжишь так себя вести, не получишь свои оставшиеся подарки, – девушка замерла секунды на три, а потом набросилась на своего мужчину. – Хочешь заставить меня отшлёпать тебя?

Моника двинулась вперёд в джакузи. Он так переживал о том, чтобы ничего не испортить, что у девушки возникло желание сказать Хану, что она действительно хотела, чтобы он отшлёпал её. Но вместо этого, Моника поцеловала его. Нежно, но со всей любовью, что смогла вложить в поцелуй. Отодвинувшись, девушка отметила, как потемнели глаза Хана. В них была жажда и любовь. Улыбнувшись ему, Моника поднялась на ноги, чувствуя, как вода стекает по её телу.

– Отнеси меня в кровать, Хан. Пожалуйста...?

ГЛАВА 13

Хан ненавидел то, что ему вновь пришлось покинуть Монику, но Уокер сказал, что ему нужно пробежаться, и его брат попросил его... нет, он умолял его пойти с ним. Оборотень часами слонялся по дому, и когда Кэйтлинн попросила составить компанию её мужу – Хан не смог отказать.

Мужчины ушли в самые глубины имения. Ни один из них не желал, чтобы их застукали со спущенными штанами или в облике пантер, так что выбранное ими место было просто идеальным. Уехав на джипе, используя его, как предлог, чтобы проверить землю, Уокер стал выглядеть менее напряжённо. Хан не хотел лезть во всё это, но, тем не менее, мужчина задался вопросом, что сделало его брата таким эмоциональным. И только обратившись, рассекая по территории, Уокер мысленно потянулся к нему.

– *Она уезжает в длительную поездку,* – Хану потребовалось несколько секунд, чтобы понять о ком говорил его собеседник, когда Уокер продолжил: – *Они хотят отправить Кэйтлинн в Калифорнию на месяц, чтобы проверить подготовку тех кадров, чтобы не опустить планку ниже той, что они ожидают получить в итоге.*

– *Когда она должна уехать?* – Хан перепрыгнул через бревно, остановившись у огромного орешника в ожидании брата. – *Собираешься составить ей компанию?*

– *Нет. Я не могу. К чёрту всё это. Мне нужно быть здесь на случай, если я понадобится Уоррену,* – Уокер остановился рядом с Ханом на несколько секунд, а после продолжил свой бег. – *Этот человек здоровее меня.*

Хан озвучил свои сомнения:

– *Ты, как и она, взялся за эту работу, прекрасно понимая, что однажды подобная ситуация произойдёт. Ты сам сказал, что ей не место на кухне, даже невзирая на то, что из неё получилась бы прекрасная маленькая домохозяйка.*

Уокер зарычал, от чего его брат не сдержал смехок. Они оба бегали ещё около двадцати минут, прежде чем выйти к озеру. Наклонившись к

воде, наслаждаясь её прохладой, Уокер вновь заговорил:

– *Её беременность протекает хорошо, и она не нуждается в моей помощи.*

Хан никак не прокомментировал это, понимая то, как чувствовал себя его брат, ощущая себя ненужным своей паре.

– *Она думает, что это мальчик. А мама сказала ей, что девочек в нашей семье не было уже восемь поколений. На наш род выпало слишком много мальчишек.*

Хан думал, что это было даже дольше, но считал, что крошечная девочка станет благословением для их семьи. Сверхопекаемая – да, но очень любима всеми. Как и любой ребёнок.

– *Проснувшись этим утром, я собирался приготовить для нас с Моникой завтрак в постель. Но едва ли я тихо поднялся с кровати – она исчезла. Она встала пораньше и отправилась на кухню, чтобы сделать это для меня. С каждым разом Моника готовит всё лучше. Меня очень разочаровало, что ей больше не нужна моя помощь, – мужчина взглянул на брата, продолжив: – Но, если она уедет на целый месяц без меня? Я не уверен, что чувствовал бы себя лучше твоего. Конечно, у тебя есть собственный самолёт. Нет ни единой причины, что удержала бы тебя от того, чтобы улететь туда на целый день, а потом вернуться сюда.*

Голова Уокера поднялась настолько быстро, что Хан почувствовал, как забилося сердце в его груди. Осмотревшись вокруг, мужчина был уверен, что где-то затаилась угроза. И когда его брат напал на него, Хан подумал, что они оба умрут. Но Уокер застыл над ним, упёршись своими огромными грёбанными лапами в его грудь, а после, наклонившись, лизнул в морду.

– *Слезь с меня, ты, идиот-переросток. Какого хрена с тобой не так? Я думал, что мы оба мёртвые кошки, – Уокер отошёл от мужчины, сев на землю. – Не хочешь объяснить, что за нахрен только что было?*

– *Ты прав.*

Хан ответил ему, что всегда прав, но в чём на этот раз?

– Ты прав. Я могу улететь к ней в любое время, когда только захочу. Кэйтлинн не удастся скрыться достаточно далеко, чтобы я не виделся с ней, потому что я могу быть с ней, когда захочу. Так что, спасибо тебе.

Поднявшись, Хан зарычал на брата:

– В следующий раз, достаточно будет и простого рукопожатия. Если ты вновь лизнёшь меня – я сломаю тебе челюсть. И, пожалуйста.

На этот раз, прогулка по лесу выдалась менее напряжённой. Братья разговаривали о многом, но в основном о своих парах и о том, как рады, что смогли найти с ними общий язык. После их разговор зашёл о Бэрре и о том, каковым может оказаться его следующий шаг.

– Кэйтлинн говорит, что такого человека как он, трудно предугадать. Она сказала, что почти всю свою жизнь он пробыл в лечебницах. Его впервые отправили домой, когда ему было пять, а его сестру нашли мёртвой в своей кровати.

Споткнувшись, Хан замер.

– Это он убил её? Говоря «кровать» – это звучит так, будто она была совсем крохой.

– Ей было около четырёх месяцев. Кэйтлинн нашла отчёт, в котором указано, что он был вне себя, когда родители зашли в детскую, чтобы проверить малышку. Видимо, они были обеспокоены тем, что ночью она не плакала, только единожды захныкала. Думаю, когда пара вошла в комнату там была просто резня. Кто-то, по их словам, ворвался в дом и убил ребёнка, а маленький Тони стал свидетелем этого.

Хан услышал слова брата, но помимо этого он услышал ещё кое-что:

– Но Кэйтлинн не верит в это. И ты тоже.

Уокер покачал головой.

– В отчёте о вскрытии указано, что её голова была раздавлена, а кровоподтёки вокруг горла и на груди были оставлены маленькими руками. Когда Кэйтлинн попросила меня посмотреть отчёт и фотографии, даже

я понял, что руки были крошечными – это были отпечатки рук пятилетнего ребёнка. У него был... Иисус, Хан, он избил её пластиковой летучей мышью, которую нашли чуть позже, а потом он встал на её крошечную грудную клетку. Она умерла от удушья.

– И он был вне обвинения.

Уокер покачал головой.

– Его родители покрыли это убийство, как и остальные. Женщины, которых он преследовал – они подходили каким-то его особым параметрам. Иисус, – мужчины вернулись к джипу, когда Хан внезапно замер и оглянулся.

– Он заполучил её, не так ли? Каким-то образом находил Моника и причинял ей боль, как и остальным.

– Не думай об этом. Она под присмотром 24 на 7 (24 часа 7 дней в неделю, «двадцать четыре на семь», – прим. перевод.). Моника не глупа, и не подставит сама себя под удар, – Уокер толкнул Хана плечом. – Ты должен верить в то, что она – член нашей семьи, и мы не позволим, чтобы с ней что-то случилось.

Хан успокаивал себя этим, но у него было стойкое ощущение, что они только зря тратят здесь время. Этот человек был сумасшедшим – сумасшедших трудно просчитать и вычислить, но ещё труднее поймать. Ещё только вчера Кэйтлинн говорила ему об этом. Добравшись до грузовика, мужчины обратились, а после оделись.

– Если ты по какой-либо причине опять испортишь мне этим настроение – твоя задница поплатится за это. Клянусь тебе, Хан, мы не допустим, чтобы с ней что-то случилось. И, если мы даже упустим что-то, все до последнего агента, работающего на мою жену, сделают всё, чтобы вернуть её домой. Как и мы.

Он надеялся на это. Хан скорее умрёт сам, чем допустит даже мысль о том, что Моника может пострадать.

Три ночи подряд проспав в своей машине, Тони нужно было принять душ. Впрочем, ему нужна была и еда, припасы которой уже закончились в его сумке. Вчера он дважды пытался заставить кого-то позаботиться о доставке запасов для него, но они сказали ему отвалить. А ведь Тони всего-то хотел где-то отдохнуть и поесть.

А после была кровь.

Вчера он проснулся в окровавленной одежде. На его лице были ссадины, но мужчина так и не смог вспомнить, откуда они появились. Болело всё тело: если судить по рёбрам и кулакам – Тони побывал в драке. Его кошелёк оказался более наполнен, чем ранее – хоть мужчина и не особо разбогател от этого, но он нашёл в нём кредитки на чужое имя. Он знал, что Джейн Мате не давала их ему, и Тони задался вопросом, не разыскать ли девушку, чтобы вернуть их. Но он испугался.

Своё дело сыграло и то, что кошмары вновь вернулись. Тони нужно было пойти получить свои лекарства, что помогали ему уснуть и избавляли от кошмаров – они остались в его квартире, но всякий раз, когда мужчина пытался вспомнить, где проживал – он чувствовал слабость, а носом шла кровь. И даже водительские права оказались бесполезны – на них просто было его имя и то, что проживал Тони в Вирджинии.

Взгляд сталкера остановился на доме, который он заприметил ещё вчера. Тони казалось, что в нём скрывалась Моника, и мужчина собирался наведаться туда, чтобы узнать, зачем же она убила его родителей. На днях он дошёл до этого логичного умозаключения, чем крайне гордился. Тони понял, что Моника всё время играла с ним, и когда он не смог найти её достаточно быстро – девушка убила его родителей, оставив его сиротой.

Возможно, в тридцать, его нельзя назвать сиротой в полной мере этого слова, и его не отправят в один из приютов, которым всегда угрожала ему мама. Каждый раз, когда он был плохим, вытворяя что-то, что она

называла «полной задницей», его мать рассказывала, что когда-то Тони закончит тем, что просто убьёт её.

Когда женщина вышла из дома, чтобы забрать свою газету, Тони выбрался из автомобиля. Мужчина выждал несколько минут, пока школьный автобус не остановился у её дома, где проживал мужчина. Она не была той же, что тогда помешала им в гостиничном номере, но Тони знал, что эта женщина такая же, как и Моника. Потаскушка. Шлюха. Дрянь. То, как его мама называла своих компаньонов по рабочей группе. Когда мужчина сел в свою машину, Тони сделал свой ход.

Знак остановки был просто рядом с ним, и когда мужчина притормозил, следуя правилам, – Тони выстрелил ему в голову. Оббежав авто, остановившись у дверцы водителя, он снял его голову с руля, отвозя машину в парк. Убийца не забыл и о ключах. Человек был не виновен, но теперь это уже не имело значения.

Приближаясь к дому, Тони бросил взгляд на ключи в своей ладони, пытаясь отыскать тот, что позволил бы ему попасть в дом, в котором скрывалась Моника. Ему пришлось дважды попробовать, прежде чем он нашёл нужный. Дверь тихо открылась, и мужчина вошёл внутрь.

В доме был бардак: то тут, то там беспорядочно валялись детские игрушки и корзины для белья. Её не было в первой комнате, куда он заглянул, не было и во второй. Тони нашёл свою жертву на кухне – женщина мыла посуду, подпевая радио. Ненавидя лишний шум, сталкер выключил его.

«Моника» повернулась к нему с улыбкой на лице, но увидев Тони, открыла рот, собираясь закричать. Он всунул дуло пистолета в её рот. Это заставило её замолчать.

– Я хочу знать, кем был тот мужчина, Моника? Лучше бы тебе завязать с этим до того, как ты собралась за меня замуж, – несчастная заплакала, качая головой. – Тебе нужно прекратить это. Ненавижу слёзы. Ненавижу это, ненавижу это, ненавижу!

Тони нажал на курок, когда женщина издала шум, от которого у него начала раскалываться голова. Кто-то издавал подобные звуки ранее. Всё время. Ему нужно сделать что-то, чтобы остановить это. Ему нужно... Тони обошёл тело несчастной, сев за стол.

Из его носа вновь текла кровь, и, найдя полотенце, мужчина приложил его к своему лицу. Когда это не помогло, Тони подошёл к холодильнику, и, завернув в полотенце лёд, приложил его к носу. Устроив голову на столе, сумасшедший вновь попытался вспомнить свои успокаивающие слова. Но они исчезли.

Всё, что он помнил – «мёртвые», «кровь», «пули» и «Моника». Раньше её имя было в списке успокаивающих слов. А теперь же девушка оказалась в перечне того, что ему не нравилось. Но Тони сделал то, что было нужно, заставив её заплатить по счетам. Поднявшись, мужчина вновь подошёл к своей жертве и посмотрел в её глаза.

Они были карими. У Моника же они были тёмно-фиолетовые, почти чёрные. Прикоснувшись пальцем к её глазу, Тони чуть провернул глазницу, надеясь, что это поможет ему понять, почему они карие. Когда ничего не помогло, мужчина сел на пол, прислонившись к стойке.

– Это не Моника, – Тони пнул женщину по рёбрам. – Где она? Что Вы сделали с ней? Я видел её здесь вчера. Где она?

Конечно, несчастная не ответила, и Тони поднялся на ноги. Он начал с подвала, обыскав дом, он заглянул в спальни, когда послышался вой сирен. Мужчине потребовалось всего несколько минут, чтобы сориентироваться, в какой части дома он был, чтобы найти наиболее выигрышное для него окно.

Выглянув с окна розовой спальню наверху, Тони заметил три патрульных машины. Он сразу заметил, что они не приближаются к дому, остановившись внизу по улице в паре футов. Когда на горизонте показалась машина скорой помощи, сталкер спустился в кухню, чтобы узнать – их вызвала лже-Моника? Но та всё ещё была мертва.

Проголодавшись, мужчина подошёл к холодильнику. Внутри он увидел столь ненавистные ему объедки и немного колбасы. Сделав пять больших бутербродов, Тони съел их и выпил всю воду в бутылках, что припасла женщина, спрятав их в большом мешке для продуктов, который он нашёл за дверью кладовки. Здесь он нашёл немного любимого пудинга и несколько банок похлёбки. Тони вышел через заднюю дверь, спустя минут десять с того момента, как прозвучала первая сирена.

То, что Монике удалось ускользнуть – это расстроило его. У Тони было ощущение, что та женщина в доме была всего лишь отвлекающим манёвром, чтобы сбить его с верного пути. Мужчина подошёл к своей машине, забросив еду на заднее сидение. Идя по улице, он ел бутерброд, и когда полицейский, регулирующий движение приказал ему обернуться – мужчина подчинился. Тони задался вопросом, что происходит.

Головокружительная головная боль застала его, когда Тони был в торговом центре. Он не знал, зачем он туда поехал, но мужчине пришлось залезть на заднее сидение, чтобы вновь отдохнуть. И тогда он нашёл еду.

Тони попытался вспомнить, откуда у него это всё, но головная боль заставила его прекратить. Они были хороши – лёжа, он ел кое-что из припасов, запивая вкусной прохладной водой. У мужчины не было ложки, потому пудинг он просто выпил из чашки, как сок, а после, расслабленно, прикрыв глаза. Он задался вопросом, заботился ли кто-то о том, что с ним?

Помимо еды, Тони нашёл одеяло. И несколько небольших пакетиков с растворимым кофе. Ему нельзя употреблять кофе, да и всё равно у него не было возможности нагреть воду. Потому мужчина выбросил пакетики, прежде чем...

Увидев в руке окровавленное полотенце, Тони подумал, что у него опять пошла кровь носом, но вот то, что внутри него был лёд – это испугало его. Откуда взялся лёд, и что произошло, отчего он расстроился настолько, что его нос опять кровоточит?

Услышав голоса, мужчина напрягся. Он не хотел больше слышать голоса, и когда кто-то рядом с ним захлопнул дверцу автомобиля – Тони едва ли не выпрыгнул из своей машины. Прележав ещё пару минут, он выждал, пока его сердце замедлит свой ход, прежде чем сесть. Вот тогда он и увидел газету под стеклоочистителем своей машины.

Выбравшись на улицу, он осмотрелся. С тех пор, как Тони добрался сюда, пошёл снег. И мужчина даже не мог сказать, что он был здесь всего ничего. Но газета была в полиэтиленовом пакете, и она не пострадала. Вскрыв пакет, оттуда выпал листок, и Тони пробежался по нему глазами. Газета хотела, чтобы он получил эту информацию, и надеялась, что мужчина рассмотрит вопрос подписки. Да, правильно.

Раскрыв газету, в глаза бросился кричащий заголовок: «Супружеская пара Бэрр убита в собственном доме!». Вернувшись на заднее сидение, Тони прочёл статью. А после ещё раз.

Его не упомянули. Перелистнув на страницу некрологов, мужчина нашёл имена своих родителей среди полноценных колонок. Его же не упомянули даже в сносках или в «близких друзьях». Пробежав глазами по статье на первой странице, Тони порвал газету на кусочки и выбросил, как мусор из своей машины.

– Почему никто не сообщил мне о смерти родителей? Почему? Почему? – Он окинул взглядом на заднем сидении опустевшие контейнеры и пакеты из-под фаст-фуда. – Им всё равно. Моника должна была сказать, что я их сын. Она должна была заставить их упомянуть меня в той газете. Кто-то должен был заметить моё отсутствие.

Прикрыв глаза, Тони попытался уснуть. Иногда, когда у него это получалось, головные боли уходили – и он был в порядке. Тони хотел быть в порядке. Он должен быть в порядке, чтобы найти Моника и заставить её заплатить. Мужчина решил, что, когда проснётся, ему следует отправиться на поиски полицейской-Будин и заставить её рассказать всё ему. Сталкер нахмурился, подумав, что не совсем правильно запомнил имя той

женщины, но это не мешает ему найти её.

Насколько сложно будет найти в этом городе такого симпатичного копа, как она? Такие женщины, как она, часто околачиваются в парикмахерских или типа того. Улыбнувшись, впервые почувствовав, что у него всё под контролем, с тех пор, как решил жениться на Монике, Тони позволил себе уснуть.

«Вскоре, – подумал он, – все узнают, что ты причинила боль Энтони Бэрру, а после – просто ушла.»

ГЛАВА 14

Моника вновь пересматривала новости. Они уже около трёх часов крутили один и тот же сюжет, и ей хотелось убедиться, что то, что она увидела – действительно произошло. Вернувшись с работы, Кэйтлинн присела рядом с Престон, посмотрев на неё.

– Весь день я не слышала ничего другого, кроме этого. Эта несчастная пара и эти дети... Что они теперь будут делать? У них нет других родственников.

Моника слышала об этом. Но когда в новостной сборке вновь показали фото, девушка попросила Кэйтлинн взглянуть на них.

– Я знаю, они так молоды. Та женщина едва отвела своих детей в школу. Полиция считает, что мужчину убили первым, а женщину...

– Посмотри на неё, – отрезала Моника. – Эта женщина – моя копия, за исключением цвета глаз.

Взяв в руки пульт, Кэйтлинн перемотала ролик. Моника пыталась сделать это раньше, но закончила тем, что трижды переключала канал, прежде, чем бросила это глупое занятие, принявшись просто смотреть новые выпуски новостей.

– Не знаю, – Кэйтлинн подалась вперёд, а после откинулась назад, и

посмотрела на неё. – Думаешь, это дело рук Бэрра?

Моника кивнула.

– У женщины волосы такого же оттенка, как и у меня, и то же... То же всё. Ты сказала, что он в городе. Возможно, он, по какой-либо причине, думал, что я была там. Возможно, он, как ты и говорила, действительно безумен и убил больше людей со времён...

– Успокойся, – Хан вошёл в комнату, и положил ладонь на плечо своей женщины. – Успокойся и поговори со мной. Я чувствую твой страх, будто он мой собственный. Здесь ты в безопасности. Я не позволю кому-либо причинить тебе боль.

– Хан, думаю, она права. – Посмотрев на Кэйтлинн, мужчина спросил, что та имела в виду, и миссис Боуэн продолжила: – Ту женщину, о которой говорили в новостях – она убита в своём же доме, а её муж – в собственном автомобиле. Думаю, Моника права – всё совпадает. Мне нужно сделать пару звонков. Я скоро вернусь.

Когда женщина покинула комнату, Хан сел перед Моникой. Она обхватила его тёплые ладони своими холодными. Девушка была без ума от страха, но, пытаясь совладать с собой, сделала пару глубоких вдохов.

– Он думал, что это была я. Не знаю, почему мне так кажется, но в ту секунду, когда я увидела её фото – я поняла, что это сделал Тони, – Хан присел рядом с Престон на диван. – Женщина умерла из-за безумного сукиного сына. И он был там.

Услышав, как Хан рассмеялся, Моника подняла на него взгляд, готовая разорвать оборотня за то, что тот посмел посмеяться над ней.

– Я думал, что тебе нужно успокоиться, потому что ты думаешь, будто это твоя вина, но ты – дикая кошка. Не так ли?

– Не понимаю, о чём ты говоришь, – Моника попыталась отстраниться от Хана, но мужчина лишь притянул её обратно. – Если ты собираешься посмеяться надо мной – лучше дай мне уйти. Я могу пойти и найти кого-нибудь, кто будет ценить меня.

– О, я очень тебя ценю. Ты единственная чёртова женщина, которую я люблю. Но, если ты думаешь, что я позволю тебе найти кого-то другого – ты сошла с ума. Без шуток, ты – моя.

Шутливо ударив Хана в предплечье, Престон, чуть нахмурившись, устроила голову у него на груди.

– Что, если я права? Что, если он начнёт убивать похожих на меня женщин? Или мы положим этому конец, или на нас свалится масса убийств. Больше, чем было прежде.

– Кэйтлинн это выяснит. Может, он оставил побольше улик – и ей удастся найти его быстрее. Всё возможно. Парень днями убивает и причиняет боль людям, оставляя с каждым разом всё больше подсказок.

И это было правдой. Только вчера они связали Тони с другим убийством – на этот раз жертвой оказался продавец в магазине. Они получили видео с камер, но, к сожалению, звук на нём отсутствовал. Тони разговаривал с продавцом, как вдруг в его руке очутился пистолет. Сумасшедший начал размахивать им, когда человек, перепугавшись, опустился на колени, принявшись молиться. А убийца просто выстрелил в него. А после он и вовсе сделал самый странный поступок – принялся бить пистолетом свою же голову.

После Бэрр пошёл, собрал вещи, и, сложив их в сумку, покинул магазин. Кэйтлинн сказала, что помимо всего прочего, он взял и кофе.

Когда миссис Боуэн вернулась, Моника всё ещё лежала на груди своего мужчины. Рядом с ней находился один из телохранителей, который должен был сегодня присматривать за Престон. Линн не выглядела счастливой.

– Ты оказалась права. Его ДНК нашли на месте происшествия. Они списали это на совпадение, но решили проверить ещё раз, потому что это было достаточно далеко от прошлого убийства. Основная версия в том, что Тони проник в дом, чтобы найти что-то, чтобы перекусить и раздобыть деньги, а женщина оказала ему сопротивление. Видимо, Бэрр подумал, что,

раз он уже в доме – почему бы не обыскать его, прежде чем уйти. Капли его крови были найдены по всему дому, включая даже детские, – Кэйтлинн кивнула на человека, что вошёл вместе с ней в комнату. – Это Карл. Сегодня ты продолжишь с ним уроки стрельбы. Мне нужно поехать на место убийства, посмотрим, что я смогу найти. Время на исходе.

Услышав, что Тони побывал в детских комнатах, Моника почти что закрылась в себе. Девушка задавалась вопросом, искали ли Бэрр детей, чтобы причинить вред? Престон подумала о том, как помочь этим детям справиться со всем, встать на ноги. Резко поднявшись, Моника посмотрела на трёх людей, рядом с собой:

– Мне нужно побыть в одиночестве. Знаю, что кто-то должен находиться рядом, но мне нужно... действительно нужно побыть в тихом месте наедине со своими мыслями. Мне так жаль, но... – Она посмотрела на мужчину. – Мне жаль, но можем мы отложить это? Прямо сейчас мне нужно...

Престон побежала в сторону ванной, прикрыв губы рукой. К тому времени, как её несколько раз стошнило, дверь позади неё открылась и закрылась. Моника думала, что это Кэйтлинн, но застонала, услышав голос Хана.

– Я принёс тебе крекеры. И кое-что, что оставил Уокер, на случай, если это пригодится. Думаю, сейчас самое время. – Моника потянулась к крекерам, оставив в его ладони маленькую розовую таблетку. – Не хочу заставлять тебя выпить это, но сделаю это, если придётся. Если будешь больна, ты не сможешь помочь, когда они будут нуждаться в тебе, детка. Тебе нужно отдохнуть.

– Тони убил этих людей только из-за того, что посчитал ту женщину похожей на меня, – Моника взяла таблетку и, положив её в рот, проглотила. Хан протянул возлюбленной стакан воды, который она приняла.

– Я когда-нибудь рассказывал тебе о том, как мы с Уокером попали в неприятности, потому что он захотел заняться сексом с женщиной

постарше него, а мне пришлось остановить его? – Моника подняла бровь в ответ на слова своего мужчины, а тот лишь улыбнулся. – Это моя версия истории, но ты любишь меня, потому согласишься в мои слова. В любом случае, он хотел заняться сексом с той женщиной, и я сказал ему, что это было не лучшим его решением.

– И насколько та женщина была старше?

Моника понимала, что, на самом деле, Хан был тем, кто хотел секса, а Уокер – тем, кто пытался удержать его от неприятностей. Она не сомневалась в том, что таких историй, где оборотень был невинным наблюдателем, было предостаточно.

– О, она была очень старой для пары мальчишек-подростков. Ей было около двадцати пяти, – Моника рассмеялась, а Хан продолжил: – Она жила рядом с землями, что принадлежали моим родителям. Акры нетронутой земли, на которых стоит наш дом. Гораздо меньше, чем есть сейчас. В любом случае, та женщина жила рядом с нами, и пекла лучшие булочки с корицей в ближайших семи округах. Они были такими нежными и мягкими. Но достаточно большими для того, чтобы поместиться на твоей ладони. И такими же тёплыми, как солнечный свет в приятный майский день.

– Ты говоришь сейчас о пирожках или о женской груди? Звучит так, будто ты был достаточно сексуально озабоченным ребёнком, искавшим быстрый перепих.

Хан улыбнулся Монике, попросив её не перебивать. Девушка зевнула, и мужчина поднял её с пола, удерживая в своих руках.

– Прекрати перебивать меня. На чём я остановился? Ах, да. Её булочки. Она пекла их каждую неделю, отправляя в наш дом, как подарок для мамы. Моя мама помогала ей в саду, и в благодарность за это мы получали тёплые булочки. Но я... Уокер хотел большего.

Моника почувствовала, как расслабляется её тело, и, когда Хан продолжил свой рассказ, прижалась к его тёплому телу. Его слова казались

смазанными, но Престон больше не заботила ни та женщина, ни её булочки с корицей. Когда Боуэн засмеялся, она попыталась взглянуть на него, но он тоже казался расплывчатым.

— Думаю, ты подменил мои таблетки. — Нет, не так. — Ты что-то подмешал в мой пузырьёк (*имеется в виду пузырьёк с лекарствами, — прим. перевод*).

Престон понимала, что и это было не совсем верным, но его смех заставил девушку улыбнуться. Она попыталась пожелать ему спокойной ночи, но была чертовски уверена, что у неё не получится это должным образом. Когда Моника почувствовала, что её переложили на кровать, она всё ещё слышала, как посмеивается Хан. Невероятно устав, девушка позволила возлюбленному укрыть её, ускользая в сон.

Проснувшись, Хан едва ли не свалился с кровати. Его член погружался в самое тёплое местечко в мире. Посмотрев вниз, мужчина увидел, как Моника, наслаждаясь своими действиями, глубоко вбирает его ствол в рот. Боуэн запустил пальцы в волосы возлюбленной, от чего она, приподняв голову, посмотрела на него.

— Ты знаешь великолепный способ разбудить мужчину. — Лукавая усмешка расцвела на её устах. — Позволишь мне тоже попробовать тебя?

Сев, Моника посмотрела на Хана. Её грудь заалела от желания, а соски затвердели. Мужчина хотел подняться, вобрать их в свой рот и пососать, но девушка всё ещё держала в ладони его ствол, вытворяя с ним воистину восхитительные вещи.

— Тебе не понравилось, как я разбудила тебя? Мне казалось, что все мужчины утром, первым делом, заботятся о своём члене. — Ему стоит завтра утром показать ей, как любят просыпаться мужчины. — Я хочу продолжить это, пока ты не кончишь.

– Хочу испытать с тебя. Повернись, и мы оба получим желаемое, – Хан помог девушке разместиться так, чтобы она оказалась поверх его головы. – Вот так, малышка.

Моника подалась вперёд, губами прикасаясь к члену Хана, а мужчина, в отместку, потянул её бёдра вниз, пируя с её тела. Она была такой влажной, что ему осталось только слизать соки с её бёдер. Едва Боуэн притянул свою женщину ближе, прикасаясь языком к её киске, девушка застонала, не выпуская член мужчины из своего плена. Это ощущение пронеслось сквозь его тело, вниз к самым кончикам пальцев.

Каждая её частичка была обнажена для него. Расположив свои бёдра поверх его головы, Моника как никогда оказалась открытой для него. Мужчина обхватил ладонями попку своей женщины, от чего та вздрогнула, подавшись вперёд, став ещё более влажной. Хан знал, что может испугать её, прикоснись он к ней там, так что он вполне был счастлив насытиться ей.

Отодвинув голову в сторону, Боуэн посмотрел на Монику. Она так быстро орудовала над его членом, что он понял, что его выдержка в любую секунду могла дать трещину. Вновь проведя своими пальцами по попке возлюбленной, Хан ждал того, что Моника напряжётся, но девушка оказалась слишком поглощена своим занятием. Когда мужчина надавил на её тугое колечко мышц, он почувствовал, что на этот раз Престон застыла, но он вновь взял её клитор в рот, лаская его, пока его пара не расслабилась. Хан повторил свои действия ещё дважды, прежде чем, наконец, его палец преодолел преграду.

Тем временем, Моника, оставив член возлюбленного, прикоснулась губами к одному из его шаров. Застонав от этого, Хан кончил, трахая её рот настолько сильно, насколько смог, одновременно с этим стимулируя её языком и пальцем. Как только Боуэн почувствовал, как мышцы Моники начали сокращаться, он ущипнул её клитор пальцами, от чего девушка, кончила, вскрикнув от удовольствия.

Пока её тело дрожало в оргазме, Хан устроил Монику рядом с собой.

Когда Престон улыбнулась ему, Боуэн навис над ней, входя в тело возлюбленной своими пальцами. Принявшись целовать её, мужчина устроился над её телом, и Моника обвила своими ногами его бёдра.

– Я хочу заняться с тобой любовью, – Хан застонал, скользнув членом во влагу её тела. – Горячая и тугая. Люблю быть внутри тебя.

Медленно двигаясь, Хан не отрывал взгляда от её лица. В плену оргазма она была настолько прекрасной, и мужчина любил смотреть на её лицо, когда они вместе наслаждались этим. Опускаясь вниз по её телу, Боуэн остановился у её груди, подраживая соски языком и зубами. Но едва ли Престон попыталась заставить своего мужчину войти глубже и двигаться быстрее – он только ещё больше замедлился.

– Сейчас моя очередь.

Моника зарычала в ответ.

– Очень сексуально, но я хочу насладиться этим временем с тобой. Ты всегда так нетерпелива в своём желании достичь вершины, что забываешь насладиться подъёмом, – Хан вновь вошёл в её тело, возобновив свои движения, улыбаясь, услышав вскрик возлюбленной. – Ты любишь меня.

Это не было вопросом, но Моника всё же ответила:

– Да. Очень сильно. Пожалуйста, Хан, я хочу кончить. Так сильно. Помоги мне.

– Мне нужно сказать тебе кое-что. Кое-что из этого ты можешь выяснить, но мне нужно сказать тебе кое-что важное. – Моника почти заставила забыть его о том, что он хотел сказать, подняв ноги выше к его торсу, сцепив лодыжки в замок. – Ты никогда не играешь честно.

– Как и ты. Расскажи мне, или же трахни меня. Я умираю здесь, – Хан рассмеялся, и Моника застонала, когда он сделал три быстрых толчка внутри неё. – Пожалуйста.

– Я богат, – Моника, откинувшись назад, посмотрела на него. – Раньше у меня были кое-какие сбережения, но после женитьбы Уокера и Кэйтлинн, она добавила к каждому нашему счёту неплохую сумму, и

погасила задолженности.

– Хорошо. Это то, что ты хотел сказать? Мне не важно, сколько денег у тебя в кармане. У меня нет ничего, так что здесь мы уравниваем друг друга. Но, если ты не дашь мне желаемое – я стану вдовой, и в любом случае получу все твои тысячи.

– Миллионы, – Моника замерла не дыша. – Я стал миллионером, занимаясь своим бизнесом, ещё до того, как Кэйтлинн дала нам деньги. Я был в процессе продажи своего дела, когда они с Уокером встретились. Уже после того, как сделка состоялась, я узнал, что Линн положила деньги на мой счёт, и я хотел вернуть их ей, но она отказалась. Ты знала, что она – миллиардер?

– Это её дом? – Хан кивнул в ответ. – Я думала, что это... не знаю, издержки её работы в ЦРУ.

Наклонившись к груди возлюбленной, мужчина втянул в рот её сосок, прежде чем продолжить:

– Я хочу, чтобы ты знала: не важно, чем ты захочешь заняться, не важно, где ты захочешь жить – тебе никогда не придётся беспокоиться о деньгах. Никогда.

Когда Хан снова возобновил в ней свои движения, Моника не двигалась. Он не возражал, понимая, что сможет вернуть её к той точке, где они остановились до того, как он начал этот разговор. Боуэну нужно было сказать Монике об этом из-за того разговора с Уокером о его новой паре.

Её оргазм пронёсся сквозь её тело, и Престон схватила своего мужчину за плечи, когда тот укусил её за шею. Когда Хан прошёлся зубами по вене, Моника одним движением опрокинула его на спину, оседлав бёдра.

– Я хочу, чтобы ты знал, что, если ещё раз провернёшь со мной это во время секса – я сделаю совсем противоположное тому, что сотворила с тобой этим утром. Понимаешь?

Перевернув свою пару на спину, мужчина сделал несколько резких толчков, прежде чем поднял голову:

– Ты моя пара, отныне и навсегда. Не хочу, чтобы ты беспокоилась. Никогда.

Опустив голову, мужчина укусил Монику. Её крик удовольствия толкнул его за край, к которому он приблизился ровно с тех пор, как оказался внутри её тела. Почувствовав, как Престон прошлась языком по его горлу, Хан наклонил голову, давая ей ещё больший доступ, позволяя укусить его. Когда её зубы до крови впились в его кожу, мужчина кончил вновь, обнажив всё то, кем он был.

Зализывая раны на её горле, Хан чувствовал, как Моника повторяет его действия с укусом уже на его шее. Подняв голову, мужчина посмотрел на девушку. Она выглядела немного разозлённой, потому он вновь поцеловал её. Боуэн перевернул их так, чтобы он оказался на спине, а Моника возлежала на его теле.

– Почему ты рассказал об этом подобным образом? Ты боялся, что я сбегу от тебя или что-то типа этого?

Хан рассмеялся.

– Нет, я рассказал тебе сейчас, потому что не хотел, чтобы ты даже думала, чтобы беспокоиться об этом. Уокер сказал, что ты спросила Кэйтлинн не потеряю ли я работу, пока нахожусь здесь с тобой.

Моника приподнялась, устроив свой подбородок на руке.

– Я не так много знаю о тебе. Да и навряд ли вообще знаю хоть что-то. Например, когда у тебя день рождения?

– Двадцать четвёртого июля. А твой – десятого марта. Маршалл рассказал мне. Но это всё, что я знаю. Мы можем провести вместе некоторое время – можем погулять по Капитолию, и поговорить, – Хан вновь устроил голову Моника у себя на груди. – После того, как вздремнём. Ты измотала меня.

ГЛАВА 15

Они наслаждались этим днём. Моника никогда раньше не была в Вашингтоне, и, в течение всех трёх недель, что была здесь, она не видела ничего больше, чем задний двор и дом Кэйтлинн. Хан был просто потрясающим гидом. Он сказал ей, что много путешествовал и повидал множество столиц, прежде чем открыть своё дело.

– Я был владельцем достаточно успешной юридической фирмы. Мы занимались делами всех направлений, и имели несколько высокопрофильных исследований. За всё то время я много путешествовал для себя. Но в определённый момент мне пришлось уйти. Тогда, после Розанн... После неё, я просто продал свою компанию и вернулся домой зализывать раны.

Моника кивнула. Она прекрасно понимала, что значит «зализывать раны». После того, как Тони решил, что она принадлежит ему – «зализывать раны» Престон приходилось частенько. Пара обосновалась в маленьком кафе, заказав превосходный бургер и картофель. Девушка не могла поверить, насколько сейчас увеличился её аппетит.

– Это из-за того, что ты израсходуешь теперь больше энергии.

Моника покраснела.

– Не только из-за секса, но и из-за того, что ты теперь наполовину пантера. Мы тратим больше энергии, и хоть ты и не можешь обратиться, но тоже сжигаешь много калорий. Подожди, вот стоит тебе забеременеть... Тогда ты перестанешь думать об этом.

Не донеся вилку до рта, девушка так и замерла.

– Ты хочешь детей? Со мной? Я даже не догадываюсь, что значит быть матерью пантер. Им нужно что-то другое?

– Да. Они едят сырые стейки с рождения, и смогут отгрызть твою грудь при кормлении. – Вилка выпала их ослабевших пальцев Моники, от чего Хан рассмеялся. – Шучу. Нет. Это вполне обычные дети, пока не достигнут возраста около тринадцати лет. Как моя мама, некоторые могут

обернуться чуть раньше, но у большинства это происходит в период полового созревания. Тебе стоило бы увидеть твоё выражение лица.

Моника бросила в своего мужчину салфеткой. Хан нежно улыбнулся девушке, взяв её за руку. Ей нравилось, когда он так смотрел на неё.

– И отвечая на твой предыдущий вопрос: да, я хочу с тобой детей. Так много, как ты захочешь. Я хотел бы столько же, как и у моей мамы, но вынашивать их придётся тебе, и я не хочу, чтобы что-то случилось с тобой или с ними.

Закончив перекус, пара вернулась на холод. Хан отвёл свою женщину в один из лучших бутиков на улице, сказав леди за прилавком, что им назначили встречу. Видимо, женщина знала Хана.

– Хан, прошло уже едва ли не столетие – где ты пропадал? Ты хочешь приобрести что-то для той особенной леди?

Моника посмотрела на оборотня, желая уйти и убить его одновременно.

– Нет. Это для Моники. Моника, хочу представить тебе Элис Камбс. Элис, это моя пара. Моя мама сказала, что разговаривала с тобой этим утром, и ты знаешь, что мне нужно, – когда женщина кивнула и отошла, оборотень обернулся к своей женщине. – Я покупаю здесь вещи для своей мамы. Спроси у неё. Я покупал ей торжественные костюмы для благотворительного вечера, что устраивают пантеры без родителей. Я делаю это каждый год.

Моника верила ему, но не собиралась так легко спускать. Подойдя к Хану, она сжала его член в ладони, от чего мужчина замер. Престон резко, но кратко дёрнула его, от чего Боуэн застонал.

– Если хочешь сохранить эту впечатляющую штуку, тогда я бы посоветовала тебе никогда не брать меня туда, куда ты водил ту суку. Понял? – Хан кивнул. – И для справки, если я встречу её – я выцарапаю ей глаза.

Когда девушка убрала ладонь, мужчина притянул её к себе, оставив на

её губах жёсткий поцелуй.

– И, знаешь, я даже не буду мешать. И она никогда не была здесь. Это место принадлежит той женщине, с которой ты только познакомилась, и это не огромный известный бренд – Розанн предпочитала известные брендовые вещи.

Хозяйка магазина вернулась, толкая перед собой небольшую вешалку на которой было несколько платьев и накидок. Моника бросила взгляд на Хана, но тот только пожал плечами. Как только они останутся наедине, и ей подвернётся случай, Престон задушит его во сне.

– Уоррен и Маршалл пригласили нас на Рождественский Бал в Белом Доме. Это закрытая вечеринка для близкого круга, но никто не отменял дресс-код. И мне хотелось, чтобы ты смогла выбрать себе одежду. Так что я попросил маму позвонить Элис и подобрать несколько вещей, – мужчина взял свою пару за руку и, поднеся к губам ладонь Моника, прикоснулся губами к её коже. – Кроме того, я подумал, что ты бы не отказалась отдохнуть, выбросить на некоторое время Бэрра из головы.

Престон перевела взгляд с висящих на стойке платьев обратно на Хана.

– Это очень дорого, даже я могу оценить это. Я не могу позволить тебе...

Хан поцеловал её.

– Ты можешь, и сделаешь это. Кроме того, я последовал совету очень богатой женщины, и положил всю её часть на твоё имя – Моника Боуэн, но мы позаботимся об этом, как только разберёмся с оставшимися проблемами.

Девушке показалось, что Хан скрывает от неё что-то, но она не могла понять, что. Когда Элис направилась к примерочным, Моника отправилась за ней. Вещи, что женщина отобрала для неё, уже доставили туда.

– Коррин не была уверена на счёт Вашего размера, так что я отобрала несколько нарядов для тебя. Некоторые из них достаточно специфичны, так

что, думаю, мы посмотрим их, если ничего не сможем подобрать среди всего этого, – Элис подняла волосы с её шеи, заколов их в пучок на затылке. – У Вас такая прекрасная шея. Кажется, высокие причёски для тебя будут просто прекрасны.

Покопавшись в вещах, Элис вручила Монике красивый комплект нижнего белья, а после передала и халат. Женщина сказала, что хочет сначала посмотреть, как платья будут сочетаться с её кожей, прежде чем они отберут несколько.

– Но мне стоит признать, что, пожалуй, у меня есть только одно платье, которое идеально подойдёт Вам. Оно клюквенного оттенка, и у него... Позвольте мне выпроводить Хана, и мы с тобой развлечёмся. Он упомянул, что ему нужно прикупить смокинг, – женщина исчезла, но вернулась спустя некоторое время. – Я сказала ему, что мы подберём платье, но до Бала он его не увидит. Он ответил, что ничего не обещает. Он так любит Вас.

Моника кивнула.

– Как и я его. Но я не... Не хочу оскорбить Вас, но всё же это слишком дорого для него. Я знаю, он говорил, что может позволить себе это, но я не хочу, чтобы он тратил на меня деньги, покупая платье, когда я знаю, что могу одолжить одно у других дам.

Девушка провела пальцем по тому платью, которое упомянула Элис. Но она даже боялась подумать о его стоимости.

Хозяйка магазина подскочила к ней. Она выглядела так, будто тоже знала кое-какой секрет.

– Я впервые занялась этим около десяти лет назад, и Хан с его мамой были моими первыми клиентами. Ему нужно было платье для Коррин на какое-то мероприятие, и я едва сводила концы с концами. Но я уже видела то, что я предложу ей, и мне пришлось искать деньги на ткань. Хан договорился о том, чтобы забрать его, он даже пригласил меня в отель, в котором они остановились, чтобы я помогла его маме правильно надеть его.

Он сказал, что оплатит эту услугу, – женщина сняла платье с вешалки и протянула его Монике. – Прежде чем уйти, он оставил мне деньги и свою визитку. Сказал, что знает насколько это затратное дело, содержать магазин, и он хочет убедиться, что у его мамы будет всё самое лучшее. Он подмигнул мне, а после – ушёл. А я просто смотрела на наличку в своей руке.

Платье идеально легло по её фигуре, обволакивая ноги – казалось, оно было пошито специально для Моника. Когда девушка посмотрела на своё отражение в трёхстороннем зеркале, она, как загипнотизированная, не могла отвести взгляд, наблюдая за тем, пока Элис застёгивала сзади молнию, как платье садится по её фигуре. Даже бюст, казалось бы, был сшит именно для её пышной груди.

– Сколько он оставил вам? – Спросила Моника улыбающуюся женщину, когда та подняла её волосы в незамысловатой причёске. – Он оставил вам достаточно для управления этим местом, правда?

– Да, и на очень длительный срок. Я никогда не забуду его или его маму. Они навсегда останутся лучшими людьми, которых я когда-либо встречала. И Вам следует знать, что Хан никогда не сделает вам больно, и будет любить до конца своих дней.

Моника рассматривала своё отражение в зеркале. Она едва могла узнать себя. Её глаза казались темнее, щёки покрылись румянцем, а её губы выглядели чуть полнее.

– Думаю, это оно.

Элис кивнула.

– Никогда не видела платья прекраснее. Спасибо вам за это, – обняв Элис, Моника отступила назад, рассматривая принесённую ей обувь. Каблук сделал Престон выше на пару дюймов (*около 5 см, прим. перевод.*), и когда она приподняла платье – её ноги выглядели просто невероятно. Моника не могла поверить своим глазам.

– Это не просто платье, милая. Даже, несмотря на то, что я сшила его,

сомневаюсь, что кто-то выглядел в нём хотя бы наполовину так же хорошо. Оно будто было пошито для тебя.

Без четверти семь, лимузин остановился у Белого Дома. Они рассчитывали прибыть к семи, но Моника была уверена, что они опоздают. Кэйтлинн раз семь пришлось отвечать на телефонные звонки, а Уокер множество раз заверял свою маму, что папа одел смокинг, а не футболку с джинсами. И с этим приходилось мириться. Даже Дилан прибыл на этот Бал.

Каждый мужчина семейства Боуэн был облачён в смокинг. И каждый из них выглядел крайне привлекательно. Девушка решила, что, если женщине приходится надевать дорогое платье и каблуки, чтобы познакомиться с людьми – она бы однозначно хотела сделать это с этими мужчинами. И Кэйтлинн выглядела изумительно. Моника вспомнила разговор, состоявшийся между ними, пока женщина наносила макияж.

– Разве не здорово, что в наши дни они могут сотворить с одеждой для беременных? Элис считает, что мне не стоит скрывать своё положение. Я смолчала о том, насколько тяжело мне было подобрать одежду. Я всего на шестом месяце, а это уже просто доконало меня, – несмотря на суету, женщина посмотрела на Монику через зеркало. – Ты знаешь кто это? Доктор и понятия не имеет.

– Да. Ты действительно хочешь знать? Потому что, если я скажу тебе сейчас, я не смогу смолчать потом.

Закусив губу, Кэйтлинн кивнула.

– Это мальчик. И он чистокровная пантера. Тебе лучше набраться сил, потому что он будет большим.

Закончив с макияжем, женщина присела. Она выглядела ошеломлённой, но очень счастливой. Отбросив свои дела, Моника

улыбнулась ей.

– Я знаю, что Уокер говорит, что в любом случае будет счастлив, но мысли о том, чтобы растить девочку ужасали меня. Я понятия не имею обо всех этих девчачьих штучках, и мне бы крупно не повезло, если бы она заинтересовалась этим, – Кэйтлинн осмотрела комнату. – Это скоро закончится. В конце апреля.

– Ты будешь прекрасной матерью. А Уокер – просто великолепным отцом. Вы двое настолько чудесная семья, что трудно поверить в обратное. И ребёнок будет так избалован.

Беременная кивнула.

– Я завидую тебе. Хан сказал, что нам ещё не время думать о детях. И я не уверена, когда оно, то самое «время» будет.

– Он подразумевал, что ты ещё не в... как они называют это, «горячке». Понимаю, насколько странно это звучит, но Уокер назвал это именно так. Он сказал, что у нас это происходит раз на квартал, – Кэйтлинн посмотрела с улыбкой на Престон. – Когда мы начали работать над этим, мы были так счастливы. И ты будешь в этом состоянии около недели – всё время кажется, что тебе мало секса.

Моника подумала, что как это вообще возможно, потому что сейчас у неё его было в излишке. Когда горничная сообщила, что прибыла машина, обе женщины накинули свои накидки на плечи. Ни одна из них не хотела, чтобы их мужчины раньше времени увидели платья. И вот они здесь.

Моника знала, что выглядела просто потрясающе, но Хан не сдержал рык, когда увидел её спину. Когда мужчина прижался к её коже, Престон едва не споткнулась, повалив его на землю. Подняв голову, возлюбленный посмотрел в её глаза.

– Любой мужчина, что прикоснётся к тебе сегодня – умрёт в течение часа. Вспомни это, когда кто-то пригласит тебя на танец, – и Моника поверила ему. Хан выглядел достаточно дико, и девушка подумала, что она никогда не чувствовала себя столь влюблённой в него, как в тот момент.

Президент с Маршаллом встречали их в главном зале. Они оба были облачены в смокинги. И когда Маршалл потянулся к ней, Престон вспомнила о словах Хана и едва успела отступить. Мужчина же только рассмеялся над этим.

– Сегодня ночью он не будет возражать. Я помог ему с кое-чем для тебя, – Маршалл придержал Монику за талию, но от девушки не укрылось, что он не коснулся её кожи. – Идёмте же. Всё готово.

Зал, в который их сопроводили, был празднично украшен. Здесь стояла и огромная рождественская ель, и куча подарков. Подойдя к дереву, Моника рассматривала крошечные белые украшения, а после её взгляд зацепился за алтарь.

Престон посмотрела на Хана, а после вновь на мужчину, что направлялся к ней. В конце концов, это не был праздничный ужин. Её пара держал её за руку, пока они двигались к передней части комнаты. А когда пара встала перед его семьёй, Моника не сдержала слёз.

– Я знаю, что некоторые из вас знали, что произойдёт этой ночью, и я хотел бы поблагодарить вас за то, что вы помогли мне сделать это, – Хан посмотрел на неё. – Моника Престон, станешь ли ты сегодня моей женой, и позволишь мне провести рядом с тобой остаток жизни? Позволишь оберегать тебя и делать счастливой?

Второе кольцо, которое он одел на её палец, было усыпано бриллиантами. Все они были белоснежными, но на самой вершине оказался один-единственный шоколадного оттенка. Мужчина вновь поцеловал свою пару, а после направился с ней к алтарю. Они собирались пожениться.

Когда Коррин и Джордж остановились рядом с ними, заняв место шафера и подружки невесты, Моника поняла, что она всегда будет вспоминать этот день, как самый счастливый в её жизни. Престон подняла взгляд на Хана.

– Я не сказала «да», – оборотень посмотрел на неё, широко раскрыв

глаза, и Моника едва сдержала смешок. – Ты спрашивал меня об этом, помнишь?

– Да, но я...

– Никаких «но». Только сегодняшним утром ты сказал мне, что мы не будем принимать никаких важных решений, не посоветовавшись друг с другом, – Моника посмотрела на Джорджа, который выглядел так, будто вот-вот оторвёт все пуговицы на своём пиджаке. – Вы считаете это важным решением, Джордж?

– Да, – ответил тот ей напряжённым голосом, в котором проскальзывал смех. – Я бы сказал, что это решение одно из самых важных в вашей жизни.

– Пап, ты не помогаешь.

Хан не отрывал взгляда от своего отца, но Моника заставила его повернуться к ней.

– Думаешь, тебе нужна помощь со мной, большой мальчик?

Покачивая головой, оборотень наклонился к ушку своей пары. Когда он с силой сжал её в своих объятьях, Престон поняла, что зашла слишком далеко

– Нет, мне не нужна помощь. Потому что, если ты не остановишься прямо сейчас – я сделаю так, что это станет твоим желанием, – Хан поцеловал её в губы. – Выйдешь за меня?

– Что же, конечно же. Я так рада, что ты спросил.

Свадебное волшебство вернулось, когда вместе с ними рассмеялись и остальные гости.

Это было грандиозное пиршество, и Моника понимала, что навсегда запомнит этот день. Служащие Белого Дома перестарались с подготовкой, и когда выкатили свадебный торт, Моника подумала, что ещё немного – и она лопнет.

Наряду с томатным бисквитом, здесь был и ростбиф с молодым картофелем, зелёной фасолью, ветчиной и жареным луком. Тушёная

спаржа с маслом в мягких рулетах – она казалась такой нежной, воздушной. Свежие фрукты, крошечное миндальное печенье, кусочки марципана в центре в виде маленьких рождественских ёлок с крохотными конфетными тростями и яркими шариками – отлично послужили украшением стола.

Торт, однако, затмил всё. Три яруса белой глазури, украшенной в весеннем стиле. Цветы и бабочки того же клюквенного оттенка, что и её платье, вишнёвые деревья с почти что распустившимися цветками – это было изумительно. Но не это заставило её улыбнуться. По всему пирогу были расставлены фигурки пантер, что пересекали через лес и прыгали через брёвна. И заметив Маршалла и Уоррена рядом с её семьёй, Моника не удержалась, чтобы не поцеловать их в щеку.

– Мы не могли лишиться чёрных кошек всего веселья. Между тем, – обняв её, произнёс Уоррен, – ты тоже часть нашей семьи, как и все остальные. Надеюсь, тебе понравилась свадьба. Хан хорошенько потрудился над ней.

– Понравилась. Очень понравилась. И спасибо вам за всё. Не многие могут похвастаться тем, что их поженили в Белом Доме.

Впрочем, она тоже не могла. В отношении этого существовали строгие правила, так что потому это называли «простой вечеринкой, чтобы отметить их день».

Как только музыканты принялись за свои инструменты, Моника отправилась на поиски своего мужа. Это звучало странно, что он не мог дожидаться подписать официальные документы на имя Моника Боуэн. Девушка нашла Хана в розарии вместе со своими братьями.

Едва она поцеловала его, а после и собравшихся, братья Хана, поздравив Монику с тем, что она стала частью их семьи, оставили её один на один со своим мужем. Мужчина приобнял свою жену, танцуя с ней в лунном свете. Было прохладно, но он согревал её своим телом.

– Я так сильно люблю тебя. – Моника улыбнулась, когда её муж

произнёс эти слова. – У меня есть ещё один подарок для тебя.

– Сегодня ты и так сделал для меня слишком многое. Я очень люблю тебя.

Оборотень вновь поцеловал свою пару, достав кое-что из кармана пиджака.

– Это передавалось из поколения в поколение в моей семье. Кажется, это прошло около четырнадцати поколений, – мужчина вытащил из длинного футляра ожерелье, а после обошёл Монику. – Каждый глава семьи добавлял к нему небольшой камушек, который значил что-то для него. А после... Это принадлежало уже паре.

Хан показал маленький камушек, который мужчина добавил в композицию от себя. Это был яркий аметист такого же, как оборотень сказал, фиолетового оттенка, как и её глаза, когда она смотрела на него.

Ожерелье было на звенчатой цепочке, что не порвалась бы, если бы носитель случайно обратился. Красивый кулон был в форме резной пантеры. А под её мордой была большая декоративная «Б», обозначающую имя их рода. Камни были по обе стороны от неё, и Моника заметила, что там был всего один пурпурный. Один был лунным, а другой – белым с вкраплением карамельного оттенка.

Сразу после полуночи, пара вернулась в дом Уокера и Кэйтлинн. Они с Ханом должны были отправиться в отель, но вернулись домой, когда Кэйтлинн сообщили о новом убийстве. Они хотели быть рядом, на случай, если Бэрра не поймают этой ночью.

– Мы должны сделать что-то. Он не собирается останавливаться.

Моника согласилась с Кэйтлинн.

– Завтра. Завтра вместе с командой мы займёмся этим и найдём способ поймать его. Подводя итог, нам нужно спрятать тебя в безопасном месте. Там, где он никогда не найдёт тебя.

Но ни она, ни Хан не собирались прятаться.

ГЛАВА 16

Тони лежал на этом месте в течение пары минут. Он мог двигаться, просто не понимал, где находится. Или, что важно, как попал сюда. Он знал, что вокруг было светло. И он находился снаружи, потому что мужчина замёрз. Перевернувшись лицом вверх, Бэрр медленно открыл глаза.

Мужчина находился между двух строений. Он предположил, что это был переулок. Рядом с ним было что-то синее и металлическое – посмотрев на это, Тони понял, что это был мусорный бак. Один из таких, что был рядом с домами, в которых Бэрр побывал. Мужчина сел. Его тело было покрыто снегом – поэтому, сумасшедший понял, что находится в этом месте уже некоторое время. Либо так, либо кто-то насыпал на него снег специально. Оглядевшись по сторонам, Тони понял, что всё же он просто находился здесь некоторое время, потому что никаких отпечатков, ведущих к его телу, не было. Отряхнувшись, мужчина заметил, что вновь покрыт кровью.

– Нет, нет, нет, нет.

Ему не помогло то, что он закрыл глаза – Тони всё ещё видел это. Вновь осмотрев себя, Бэрр отметил, что окровавленной была не только его одежда, но и руки. Зарывшись ими в снег, он попытался очистить ладони, чтобы посмотреть не поранился ли он – на его коже и правда было несколько царапин, но их было недостаточно для того количества крови, что он увидел. Именно тогда Тони заметил нож.

Он не был похож на один из тех, что использовала его мама на кухне. Хотя у этого ножа тоже была рукоятка, но Тони знал, что внутри неё можно спрятать лезвие. Мужчина не сразу взял его в руки – сначала он изучил его. Зазубренный край был покрыт кровью и кое-чем, о чём он не собирался думать. Тони немного знал о выкидных ножах (*складной*

нож, клинок которого автоматически извлекается из рукояти при нажатии на кнопку или рычаг и удерживается фиксатором, – прим. перевод.), но этого было достаточно, чтобы понять, что этот был фронтального типа (*один из типов автоматических выкидных ножей, лезвие в котором выбрасывается вперёд, – прим. перевод*) и дольше обычного. Само лезвие, на вид, было не меньше девяти дюймов (*около 22.9 см – прим. перевод*).

«Работа на заказ,»– подумал он.

Оглянувшись, Тони посмотрел вниз, после чего взял свою находку в руку. Нож не был тяжёлым, как Бэрр того ожидал, а рукоятка в нём была резной. Даже не смывая с неё кровь, мужчина мог сказать, что вырезан на ней череп. Кровь только добавила к его виду мрачности. Тони нажал на рычажок сбоку, и лезвие легко скользнуло в рукоятку.

Он вновь был плохим.

Откинувшись назад, опёршись о мусорную корзину, мужчина почувствовал недомогание от очередного приступа головной боли. Он не понимал, что натворил, но это было что-то, отчего он оказался покрыт кровью. Вчерашний день оказался смазанным в его памяти, впрочем, как и ночь. Мужчина лёг на спину и заплакал. Ему хотелось показать Монике, что она причинила ему боль.

Поднявшись на ноги, мужчина поднял валявшееся рядом с ним пальто. Тони не представлял, как выглядит сейчас его лицо, потому, наклонившись, зачерпнув в ладони снег – он протёр им лицо. Когда тот окрасился красным, и начал опадать вниз с его рук, Бэрр повторил свои манипуляции ещё несколько раз, пока снег не стал чистым. После, засунув руки в карманы пальто, Тони направился прочь из переулка.

Вокруг было не так уж и много машин, но он так и не понял, где находился. Тони попытался найти уличный указатель, но не нашёл его, потому пошёл наобум. Мужчина задался вопросом, какой сейчас день.

По пути, он заметил несколько газет в мусорных баках, но у всех из

них были разные даты. Расстроившись, Тони повернулся к первому попавшемуся человеку, и спросил его о том, какое сегодня число. Мужчина лишь усмехнулся в ответ, продолжив свой путь. Бэрр почувствовал искушение вытащить окровавленный нож и воткнуть его прямо в сердце грубияна, но не сделал этого. Это опять создаст ненужные проблемы.

Следующий опрошенный им человек сказал, что сейчас двадцать второе число. Поблагодарив его, Тони вернулся к мусорному контейнеру – он заметил внутри сегодняшнюю газету, потому сейчас попросту вытащил её. Войдя в кофейню, мужчина увидел пару сидевших внутри полицейских. Бэрр не беспокоился бы об их присутствии, если бы не его окровавленная одежда. Двинувшись дальше, Тони свернул в другой проулок, и, сев рядом с покрытой ржавчиной мусорной корзиной, принялся читать первую страницу газеты.

Слово «РОЗЫСК» просто кричало в заголовке. Тони принялся читать статью, надеясь, что речь в ней будет о его родителях и его, наконец-то, кто-то упомянет. Но колонка была о серии убийств, начавшейся с семейства Бэрр. Дважды прочитав статью, мужчина отбросил газету в сторону.

– Почему она не упомянула обо мне? Почему она не рассказала полиции о том, что я был их сыном?

Тони вновь отпихнул газету, а после схватил её в руки. Вот она. Прямо здесь.

«Мистер и Миссис Хан Боуэн поженились прошлой ночью, в результате чего один из самых желаемых холостяков встал на колени». Тони посмотрел на фотографию мужчины и женщины, прежде чем продолжить читать статью. *«Моника Престон-Боуэн вышла замуж за мужчину, вошедшего в список «Пятьсот самых богатых людей», облачённая в платье клюквенного оттенка, сшитого для неё Алисой Комбс – владелицей магазина «Alice» на Торговой Аллее. Пара будет проживать в доме его брата – ещё одного мужчины, вошедшего в список «Самых богатых людей» – и его прекрасной супруги Кэйтлинн Боуэн, что тоже*

связали себя узами брака ещё в конце прошлого года».

Хоть статья и не закончилась, но Тони прекратил её чтение. Как она могла так с ним поступить? Как она могла проигнорировать тот факт, что он и его мама планировали огромную свадьбу в этом месяце? И разве она не хотела бы почтить его родителей, даже, если кто-то убил их? Встав на ноги, Тони зашагал прочь.

Моника и вправду была шлюхой. Как только он нашёл её – она сбежала и поступила таким образом? Видимо, Престон никогда не любила его. Она только использовала его. А Тони не нравится быть использованным. Ничуть не нравилось. Бэрр собирается найти Моника и рассказать ей об этом. Он собирается найти её прямо сейчас.

Идя вдоль улицы, Тони искал свою машину. Он понятия не имел, где оставил её, и очень боялся, что кто-то забрал её, посчитав, что это именно та машина, что та женщина-Боуэн показывала в новостях. Услышав своё имя, Тони остановился на входе у бара. Не своё имя, а фамилию. Войдя, мужчина устроился в тёмном углу, и заказал пиво.

Держа бутылку в руке, не касаясь неприятных вещей, мужчина осматривал каждого посетителя бара. Тони не знал никого из них, и был готов уйти, но взглянул на, криво висящий в углу над стойкой, телевизор.

– ...прошлой ночью. Это уже четвёртое подобное убийство за прошлые две недели. Полиция тесно сотрудничает с ЦРУ, а также с другими бюро, чтобы закрыть это дело. Со слов полиции, они ищут этого человека: около тридцати, с оттенком волос тёмный блонд, атлетически сложенный – он вооружён и опасен. Вот фоторобот этого человека, созданный с показаний очевидца.

Осмотрев комнату вновь, на этот раз не высматривая кого-то знакомого, Тони хотел увидеть узнал ли кто-то в нём человека с фоторобота. Потому что он был похож на того человека, разыскиваемого полицией. Даже тот шрам на губе, что он получил в детстве. Бросив деньги на стойку, Тони направился к двери. Никто не оглянулся, никто ничего не

сказал, но Бэрр двигался так, будто на него были направлены взгляды всех посетителей. Едва ли оказавшись снаружи, мужчина побежал. Он бежал так долго, как только мог.

Они считали его убийцей. Считали, что он убил четырёх человек. Кто сказал им такое? Кто был тем лживым свидетелем, обвинившим его в том, что он не совершал? Испугавшись своих мыслей, Тони принялся размышлять. Его голова гудела, и, засунув руки в карман, он коснулся пистолета левой рукой, а правой – ножа. С внезапно успокоившей его яростью, Бэрр понял, что ему делать. Ему нужно найти и убить Монику.

Тони улыбнулся. Да, вот, что ему нужно делать. И мужчина принялся размышлять о том, как найти её, тогда, как вся информация была просто у него под носом – стоит только успокоиться, и правильно использовать её. Вновь свернув на улицу, Бэрр заметил свою машину. Теперь он знал, что на правильном пути. Почему же тогда он нашёл то, что нужно как раз тогда, когда это было необходимо?

Прежде чем забраться внутрь, мужчина вычистил весь мусор из салона. Каждую упаковку из-под фаст-фуда, коробку и салфетку, каждую пустую бутылку из-под воды, стаканчик и крышку. Кофе, что как-то попал в его машину, тоже был выброшен, так же, как и вещи первой необходимости – аспирин и другие средства от головной боли, что, впрочем, никогда не работали. Очистив автомобиль от мусора, мужчина сложил три, приобретённые им, покрывала, аккуратно положив их на сидении. Вытащив коврики, он вытряс каждый из них, в том числе и те, что находились спереди. Оставшись довольным результатами своего труда, Тони забрался внутрь, завёл мотор, и включил обогреватель, желая согреть своё продрогшее тело. Влившись в поток автомобилей, мужчина чувствовал себя вполне в порядке.

Первым пунктом в списке его дел был поиск гостиницы. На этот раз он не остановил свой выбор на самой дорогой, но ему хотелось остановиться там, где был лобби. Вытащив из кармана водительские права,

похожие на его, Тони протянул их служащему. Он понятия не имел, откуда они взялись, но теперь он не беспокоился об этом. У него был план.

Тони нравились лобби в гостиницах, со всеми этими магазинами внутри и потоком людей. Мужчина получил комнату на семнадцатом этаже, сказав служащему, что его багаж прибудет позже – у него был слуга, который принёс бы его ему. Осмотрев комнату, Тони ушёл. У него были дела.

Бэрр сделал остановку у «Wal-Mart» (*крупнейшая в мире розничная сеть, принадлежащая американской компании Wal-Mart Stores, Inc. В сеть входят как огромные супермаркеты, так и небольшие магазины. Здесь можно купить всё, что угодно: бакалейные товары, игрушки, мебель, книги, посуду, компьютеры и даже гробы, причём в рассрочку, – прим. перевод.*), прикупив дешёвые джинсы и кое-какие другие нужные вещи: нижнее белье, носки и футболки. Тони так же купил шампунь, мыло и чемодан. Расплатившись наличными, мужчина понял, что чтобы он ни сделал – ему нужно делать это быстро. У него осталась последняя сотня долларов. Вновь направившись к машине, Тони загрузил всё в багажник, а после отправился в хозяйственный магазин.

Здесь мужчина прикупил верёвку, плоскогубцы, липкую ленту и гвозди. Он не был уверен в том, для чего они были нужны ему, но идя мимо – Тони почувствовал необходимость их покупки. К тому времени, как Бэрр загрузил эти вещи в машину – его баланс упал ниже сотни долларов. Время для игры.

Это заняло около десяти минут – наблюдая за зданием ЦРУ, он увидел нужную ему женщину. Он не последовал за ней прямо домой, и дважды упустил из вида. Единственное, что дало ему подсказку о том, где она жила – Тони свернул влево, наткнувшись на заброшенную дорогу, и увидел, как её автомобиль пересекает закрытую зону. Подъехав ближе, Бэрр увидел, что это не было закрытым селением, где жили его родители – это территория одного дома. Выбравшись с машины на улицу, мужчина

направился к воротам. Он направился к большому дому черед дорогу, и постучал в дверь.

Осмотрев окрестности, мужчина заметил, что соседство – дело редкое, когда это касается домов. Когда пожилая женщина открыла дверь, он поднял свой пистолет и выстрелил ей в голову. Когда несчастная упала назад, Тони, переступив порог, втащил её безжизненное тело в дом. Заперев дверь, он оставил старушку лежать прямо в прихожей, а после направился в гостиную, чтобы понаблюдать за воротами, напротив.

– Теперь мы подождём.

Поднявшись парой минут позже, Тони нашёл еду и разогрел её в микроволновке. Поблагодарив мёртвую женщину, он съел найденное, устроившись перед окном. Выпив нетронутую бутылку воды, что он нашёл на стойке, Бэрр принялся ждать появления Моники. Спустя два часа к воротам подъехал лимузин.

Найдя ключи старой леди, мужчина направился в гараж и сел в её автомобиль. Он выехал наружу, когда из-за ворот показался второй автомобиль. Тони увидел, что эту машину пригнали, как раз для того человека, что и был ему нужен – и, как бонус, она была одна. Одна, если не считать тёмный седан, следовавший эскортом позади. Тони было всё равно. У него был план.

Моника вошла в помещение химчистки за десять минут до её закрытия. Леди сказала ей, что нашла кое-что в её кармане и хотела узнать, сможет ли Моника вернуться и забрать это. Она подумала, что это важно, и поскольку они не давали гарантий на сохранение – женщине хотелось бы убедиться в том, что Престон вернётся. Это было то ожерелье, которое подарил ей Хан.

– Один день, – пробормотала Моника. – Оно у меня всего один день, а я уже потеряла его. Или даже раньше. Чёрт возьми.

Девушка никому не сказала, куда направляется, кроме охранника на своём хвосте. Моника сказала ему, потому что хоть она и была смущена случившимся, но далеко не была глупой. Кроме того, после прошлой ночи ей было немного страшно. Моника морозило всю дорогу, хоть она и включила обогрев. Она подумала о том, сможет ли когда-то согреться.

Женщина, которую убили прошлой ночью, выглядела иначе. Но на этот раз, он повременил с тем, чтобы отправить несчастную на тот свет. После того, как Тони – все они знали, что это был именно он, – привязал несчастную к стулу, он отрезал все её волосы. И, по данным полиции, сделал он это не ножницами. Они были так отделены от черепа, будто он скальпировал её.

Так же Тони неоднократно изнасиловал её несколькими предметами, последним из которых оказался нож. Кэйтлинн промолчала об этой части, но Моника увидела это в её мыслях. Если бы той женщине не перерезали горло – она бы умерла от ранений в её влагалище. Ярость Тони только обострилась. И всё это было направлено на неё.

Дама в химчистке была очень милой. Она спросила о колье, и Моника ответила, что это был подарок от её мужа. Когда леди вспомнила, что видела новоиспечённую Миссис Боуэн в газете, она попросила её оставить автограф. Моника ждала у стойки, пока женщина найдёт всё необходимое, и взгляд девушки устремился в окно.

Седан, следовавший за ней, всё ещё оставался на месте, но от него отдалялся человек. Моника увидела, что окно было опущено, и подумала, что уходящий разговаривал с её охранником. Её телохранители были очень милыми, и она не сомневалась, что у них было много друзей. Престон знала, что двое её охранников были из этого округа. К тому времени, как девушка подписала газетную статью, забрала своё чистое платье и вышла за дверь, улыбаясь в сторону автомобиля. Сев в свою

машину, Моника почувствовала, как что-то коснулось её затылка. Девушка услышала смех Тони, а спустя пару секунд он заговорил:

– Ты была очень непослушной девочкой, Моника. Я днями искал тебя. У нас, у тебя и меня, были планы, но ты испортила их. – Престон посмотрела в сторону второй машины, пытаясь привлечь внимание охранников. – О, они не помогут тебе. Мне нужно было убедиться, что, когда я заполучу тебя – ты будешь только в моей власти. Они оба умерли за тебя... Из-за тебя.

– Пожалуйста, не делай этого. Я только вышла замуж и хочу провести остаток своей жизни с...

Боль взорвалась в её голове. От силы удара, которым её наградил Тони, девушка подалась вперёд, ударившись о руль. Кровь полилась из раны, а звёзды заплясали перед её глазами.

– Если ты будешь делать то, что я тебе говорю – никто больше не пострадает из-за тебя. Ты будешь ехать по тому адресу, что я назову тебе. Если ты этого не сделаешь – я застрелю каждого, кто попадётся нам на пути, пока ты не станешь послушной, – Моника только кивнула в ответ, чувствуя, как пистолет сильнее впивается в её голову. – Выезжай с этой автостоянки и езжай по направлению к Стэдиум Стрит. Поверни влево.

Девушка ехала двадцать пять минут, понимая, что, если она сделает что-то неправильно, или даже, если просто посмотрит на кого-то не так – Тони действительно убьёт их. Сейчас она была в ужасе больше, чем когда-либо, от понимания того, что с Бэрром что-то не так. Он был... Моника не смогла придумать хоть что-то, что с точностью бы описало его состояние, но Тони был абсолютно сумасшедшим. У неё было стойкое ощущение, что она едет на смерть, и сейчас возлюбленной Хана нужно было придумать, как выбраться из этого.

Воспользовавшись своими возможностями, девушка влезла в чей-то разум. Она рассказала неизвестному о людях около химчистки. Поскольку сейчас Моника вела автомобиль, она не могла уделить достаточно времени

тому, чтобы сосредоточиться на одном человеке, потому передала шести людям ту же информацию.

«Мёртвые мужчины в химчистке штата Вашингтон. Схватили Монику». Вновь и вновь она вбивала это в их головы, надеясь, что, хотя бы один из них даст информации ход. Когда Тони заставил девушку припарковаться у своего автомобиля – она опознала его – Миссис Боуэн заглушила двигатель, понимая, что к этому всё и вело. Когда Тони велел Монике забраться на пассажирское сидение его грузовика, она уронила на сидение рядом с собой ожерелье, и выбралась из своей машины. Ни единого шанса, что она позволит этому сумасшедшему дотронуться до него.

Моника рассказала ещё шести людям, где можно найти её машину. *«Милнер Стрит. Угнанный автомобиль. Сообщить полиции».* Девушка не знала, сработает это так, что кто-то действительно украдёт её машину, или всё же кто-то сообщит об этом в полицию. Она надеялась на последнее.

Моника ждала того, что Тони пристрелит её в тот момент, как только они вместе окажутся в его машине. Но он продолжал держать её на прицеле, пока ехал. Когда Бэрр начал напевать, Миссис Хан Боуэн оглянулась, желая уличить момент, чтобы выпрыгнуть из машины. А после сумасшедший обернулся и схватил её за руку.

– Попробуешь что-то сделать, и я найду начальную школу, въеду в неё машиной, а после пристрелю каждого ребёнка, которого увижу. Ты знаешь, что я способен и на это. Я мужчина с планом.

Моника кивнула, испугавшись того, что Тони действительно сделает это. Она не хотела, чтобы из-за неё умер кто-то ещё. Бэрр, назвав её хорошей девочкой, продолжил вести автомобиль в неизвестном направлении.

К тому времени, как они припарковались в гараже, её ужас возрос вдвое. Пока мужчина вытаскивал свой чемодан с заднего сидения, он держал Монику на прицеле, а после жестом указал ей подойти. Когда они

вошли в гостиницу, Миссис Боуэн уже попросту не могла заставить себя влезть ещё в чей-то разум. Её мысли занимала только одна фраза: «она умрёт». Она умрёт на следующий день после того, как сказала: «я согласна».

Когда Тони открыл своей карточкой дверь, Моника вошла в комнату. Она увидела, как упал чемодан, прежде чем боль вновь взорвалась в её голове. На этот раз девушка упала на колени. И прежде, чем смогла прийти в себя, вторая вспышка боли охватила её тело. Упав на пол, Моника попыталась дотянуться к чьему-то разуму, и на этот раз её «жертвой» стал Тони. Господи, он собирался заставить её страдать.

Глава 17

Сидя за столом, Хан разговаривал со своими родителями, когда в комнату вошла Кэйтлинн и его братья. Боуэн сразу понял, что что-то случилось. Едва он поднялся на ноги, мама прислонилась к нему, и Хан обнял её. Кэйтлинн велела мужчине сесть.

– Я лучше постою. Не знаю, что вы хотите мне сказать – я постою, потому что смогу потом упасть на стул. Если же я буду сидеть – я упаду на пол, – пробормотал он. Хан понял это, как и все остальные. – Пожалуйста, скажите мне, что она ещё жива.

– Насколько на известно. Нет причин верить в то, что он убил её. – Хан, наконец, сел. – Кто-то позвонил мне... Шесть людей позвонило в полицию, сообщив о мёртвых людях около региональной химчистки Вашингтона. Оказалось, что жертвы сопровождали Монику. Их двоих расстреляли с близкого расстояния с того же оружия, что и двух других людей за последние две недели. Звонящие понятия не имели, почему звонили, как они сообщили диспетчеру– они не были ни у одной химчистки, но им нужно было позвонить. Кроме того, они должны были

сказать, что нужно найти Монику.

– Она вошла с ними в контакт.

Кэйтлинн кивнула.

– Так что, по крайней мере, она жива, чтобы сделать это. Было ли... что-то ещё?

– Сообщения об угнанном автомобиле. На Милнер Стрит. Когда прибыла полиция, они ещё не объединили эти два инцидента, и дали зов всем патрулям. К счастью, их было всего девять. Никто не пострадал, но вызвали машину Уокера, а после он рассказал и мне. Они позвонили в мой офис и сообщили о происходящем. Они так же сообщили, что нашли кое-что под передним сидением.

Кэйтлинн передала Хану ожерелье. Схватив драгоценность, мужчина посмотрел на Дилана, когда тот коснулся его плеча. Боуэн протянул ожерелье брату, когда тот попросил, после чего Дилан крепко сжал его в ладони.

– Ей страшно, она в ужасе. Она оставила его, чтобы Тони не смог коснуться ожерелья. Она надеялась, что, когда это закончится, ты вернёшь его ей и полюбишь её, – Дилан протянул ожерелье Хану обратно. – Если эмоции действительно были сильными – я могу прочесть их. Она была напугана, но также и очень зла. Моника не собирается так просто сдаться.

Хан даже не спрашивал. Мужчина знал, что у его брата были секреты – и он раскроет их тогда, когда сам захочет. Боуэн поблагодарил Дилана и посмотрел на Кэйтлинн. Женщина выглядела мрачно.

– Она приведёт нас к себе. Независимо от того как, но она сделает это. Мы найдём Монику. Если ей удалось заставить других связаться с нами – всё получится.

Хан тоже верил в это. Мужчина остался на кухне – здесь был телефон, и эта комната была ближе всего расположена к гаражу. Ему нужно быть готовым к тому, если Моника войдёт в контакт ещё с кем-то. Боуэн уже взял ключи от грузовика Кэйтлинн. Ему нужно быть наготове, чтобы

мгновенно отправиться за своей парой.

Агенты весь день входили и выходили. Тихо наблюдая за ними, мужчина пытался сдержать рычание. Его мама сказала, что он пугает их – у него был взгляд человека, что стоял на самом краю. Но Хан и чувствовал себя так же. В последний раз, когда он встал на ноги, и один из агентов находился в комнате – рука мужчины невольно потянулась к пистолету. Возможно, это было бы даже забавно, если бы тот не боялся.

Прошло четыре часа, и вот он получил телефонный звонок. Повар ответил и молча передал трубку Хану. Боуэн спросил, была ли это Моника, но мужчина только покачал головой. Оборотень поприветствовал звонившего, человек на той стороне звучал смущённо:

– Я в гостинице Уилкинсона. Я не уверен, почему Вам нужно знать это, но я позвонил, чтобы Вы знали это. – Хан спросил имя этого человека. – Тим Дэйли. Мы знакомы с Вами?

Хан повесил трубку. Какие-то идиоты пытались получить что-то от его семьи, без сомнения, прочитав в газете о свадьбе. Едва мужчина сел обратно, телефон вновь зазвонил. Повар вновь передал ему телефон.

– Привет. Не думаю, что знаю тебя, но я нахожусь в гостинице Уилкинсона. От Уилден-Роуд. Знаешь, где это?

Хан повесил трубку. Услышав, что телефон звонит вновь, мужчина успел принять звонок быстрее, чем это сделал повар. У него не было времени на это дерьмо. Дилан вошёл в комнату аккуратно в тот момент, когда Хан начал распекать звонившего:

– Послушай, приятель, мне плевать, где ты находишься или где работаешь. Нам нужна эта линия для важного звонка, – сбросив звонок, Хан посмотрел на повара: – Если кто-то ещё позвонит на эту линию – скажи, что мы сообщим в полицию. Возможно, это остановит их.

– Моника когда-то использовала этот телефон?

Боуэн посмотрел на брата и пожал плечами. Дилан задал этот же вопрос повару.

– Да. Она хотела сделать несколько звонков этим утром, чтобы поехать в химчистку, – мужчина нахмурился. – Этот номер частный. Никто не знает его, кроме персонала и, думаю, Мисс Моники.

Телефон вновь зазвонил. На этот раз Хан поднял трубку дрожащей рукой. Когда он поздоровался, Дилан передал брату ручку и бумагу. Человек на той стороне хотел поговорить с Биллом, поваром. Боуэн передал телефон мужчине.

Это касалось того заказа, что он сделал. Мужчина поспешил закончить разговор и повесил трубку. Телефон зазвонил ещё дважды, но это было для персонала. Хан посмотрел на агента, когда тот переступил порог кухни.

– Думаю, она в Уилкинсоне. Поступило несколько звонков от людей, утверждающих, что они там. Не знаю, правда ли она там, но вдруг?

Мужчина кивнул и вышел. Вместо него, через минуту, появилась Кэйтлинн.

– Думаю, она там. Можем ли мы отправиться за ней?

– Ещё нет. Мои люди проверяют, подходит ли кто-то под то описание мужчины и женщины, что мы дали им. Мы не можем просто ворваться и закрыть место без уважительной причины.

Часом позже они сказали, что никто не был зарегистрирован в гостинице под именем Бэрра и что никто не приходил к ним с женщиной в течение последних трёх дней.

Хан опустил на стул.

– Это должна была быть она. Почему тогда эти люди звонили нам и говорили, где они находятся, если не Моника велела им сделать это? – Кэйтлинн ответила, что не знает. – Я должен вернуть её назад, Кэйтлинн. Она – всё, что у меня есть во всём мире.

– Мы найдём её. Когда кто-то позвонит вновь, я хочу, чтобы ты выпытал у них всё, что им известно. Возможно, Моника сказала им что-то ещё, или они неправильно назвали её имя. Я так не думаю, но её там нет.

Хан кивнул.

Он знал, что Кэйтлинн найдёт его пару, если нужно, будет ходить от двери к двери в той гостиницы – не было ничего, что она бы не сделала. Мужчина посмотрел на телефон, и каждый раз, когда тот звонил – все в комнате напрягались. Он уже было готов самостоятельно начать её поиски, когда Дилан вновь вошёл в комнату, сев рядом. Каждый час кто-то приходил и сидел с Ханом, и мужчина считал, что это для того, чтобы прийти ему на помощь, когда они получают координаты Моники, или же, чтобы остановить его. Мужчина надеялся, что дело было в первой причине, потому что в случае последнего варианта – он не хотел убивать их.

Престон пришла в себя от крика, раздавшегося в её голове. В первый раз Моника не поняла, кто это был, но вскоре осознала, что этот крик был её собственным – он вновь причинял ей боль. Тони искренне наслаждался происходящим, а девушка надеялась, что умрёт как можно скорее. Она была так слаба, но упрямо потянулась к кому-то, кто мог бы ей помочь.

«Скажи Хану, чтобы пришёл и забрал меня. Я на семнадцатом этаже. Поторопись. Я умираю». Моника назвала человеку номер телефона, расположенного в кухне дома. Ей хотелось, чтобы она уделила больше внимания названию гостиницы, но возлюбленная оборотня была так напугана.

Нож вновь скользнул по её телу. Моника закричала сквозь кляп, укусив его на тот раз достаточно сильно, чтобы почувствовать во рту вкус собственной крови. Девушка посмотрела на своего убийцу одним глазом, второй, к сожалению, уже давно заплыл.

– Если ты скажешь мне, что любишь меня – я прекращу это. Ты знала, что делала, но всё равно совершила ошибку, выйдя замуж за другого. Тебе просто нужно сказать мне.

Тони вновь порезал её, и Моника почувствовала, как проваливается в беспамятство. Собравшись с силами, на этот раз она больше не просила о помощи – она кричала о ней.

«Пожалуйста,»– мысленно умоляла она его. – «Пожалуйста, просто покончи с этим».

Хан подошёл к зазвонившему телефону. Казалось, сердце подступило к горлу, и мужчина не смог сдержать дрожи. Он почувствовал, как кто-то взял его за руку, и, посмотрев вверх, увидел своего отца. Мистер Боуэн кивнул, и Хан ответил на звонок.

– Я ищу Хана. Он здесь? – Оборотень сказал, что он и есть Хан. – Она сказала поторопиться. Сказала, что на семнадцатом этаже. И что она умрёт, если вы не поторопитесь.

– Где вы? – Мужчина на том конце телефона закричал. – Сэр? Вы здесь? Что происходит? Ответьте.

– Она кричит на меня. Прямо сейчас она кричит так, будто находится в агонии от боли. Я звоню на ресепшн, чтобы попросить...

– Не делайте этого. Он может убить её, если Вы позвоните туда. Он опасен. Я еду. Вы в Уилкинсоне? – Мужчина подтвердил слова Хана. – Я еду. Мы все едем, но держитесь подальше от этажа. Он убьёт вас двоих. Как сделал это с многими другими.

Мужчина заверил Хана, что не станет совершать опрометчивых поступков и будет у лифта, когда оборотень приедет.

– Я на четырнадцатом этаже. Я могу... У меня есть возможность поговорить с остальными, и я слышал её достаточно громко и чётко. Я буду ждать.

Хан повесил трубку, а когда обернулся – вся его семья стояла рядом, готовая сорваться в путь. Рядом с ними стоял и повар, соответствуя

компании, – огромный крепкий мужчина.

– Вы не поедете без меня. Я знаю, кто вы, и поскольку я могу оценить ситуацию, и мне нравится эта девушка, – я поеду с вами, – мужчина перевёл взгляд на Уокера. – Попробуйте остановить меня, и я самостоятельно покину этот дом и отправлюсь ей на помощь. Я еду.

В молчании группа добралась к машинам. Хан ехал вместе со своим братом в грузовике Кэйтлинн. Там, где он и хотел быть. Остальные разместились в других авто, включая и Билла. Оказалось, у этого мужчины был припрятан целый арсенал.

Эта поездка была самой медленной и длинной в его жизни. Когда они добрались к гостинице, их уже ждали несколько внедорожников с агентами. Они пустили слух, что в здание забрело огромное животное. Хан посмотрел на Кэйтлинн.

– Я не знала, какой у тебя план, потому решила сначала подготовить историю. С тех пор, как её похитили – это на слуху у газетчиков, – женщина поцеловала его в щеку, прежде чем войти в здание. – Попытайся не сожрать одного из моих агентов. Большинство из них мне нравятся, но я готова вручить тебе перечень тех, что не вошли в число любимчиков.

Хан кивнул, приближаясь к лифту. Уокер и Дилан следовали за ним. Тот мужчина, что позвонил им, Даниэль Пэттерсон, ждал их в условленном месте. И он был вооружён. Этот человек выглядел так, будто мог съесть их на завтрак. И он был вермедведем.

– Ты поднимаешься наверх и находишь её. Остальное оставьте мне. Я не позволю никому спуститься без разрешения, – мужчина посмотрел на Дилана, и между ними, казалось бы, произошёл молчаливый диалог. – Я дам ему знать, если лифт работает.

Едва двери закрылись, Кэйтлинн достала свой пистолет, нацелившись на крошечную камеру, женщина сбила её. Миссис Боуэн подмигнула Хану. Мужчина принялся стягивать рубашку, велел ей отвернуться. Когда Кэйтлинн рассмеялась над его просьбой, Боуэн оглянулся на Уокера, но тот

только пожал плечами. Его пару невозможно смутить – и он знал это.

Когда она, Хан и двое его братьев поднялись на этаж, мужчина и Уокер обратились. Кэйтлинн шла впереди них, чтобы убедиться в том, что все люди спустились вниз. Дилан подходил к каждой двери и ненадолго замирал. Он сказал, что так сможет найти Монику.

Группа медленно шла вдоль коридора. По обе стороны было по одиннадцать комнат, и Дилан останавливался у каждой. Задержавшись у одной из них, оборотень покачал головой, шепнув, что внутри есть люди. Хан с Уокером спрятались за углом, пока Кэйтлинн выводила жильцов к лифтам, заставляя их покинуть этаж. Они помнили, что им стоило связываться с Биллом каждый раз, когда они выводили невинных людей.

В четвёртый раз, когда Дилан задержался у двери дольше обычного, Хан автоматически направился дальше по коридору. Глупые грёбанные люди должны научиться послушанию. Но когда тихий свист достиг его ушей, оборотень повернулся, а Дилан в это время скидывал футболку. Она была в этом номере.

Кэйтлинн встала перед дверью.

– Я открою замок, а после отступлю. Если это возможно, я была бы очень признательна, если бы мне не пришлось объяснять, что здесь произошло. Спальни расположены по правую и левую стороны. Она, вероятно, в одной из них.

Хан зарычал, чтобы Кэйтлинн поторопилась, и женщина провела карточкой по замку, отпирая дверь. Оборотень подождал, пока она отойдёт назад – ни один из них не хотел случайно причинить ей вред. Кэйтлинн поставила на пол большую чёрную сумку, которую Хан даже не заметил, и кивнула. Мужчина заметил, как его брат обратно перевоплотился в человека.

– Ей будет нужна моя помощь. У тебя возникнут какие-то проблемы с этим?

Хан покачал головой.

– Хорошо. И, Хан? Моника ранена. Мне нужно убедиться, что ты понимаешь, что я только пытаюсь помочь ей.

Хан мысленно сказал брату, что с этим всё в порядке, а после всё его внимание вновь оказалось приковано к двери. Мужчина вошёл внутрь, но он был не готов увидеть, что этот монстр сотворил с его Моникой. Открыв дверь, Боуэн бесшумно вошёл в номер. Они все направились к спальне справа. Дверь оказалась закрыта. Когда Дилан подошёл к ней и покачал головой, группа направилась ко второй спальне. Но дверь в ней тоже оказалась заперта.

Дилан обратился. Мужчина кивнул на дверь, и Хан приготовился прыгнуть прямо в тот момент, как его брат откроет её. Провернув ручку, Дилан отступил назад, уходя в сторону. Крик, разорвавший воздух заставил Хана в прыжке выбить дверь.

Христос, он собирался убить её. Кровь была повсюду: на стенах, на кровати. Запах надвигающейся смерти витал в воздухе. На ковре остались большие окровавленные следы. От обуви и просто от ступни. Платье и бюстгальтер Моники тоже были в крови.

Хан направился к своей паре. Ему нужно было увидеть насколько сильно Тони успел навредить ей. Когда оборотню оставалось десять шагов до возлюбленной, Хан замер не больше, чем на секунду, но этого хватило, чтобы мучитель её пары обернулся. Кровь на его футболке была свежей, а в руке убийцы был нож, покрытый кровью. Её кровью. Хан утробно зарычал и, выпустив когти, двинулся на мужчину. Когда ему осталось менее пяти шагов до Тони, Боуэн прыгнул на него, своим весом повалив Бэрра на пол.

Хищник почувствовал, как острый нож входит в мышцы на его плече, а после – в бедре. Как оказалось, он не смог обездвижить Тони. Когда Бэрр поднял руку, чтобы нанести Хану смертельный удар в сердце, – пума впилась в горло своей жертвы. Зверь сжал свои мощные челюсти на шее, когтями впившись в мягкий живот мужчины.

Запах фекалий и мочи пронизал воздух. Крики сумасшедшего

разрывали уши хищника, но Хан не ослабил своей хватки, – он начал рвать этого человека.

Хищник рванул головой вперёд, а после назад, пока не почувствовал, как тёплая кровь Тони хлынула в его пасть – мужчина понимал, что вырвал убийце горло. Но Хан хотел больше, чем просто его смерть – он хотел, что Тони Бэрр исчез навсегда. Вновь сомкнув челюсть на горле сумасшедшего, оборотень почувствовал, как затрещали кости от силы его хватки. Когда Хан мотнул головой, голова мужчины отскочила от тела.

Развернувшись к кровати, Боуэн увидел, как над его парой склонился его брат. Хан зарычал – вкус свежей крови во рту всё ещё был ощутим, а адреналин нёсся горячей сильной волной по его телу. Мужчина готовился прыгнуть и убить человека, осмелившегося коснуться его пары. Но внезапное движение остановило его. Боуэн не мог навредить женщине.

– Сделаешь хоть ещё один шаг вперёд – и я прострелю твою голову, – Кэйтлинн направила на него пистолет. – Я сделаю это, Хан. Ты придёшь в себя, или я убью твою грёбанную задницу.

– Я сделаю это, мужик. Ты не хочешь противостоять ей. Она беременна и может...

Уокер оборвал Дилана:

– Хан, обращайся. Мне нужно чтобы ты... Обращайся, пожалуйста.

Хан поймал себя на мысли, что не хотел этого. Что-то в нём требовало прыгнуть на Уокера, позволив Кэйтлинн убить его. Мотнув головой, мужчина вновь посмотрел на брата. Уокер кивнул, и Хан понял, что они опоздали.

– Я не могу помочь ей. Она умирает. Моника потеряла слишком много крови. Она не дотянет даже до лифта, не то, чтобы до больницы, – Дилан протянул Хану пару брюк, когда Уокер продолжил: – Он нанёс ей множество ножевых ранений, и я не знаю, как она смогла так долго протянуть.

– Ты должен что-то сделать. Ты должен спасти её.

Приблизившись к кровати, Хан посмотрел на свою возлюбленную. Она выглядела ужасно. Моника была настолько окровавлена, как и кровать на которой она лежала, что мужчина не смог определить, где начинается её тело. Хан поднял взгляд на брата, когда тот прочистил горло.

– Ты можешь попытаться спасти её, обратив.

Мужчина только покачал головой.

– Это её единственный шанс. Если ты...

– Она умрёт. Я не могу сделать это с ней, она...

– Она умрёт в любом случае. Попробайся, Хан. Это её единственная надежда. Если ты не сделаешь это – ты точно потеряешь Моника. Но, если попытаешься – ты можешь спасти её жизнь.

Хан почувствовал слёзы на своём лице. Уокер просил его убить его же возлюбленную. Боуэн не может сделать это. Он не станет. Взяв ладонь Моника в свою руку, Хан прикоснулся поцелуем к нежной коже. Посмотрев на брата, мужчина вновь обратился.

ГЛАВА 18

Уокер понимал брата. Он, как и все остальные, прекрасно знал, что оборот человека в пантеру – почти всегда означает смертный приговор. Когда Хан обратился, впившись зубами в живот Моника, Боуэн съёжился. Было два варианта: либо девушка сразу умрёт, либо запустится процесс оборота. Потянувшись к ладони своей пары, Уокер сжал её, слыша, как замедляется сердце Моника.

– Я открыл ту первую комнату. Она пуста, будто в ней и не жили. Нужно уходить, но нам предстоит ещё выяснить, как это сделать, – Дилан вновь вошёл в комнату, посмотрев на своего брата. – Уокер, мы можем перемещать её?

– Нет. Ещё нет. Нам нужно немного больше времени.

Доктор, затаив дыхание, вновь прислушался. Её сердце замедлялось – всего один удар на пять секунд. Мужчина понимал, стоит им передвинуть Монику – она умрёт. А после он услышал это. Прерывистый удар сердца, а после ещё один.

– Что это?

Уокер посмотрел на возлюбленную, улыбнувшись, когда сердце Моники стало биться быстрее. Не так, как ожидалось, но ритм становился устойчивее. Оборотень кивнул.

– Теперь мы можем передвинуть её, но, Хан, ты должен пойти с нами. Мы перенесём её в покрывале – каждый из нас возьмётся за угол. Брат, ты должен продолжить передавать ей свою сущность, потому что, если ты остановишься – ты можешь потерять Монику.

Каждый из присутствующих взял за угол покрывала, замерев, когда кто-то постучал в дверь. Это был Билл.

Мужчине потребовалось всего несколько секунд, чтобы понять, что они делают, а после, отбросив оружие, пришедший занял место Кэйтлинн. Группа подняла Монику, и Хан, спустя пару секунд, последовал за ними. На какой-то момент ситуация обострилась, но Билл предложил Хану забраться на покрывало к его паре, и после они протащили их через коридор. Им следовало положить покрывало на пол, потянув его за собой, чтобы не потерять обоих своих пассажиров, но это сработало.

Уложив девушку на кровать, все мужчины остались рядом, пока Уокер вновь проверял её пульс. Оборотень чувствовал слёзы на своих щеках, и он не смог выдать и слова, из-за подступившего к горлу кома. Доктор кивнул, притянув свою жену к себе:

– Её сердцебиение медленное – всё ещё слишком медленное для оборота, – но оно набирает ритм. Я чертовски не понимаю, как, но она делает это.

Кэйтлинн обняла мужа, после покинув собравшихся. У неё тоже была работа.

Хан вновь обратился, и оба брата следили за состоянием Моники. Её шансы на жизнь всё улучшались, но она всё ещё обращалась. Если бы они только смогли заставить её перевоплотиться – Моника исцелилась бы гораздо быстрее. Но она была слаба из-за кровопотери. Уокер представил на месте возлюбленной брата свою пару, вздрогнув, он подумал о том, что, когда в следующий раз увидит её – упадёт к её ногам, вновь и вновь повторяя, как сильно любит её.

– Как думаешь, кто-то поверит, что Тони разорвало дикое животное, а после ушло?

Уокер посмотрел на своего брата.

– Сомневаюсь в этом.

– Я тоже так думаю, но Кэйтлинн заставит их поверить. И она сказала, что это поможет разогнать этих идиотов. Линн сказала им, что на том этаже было обнаружено животное. Думаю, её план состоит в том, чтобы просто сообщить, что Бэрра они уже нашли таким, и на этом закончить.

Хан кивнул.

– Она долго будет злиться на меня? Я не последовал её плану. Кэйтлинн сказала, что я могу убить его, но без излишней грязи. ЦРУ придётся заплатить по счетам.

Уокер кратко рассмеялся, нуждаясь в этом, как и его брат.

– Думаю, она легко справится с этим. Я скажу ей, это из-за пантеры.

Доктор вновь проверил пульс Моники. Он всё ещё был медленным, но и ситуация не становилась хуже. Некоторые раны мужчина смог перевязать, а на некоторые пришлось и наложить швы – их было всего две, потому что Хан попросил его прекратить. Ему было слишком тяжело, без вреда для своего брата, позволить Уокеру прикасаться к Монике.

– В любом случае, это неважно. Когда она пройдёт перевоплощение – не останется и следа, – Уокер посмотрел на Хана. – Ты бы убил меня? Тогда, когда я пытался ей помочь – ты бы убил меня?

Хан посмотрел на оборотня, и Уокер прочёл ответ в его глазах. Он бы сделал это. Он бы убил его – и оба брата понимали это. Оглянувшись на Монику, Хан тихо произнёс:

– Я ненавижу себя за это. Ты предупредил меня, что всего лишь попытаешься помочь ей, и мне следовало отступить. Но этот человек ранил её, и я... То убийство всё ещё было в моей голове и сердце. Его кровь всё ещё была во мне. Я увидел, как ты навис над ней, и... – Хан перевёл взгляд со своей пары на Уокера, а после обратно. – Я не прошу тебя простить меня, потому что сам не могу себе этого позволить. Я бы убил тебя, в моей голове не было ничего, кроме желания твоей смерти.

Уокер промолчал. Позже им с Ханом ещё придётся поговорить об этом. Позже, но не сейчас. Прежде всего, он не был готов слушать его. Неважно, что бы он сказал Хану, вплоть до того, что он уже простил его – мужчина не будет слушать. Возможно, никогда не будет. Да и Уокер понимал, что чтобы его брат смог исцелиться от этого – ему нужна любовь женщины, что лежала между ними. Если она выживет, и Уокер верил, что это вполне будет ей под силу, тогда Хан станет лучше, чем когда-либо был.

Уокер услышал шум в коридоре. Ни один из братьев и не пошевелился, когда раздались крики и приказы об эвакуации постояльцев в комнатах. По их связи, Кэйтлинн велела им оставаться на месте, так как никто не сможет войти в эту комнату, кроме неё. А спустя пару минут доктор услышал, как открылась и закрылась дверь, и его пара появилась перед ним. Мужчина покачал головой в ответ на её молчаливый вопрос.

– Они зачистили этаж, не найдя никаких признаков животного. А также Бэрр был найден мёртвым на месте происшествия, и сейчас они ищут женщину, которую он мог убить в той комнате – это официальная версия, – женщина посмотрела на Хана. – С тобой всё в порядке?

– Да. Она всё ещё со мной.

Кэйтлинн кивнула.

– Я ещё не могу оставить её, если я нужен тебе в пригороде.

Женщина посмотрела на мужа, а после перевела взгляд на его брата.

– Думаешь, я бы увезла тебя? Ни черта подобного. Она надерёт тебе задницу, когда узнает, что ты принял важное решение, прежде всего, не посоветовавшись с ней. Она может быть крайне щепетильна в этом.

Рассмеявшись, Хан кивнул.

– Не могу дождаться, чтобы услышать её голос. Я планирую ежедневно напоминать ей об этом, потому что смогу слышать, как Моника кричит на меня за это. Я заслужил. Думаю, что буду только рад этому.

Кэйтлинн фыркнула.

– На твоём месте, я бы не делала этого. В любом случае, она может найти и другой способ, чтобы надрать тебе задницу. Хан, с Моникой всё будет в порядке. Она слишком упряма и настойчива, чтобы умереть. Особенно от руки этого ублюдка. И мы оба знаем это.

Уокер вновь проверил пульс своей пациентки. Показатели улучшились, о чём он и сообщил присутствующим. А когда дело дошло до давления – доктор убедился, что здесь всё тоже весьма неплохо. Вздохнув с облегчением, мужчина посмотрел на брата:

– Мама с папой хотят подняться. Они оба постоянно были со мной на связи, так как Дилан спустился вниз к ним. Мама говорит, что хочет подняться и принести вам с Моникой что-то перекусить. Сказала, что, когда Моника проснётся – ей потребуется одежда.

Убрав со лба возлюбленной пряди волос, Хан кивнул.

– Ей захочется принять душ. Я бы хотел этого. Мне нужно избавиться от запаха этого человека на мне.

Кэйтлинн ушла, сказав, что посмотрит, что можно сделать, чтобы провести родителей своего мужа к ним на этаж. И у Уокера было стойкое ощущение, что, если понадобится – она оденет их в форму, чтобы провести мимо своих людей и службы безопасности. Час спустя дверь вновь открылась, и на пороге показались его родители.

Хан оставил свою пару только, чтобы принять душ. Так или иначе, он решил, что подарит Кэйтлинн подарок на Рождество получше, чем тот, что выбрал, за то, что она позаботилась о дополнительных полотенцах и других мелочах для душа. Браслет с её и Уокера инициалами показался ему слишком маленькой благодарностью женщине, что спасла его пару.

У мужчины не было сомнений в том, что Уокер был хорошим доктором, но ни один доктор в мире не смог бы впустить его в комнату, чтобы убить ублюдка, что осмелился ранить его пару. Он так же не сомневался, что на Кэйтлинн свалилась целая куча дерьма, за то, чтобы она смогла спрятать здесь не только его семью, но, и чтобы облегчить их пребывание в укрытии.

Когда мужчина ступил под душ, вода окрасилась алым. Вымыв губкой всё своё тело, Хан выбросил её в раковину, вновь омывая своё лицо. Ему пришлось раза четыре принять душ, пока он не почувствовал себя достаточно чистым, чтобы повторно не ополоснуть своё тело и волосы. В голове Хана проскользнула мысль о том, сможет ли он когда-то вновь почувствовать себя чистым?

Оборотень облачился в новые, купленные для него матерью, брюки. В сумке нашлась так же и рубашка, нижнее бельё и носки. Женщина забыла об обуви, сказав, что привезёт её чуть позже. Но сейчас ему было плевать – о был чист и чувствовал себя лучше, чем за последнюю пару часов.

Прошло семь часов, а Моника всё ещё была без сознания. Уокер сказал брату, что для оборота девушке может понадобится много времени, и он больше не проверял её пульс каждые пять минут. Когда он сказал, что её состояние стабильное, Хан позволил мужчине наложить швы на некоторые кровоточившие раны на её теле, и ему пришлось выйти из комнаты всего дважды, чтобы не навредить брату. Когда Хан вышел из

ванной, его мама вытирала лицо и руки Моники.

– Она почувствует себя лучше, когда придёт в себя, если не будет покрыта кровью, не так ли?

Хан помог женщине сменить постельное белье, аккуратно приподняв свою пару. Мужчина несколько минут держал возлюбленную на руках, прежде чем положить её на свежие простыни.

– Я убил того человека, – Коррин посмотрела на сына, когда тот продолжил: – Я сделал это, и, думаю, сделал бы снова, будь у меня шанс.

– Конечно, ты сделал это. Ты любишь её, – женщина откинулась на спинку кресла, протянув Хану большой сэндвич, но мужчина только отказался. – Съешь его. Тебе понадобятся силы, когда Моника придёт в себя.

С первым укусом, оборотню показалось, что его желудок проснулся от долгого сна. Мужчина быстро справился с первым сэндвичем, и Коррин протянула ему ещё один. На этот раз, Хан ел медленнее, выпив три бутылки воды, припасённой в маленьком холодильнике. Его папа сопровождал маму в магазинчиках, чтобы та смогла прикупить кое-какие припасы.

– Без сомнений, она бы скупила их полностью. Моя жена любит эту девочку. Как и я, – Хан кивнул на слова отца, и тот продолжил: – Когда я был моложе, однажды я убил человека. Он тоже причинил боль твоей маме.

Хан посмотрел на мужчину.

– Кто-то ранил маму? Когда? Я не помню этого.

Боуэн-старший кивнул.

– Ты был маленьким, а Дилану было около года. Этот мужчина пришёл в поисках работы, но в городе не было ни единого предложения. Твоя мама не сказала мне, что иногда, когда меня не было, он приходил к нам, но, когда он коснулся её – я узнал об этом.

Его отец прикоснулся к Монике поверх покрывала, не касаясь кожи девушки. Этот мужчина понимал больше других в отношении

прикосновений к паре своего сына, особенно сейчас. Боуэн-старший продолжил свою историю:

– Он кулаком ударил её по руке. Сейчас я не помню, почему или как он это сделал, но я почувствовал его боль и страх. Твоя мама заставила тебя вместе с мальчиками спрятаться в сарае, когда увидела, что он идёт. И когда я добрался домой – он уже разорвал её блузку и попытался изнасиловать. Коррин не смогла обратиться, чтобы надрать его задницу, потому что он связал её. Она была в ярости, ударяя его каждый раз, когда тот думал приблизиться к ней, чтобы нанести удар. И когда я вошёл, моя кошка взяла верх, увидев ситуацию.

Хан ждал, понимая насколько это трудно для его отца. Мужчина ненавидел, когда кто-то использовал свою силу, чтобы превзойти над кем-то другим, и это было именно то, что он сделал. Но кто-то ранил его пару, и ответственный за это мужчина всё ещё продолжал это делать.

– Я сорвал его с неё. Когда я вошёл в дом, ему удалось справиться с ней. Я был значительно моложе, и я с лёгкостью смог одолеть его. Он был настолько шокирован, что обделался. И не смог противостоять мне. Вырвав его горло, я просто выплюнул его ему в лицо, – отец посмотрел в лицо Хана. – У меня никогда не возникало и мысли, чтобы просто спугнуть его. Мне даже в голову не пришло ранить его и заставить сбежать. Я хотел его смерти – и я сделал это. И до сих пор я не жалею о своём поступке. И, сидя здесь, я могу сказать, что никогда и не буду жалеть.

– Я мог бы остановиться, когда убил его, – признался Хан мужчине. – Я мог бы остановиться, вырвав его горло – я мог уйти. Но мне хотелось большего, хотелось большего, чем просто его смерть. Он не только причинил Монике боль – он едва не убил её.

Отец кивнул, продолжив парой секунд позже:

– Она простит тебя, если это то, о чём ты беспокоишься. Моника не будет сожалеть о том, что ты убил того человека. Когда она узнает, что стала пантерой – она может быть немного раздражённой. Не из-за того, что

стала пантерой, заметь, а потому что ты принял одно из самых важных решений в вашей жизни, не спросив её, когда она просила тебя об этом. Думаю, ты знаешь, что она могла бы быть занозой в заднице, дойди дело до обсуждения, но Моника однозначно не будет счастлива, что ты сделал это без её решения.

Хан ответил, что Кэйтлинн сказала ему то же самое. И он дал своему отцу тот же ответ, что и Кэйтлинн.

– Итак, что же, думаю, она будет немного злиться на тебя, считая, что в этом вопросе у тебя был выбор. В этом она очень похожа на твою маму. Она прекрасная женщина. И станет ещё лучшей кошкой. Не могу дождаться, чтобы увидеть внуков от неё. Милая кучка мальчиков, которая у вас будет, – его отец фыркнул, когда Хан сказал, что он тоже во всём этом поучаствует. – Нет, она воспитает их такими же, как она сама. Полных солнечного света и любви к жизни. Прекрасные мальчишки. В нашей семье рождаются мальчики, как и должно быть.

Хан промолчал, на счёт того, что хотел бы дочь, такую же, как и Моника. Её точную копию. Мужчина взял возлюбленную за руку, делясь своим теплом и любовью. Хану хотелось, чтобы она поскорее пришла в себя. Ему хотелось услышать, как Моника кричит на него, хотелось почувствовать её любовь. Ему хотелось всего с ней, только бы не это беспамятство, в котором она утонула.

Спустя два часа, Уокер сказал брату, что кровотечение остановилось. Мужчина добавил, что теперь, если Хан захочет, они могут увезти Моника домой. Оборотень спросил, было бы всё ещё лучше, чтобы она обратилась до того, как они будут перемещать её, и Уокер только покачал головой.

– Она уже исцеляется. Некоторые маленькие раны уже исчезли, и, видимо, от рубцов тоже не осталось и следа. Думаю, Моника полностью исцелится, независимо от того, где она находится, но отвезти её домой – лучшее решение для всех нас.

Хан не мог не согласиться с этим, и уже вскоре группа нашла способ

вытащить Монику из гостиницы, чтобы та не попала под прицел истории с убийством, что произошло просто в коридоре. Кэйтлинн сообщила прессе, что Моника – всего лишь женщина, которой не посчастливилось упасть в душе, и она не имеет совершенно никакого отношения к происшествию с дикой кошкой. Когда группа отнесла её к машине скорой помощи, Даниэль уже был наготове, взяв на себя прессу. Кэйтлинн сказала, что мужчина отправился на поиски Моники, когда та, следуя легенде, не пришла на встречу. И её не могли идентифицировать, пока мужа не уведомили о несчастном случае.

Когда группа разместилась в машине скорой помощи, Хан посмотрел на Уокера, но тот лишь рассмеялся. Тот мужчина, Даниэль, просто изобиловал подробностями романа с его «женой».

– Это была идея Даниэля. Он сказал, что был на вызове, когда кто-то позвонил и сообщил, что не может связаться со своей девушкой, невестой – если быть точным, и он поехал туда, чтобы проверить её. Парень сказал, что приехал, чтобы поговорить с ней, но она не отвечала на его звонки и стуки в дверь. Персоналу отеля потребовалось слишком много времени, чтобы добраться до неё, и, к сожалению, женщина умерла от полученных травм. Даниэль сказал, что сыграет роль мужчины, но только в том случае, если тебе сообщат, что он никогда не касался Моники.

– Думаю, ты уверил его, что я в курсе.

Уокер кивнул, вновь рассмеявшись.

– Что он хочет за свою помощь? Деньги?

– Не-а. Он просто хочет иногда наведываться в имение, чтобы хорошенько пробежаться. Говорит, что давно не видел перевёртышей, что так комфортно бы чувствовали себя во второй ипостаси. И мы не отказали ему в его просьбе, потому что знаем, что можем ему доверять. Я заверил Даниэля, что у нас аллергия на медведей, а их мясо жёсткое и жилистое.

Хан рассмеялся. Его настроение повысилось, и мужчина во второй раз не смог сдержать смеха, когда Уокер рассказал ему о том, чем занят

сейчас Дилан. Судя по всему, их брат облажался, заигрывая с той женщиной, с которой этого делать не стоило – за что прямо сейчас он и получал трёпку от их матери.

– Она сказала ему, что, если он не может удержать свой член в штанах – ему стоит подумать о кастрации. Если это и не остановит его, то уж точно заставит немного сбавить скорость в следующий раз.

Хан сомневался в том, что что-то способно заставить Дилана сбавить скорость, озвучив проскользнувший в его голове вопрос – что будет с их братом, когда тот найдёт свою пару, и ему придётся попридержать свою блудливую натуру.

– Не знаю, но не могу дождаться, чтобы увидеть это своими глазами.

Когда автомобиль остановился перед их домом – братья всё ещё не могли унять свой смех. Вместо того, чтобы опустить свою пару на каталку, Хан поднял возлюбленную на руки, отнес её в их спальню. Ему нужно было, после того, как все наконец-то оставят их в покое, раздеть её и уложить в постель, удерживая в своих объятьях. Прижав возлюбленную к себе, Хан прикрыл глаза. Сон почти сразу одолел его измученное сознание.

ГЛАВА 19

Моника медленно приходила в себя. На самом деле, ей было страшно – девушка не хотела разбудить Тони, если тот всё ещё был вместе с ней в комнате. Приоткрыв один глаз, осмотрев пространство вокруг себя, она мгновенно поняла, где находится. Услышав шум душа, пленница поняла, что Хан сейчас в ванной. Моника приподнялась, желая посмотреть, насколько Тони удалось её изувечить.

Когда хлопнула дверь, и Хан вышел из ванной, Моника всё ещё смотрела на свой живот. Переведя взгляд на мужчину, она поняла, что произошедшее намного хуже ожидаемого. Её возлюбленный был расстроен

и бледен.

– Позволь мне объяснить. Не было другого...

– Он... Ты убил его? – Хан кивнул, опустив голову. – Пожалуйста, посмотри на меня.

Мужчина выполнил просьбу своей пары, и Моника увидела отголоски боли на его лице.

– У меня не было выбора. Ну, это не совсем так. У меня был ещё один путь, но он не пришёлся мне по душе. Так что, да, я убил его. Я убил его, потому что я мог сделать это, и потому что он причинил тебе боль.

Моника кивнула. Она сделала бы то же самое, причини кто-то боль её мужчине. И девушка понимала, что было ещё кое-что, и потому ждала, когда Хан продолжит. Но когда между парой повисла тишина, Моника заговорила:

– Я умирала. Я понимала это. – Хан кивнул, и девушка продолжила: – Он, Тони, сказал, что хочет, чтобы я признала, что люблю его, а выйти за тебя замуж было ошибкой. И поскольку я знаю, что не сделала этого – могу только предположить, что ты спас меня, дав какой-то чудо-препарат, и вот она я – жива и относительно здорова. Но это не правда, не так ли?

Мужчина поднял взгляд на свою жену, и Моника всё поняла. Её дыхание перехватило от того, что она увидела в его мыслях. Хан приблизился к возлюбленной, присев на краешке кровати.

– У тебя не было ни единого шанса дотянуть до больницы. Уокер – лучший, но я понимал, что... Он сказал мне, что или я обращаю тебя, и ты умрёшь, или ты умрёшь в комнате гостиницы рядом с телом Бэрра, – Боуэн отвёл взгляд. – Я не хотел этого, но я сделал бы это, даже, если бы ты умерла, потому что мы не могли упустить даже наименьший шанс на то, что ты можешь выжить.

Девушка подумала о том, каково это быть кошкой. Как оказалось, это не беспокоило её. На самом деле, ни один аспект этого не беспокоил её. Даже осознание того, что Хан убил человека, желавшего её смерти. Моника

потянулась к руке возлюбленного, но тот отстранился от неё, и поднялся на ноги.

– Я понимаю, что мы должны были обсудить это. Но в тот момент на это действительно не было времени. Ты умирала. Я не смог бы жить без тебя. Если бы я потерял тебя – я бы напал на Уокера, вынудив Кэйтлинн выполнить свою угрозу и застрелить меня.

Моника мысленно сделала пометку разузнать об этом чуть позже. А прямо сейчас её пара испытывал боль, и она могла это исправить:

– Так что ты укусил меня, сделав такой же, как и ты. И нет, мы не обсуждали это, потому что ты отказывался даже затрагивать эту тему. А после ты сделал это, даже не спросив меня.

Хан принялся расхаживать по комнате, и Моника поняла, что в его состоянии виновата она.

– О чём ты думал? Что я просто поблагодарю тебя за то, что ты спас мою жизнь, Хан? За то, что превратил меня в кого-то другого?

Боуэн промолчал, но его пара чувствовала его злость. Когда она сказала ему прекратить расхаживать туда-сюда, и ответить на её вопрос – Моника увидела, что мужчина, буквально, закипает от гнева. И сейчас он был злее, чем когда-либо.

– Я сделал то, что должен был. – Хан размял шею, как делал каждый раз, когда приближался к пределу своего терпения. – Ты умирала, и я сделал всё возможное, чтобы спасти тебя. Конец дискуссии.

Вскочив с кровати, Моника встала перед возлюбленным. Он попытался было обойти её, но она с силой толкнула его назад, впечатывая спиной в комод. Когда Хан зарычал на свою пару – она ответила тем же.

– Я сама решу, когда мне стоит закончить. Это моё тело, и моя жизнь – и ты изменил их, не так ли? – Хан кивнул. – Тогда у нас есть о чём поговорить. Как ты думаешь?

Мужчина положил ладони на плечи Моника. Даже несмотря на весь свой гнев – он оставался нежным, едва касаясь руками её кожи. Глаза Хана

потемнели от того, насколько он был зол на неё, но Моника понимала, что Боуэн никогда не причинит ей вреда.

– Ты умирала. Мне пришлось...

– Чушь. Скажи мне, почему ты сделал это.

Девушка ждала, раздумывая о том, стоит ли ей ещё больше подтолкнуть Хана. Но прежде, чем она успела ещё раз спросить его об этом, оборотень поцеловал её.

И этот поцелуй был наполнен страстью, а не обидой. Обняв возлюбленного за шею, Моника прижалась к его телу, позволяя ему всецело насладиться этим. Отстранившись, Хан выглядел уже спокойнее, и даже улыбнулся.

– Я сделал это, потому что не мог вынести и мысли о том, чтобы прожить хотя бы день без тебя. Я сделал это, потому что ты нужна мне. Сейчас и навечно. Я сделал это, потому что, даже несмотря на то, что ты большую часть времени сводила меня с ума, я люблю тебя так, как не любил никого в своей жизни, – Хан вновь поцеловал Моника. – Я люблю тебя. Мне жаль, что я сделал это с тобой. Я понимал, что нам стоит...

– Хан? Заткнись и просто займись со мной любовью. Пожалуйста?

– С удовольствием.

Подняв свою пару, Хан понёс её к кровати. Нависнув над Моникой, он принялся снимать свою рубашку, и девушка удобнее села, наблюдая за своим мужчиной. Она крайне сомневалась в том, что ей когда-то надоеет видеть Хана обнажённым. Но прежде, чем снять брюки, Боуэн вытащил что-то из кармана, и сел рядом с Моникой.

– Мне сказали, что ты хотела бы, чтобы я вновь надел это на тебя, – чуть развернувшись, чтобы посмотреть на него, прежде чем Хан успел бы застегнуть застёжку на её шее. – Видимо, у Дилана достаточно секретов от нас.

Моника кивнула.

– Я уверена в этом. Он очень скрытный и сдержанный человек, не так

ли?

– Да, как и всегда. Думаю, теперь мы понимаем почему. Дилан боялся, что мы будем относиться к нему по-другому, если узнаем, как многое ему известно. – Чуть развернув Монику, Хан расположил возлюбленную на своих коленях. – Но сейчас я не хочу разговаривать о моём брате. Я хочу заняться любовью со своей женой.

Опрокинув девушку на спину, и нависнув над ней, Боуэн обрушил свои губы на её. Когда оборотень, схватившись за воротник её футболки, разорвал её на теле возлюбленной, Моника не могла отвести взгляд от его глаз. Почувствовав, как что-то движется под её кожей, девушка вновь посмотрела на Хана.

– Это твоя кошка. Она жаждет моего зверя. – Наклонившись к груди Моники, Хан нежно сжал её сосок между губ, прежде чем вновь поднять взгляд на возлюбленную. – Когда мы вернёмся домой, нам стоит пробежаться по лесу за моим домом, и я позволю своей кошке овладеть тобой. Он хочет сделать вас обоих своими.

В следующий раз, когда её кошка приблизилась к поверхности – Моника больше не сопротивлялась ей. Вновь оторвавшись от груди своей женщины, Хан посмотрел на неё сверху вниз. Его кошка тоже была так близко – девушка чувствовала его.

– Если ты сделаешь это – от этой комнаты ничего не останется. Моя пантера хочет вырваться на свободу и, поверь мне, она собирается насладиться этим.

Хан прислонился лицом к плечу Моники, и она почувствовала, как мурлычет её пара. Это ощущение опустилось вниз по её телу, будто его прикосновение.

– Хан, я не могу... Как мне усмирить её? – Мужчина рассмеялся, встав на ноги. – Хан?

– Накинь на себя рубашку. Мы выйдем на улицу, чтобы пробежаться. – Боуэн потянулся за своей рубашкой, и, не озаботившись обувью,

направился к двери. – Поторопись, Моника. Солнце скоро взойдёт, и я предпочёл, чтобы никто из домашних не видел, куда мы идём.

Оборотень скрылся за дверью, и Моника задержалась всего на секунду, прежде чем, спрыгнув с кровати, последовать за ним. Надев первое, что попало ей под руку, она вышла вслед за возлюбленным.

Остановившись у террасы, Хан ждал свою пару. Он был взволнован, понимая, что Моника разделяет его чувства. Когда девушка обняла его за спину, обернув свои руки вокруг его тела, мужчина накрыл её ладони своими, удерживая рядом.

– Прежде, чем обратиться, нам нужно раздеться. Мы можем сделать это и в одежде, но она попросту разорвётся на нас. Мы спрячемся за теми деревьями, чтобы сделать это, – Хан почувствовал, как Моника ответила кивком на его слова. – Всё, что тебе нужно сделать, чтобы обратиться – представить свою кошку. Это не будет болезненным. Возможно, для первого раза, ты почувствуешь небольшой дискомфорт, но потом это ощущение пройдёт. Но когда ты захочешь обратиться обратно – просто подумай о себе-человеке, и кошка отступит, повинувшись твоему желанию.

Хан чувствовал, что его пара нервничает, но терпеливо ждал, когда она решится. Мужчина понимал, что у Моника сейчас много вопросов, и их станет ещё больше после оборота. Хан тоже нервничал. Он любил эту девушку, и не хотел, чтобы она боялась.

– Она не навредит тебе? – Мужчина хотел было рассмеяться, но был рад, что сдержался, когда Моника продолжила: – Она заставляет меня думать о том, что хочет твоей крови. Не знаю, чтобы это могло значить: она хочет ранить тебя или это по какой-то другой причине?

– О, она хочет. Но не моей крови, а моего зверя – твоя кошка, настолько же хочет связать себя с ним, как и моя желает того же по

отношению к твоей. Им нужно заклеить друг друга, пустив кровь, а оставшиеся после этого шрамы – способ показать миру оборотней, что мы принадлежим друг другу, – развернувшись, Хан посмотрел в глаза Монике. – Ты готова?

Она кивнула, и пара, держась за руки, направилась к деревьям. Когда она начала раздеваться, то спросила его ещё кое-что:

– Когда я буду в горячке? Кэйтлинн сказала, что это так называется. Она рассказала мне, что ты будешь знать, и это будет происходить четыре раза на год, – Моника, обнажившись, посмотрела на Хана. – Я хочу ребёнка от тебя.

– Когда придёт время твоей первой горячки, мы оба узнаем об этом. Когда у нас появится ребёнок – твой цикл начнётся повторно на некоторое время. – Раздевшись, мужчина приблизился к своей паре, его член был твёрд и горел желанием. – Когда ты хочешь иметь ребёнка, Моника? Хочешь немного подождать?

Обнажившись, Моника подошла к Хану и обняла его. Когда мужчина, притянул её к себе, приподнимая, девушка обернула свои ноги вокруг его торса. Пару раз Боуэн потёрся членом о её киску, чувствуя, как влага покрывает его плоть. Прижав возлюбленную к ближайшему дереву, он обрушил свой рот на её. Ещё немного, и навряд ли бы они добрались до леса.

– Я хочу ребёнка так скоро, насколько это вообще возможно, – проговорила Моника, уткнувшись в шею оборотня. – Я хочу забеременеть уже к следующей горячке.

Приподняв девушку чуть повыше, Хан жёстко вошёл в неё членом. Моника замурлыкала, и Боуэн едва ли не сошёл с ума от этого. Он двигался быстро и жёстко, но едва ли почувствовал приближение оргазма – вышел из тёплого тела возлюбленной, и когда та вновь потянулась к нему – Хан остановил её:

– Нет. Я хочу кончить внутри тебя в облики кошки. Я хочу прижать

тебя к земле, взяв сзади. Обратись для меня, Моника. Я хочу увидеть, насколько прекрасна твоя кошка.

Мужчина видел, как его пара пытается обратиться. Не то, чтобы он не мог призвать её кошку, но Хан понимал, насколько этот путь был бы болезненным, и хотел, чтобы её первый оборот был настолько комфортен, насколько он смог бы это сделать, насколько они могли бы это сделать. Начав оборот, руки Моника чуть вытянулись, покрываясь шерстью – Боуэн наблюдал за тем, как его прекрасная женщина превращается в ещё более прекрасную кошку.

Когда её зверь направился к нему, Хан опустился на колени.

– Господи, детка ты великолепна. Я никогда не видел ничего прекраснее.

Хан почесал пантеру между ушей, за что был вознаграждён мурлыканьем. Когда она начала ластиться к нему, мужчина позволил Монике повалить его наземь, продолжив свои забавы. И когда пантера отступила, Боуэн последовал за ней, поднимаясь на ноги, и обратился.

Связь немедленно скрепила их. Хан никогда не мог войти в мысленный вербальный контакт с Моникой, когда она была в человеческом облики, и надеялся, что её оборот в пантеру поможет решить эту проблему. Когда его пара вырвалась вперёд, убегая от него, Хан дал ей немного форы. Здесь они были в безопасности, и мужчина пообещал себе, что, когда они окажутся дома – он покажет ей, что ей следует бежать вровень с ним. На их земле были хищники. Когда Боуэн почувствовал страх своей пары, он понял, что Моника успела убежать слишком далеко, и немедленно бросился вслед за ней.

«Возвращайся. Он может ранить тебя,»– её загнал в угол огромный гризли, что крайне не понравилось Хану. – «Я сказал отойти...»

Когда Моника села, подняв голову, бросая вызов медведю, тот упал на четыре лапы. Казалось, что они разговаривают сейчас, и Хан не стал мешать им. Даниэль попросил их о возможности пробежаться по этой

земле, когда приезжал в город, и, видимо получил разрешение.

«Он сказал, что знает меня. Сказал, что я вошла с ним в контакт, когда меня ранили,» – девушка вновь посмотрела на него. – «Он человек».

«Технически, он – вер-медведь. И, да. Он позвонил, сказав мне, что ты вошла с ним в контакт, когда тебя ранили. Он помог нам найти тебя,» – Хан хмыкнул, вспомнив о том, как они искали её. – «Он один из хороших парней.»

«Он так и сказал. Говорит, что надерёт мне задницу, если я брошусь на него. Это правда?»

Поднявшись на лапы, Хан посмотрел на гигантского медведя. Должно быть, тот весил не меньше семисот фунтов (*700 фунтов – примерно 317,5 кг, – прим. перевод*). Её же кошка, вероятно, как максимум, весила четверть этого, и то только потому, что была оборотнем, а не обычной пантерой.

«Думаю, ты смогла бы одолеть его.»

Должно быть, Моника передала его слова Даниэлю, если судить по рыку вер-медведя.

«Но не сегодня,» – продолжил Хан. – «У нас есть планы».

Мужчина прыгнул в противоположном от Даниэля направлении, зная, что его пара последовала за ним. Он вёл её к месту, что обнаружил всего пару дней назад, до того, как всё дерьмо свалилось на их головы. И едва он вновь увидел свою находку, Хан знал, что Монике это место тоже понравится.

Озеро было искусственным, но не менее красивым от этого. Боуэн сел на берегу, наблюдая за тем, как его пара приближается к нему с противоположного берега. Сев рядом, Моника прислонилась головой к своему мужчине. Теперь, когда они прекратили свой забег, Хан учуял её запах, ткнувшись в её морду. Когда Моника встала на лапы, оборотень обошёл её сзади, и, подпрыгнув, надавил своими лапами на её плечи. Её зверь подчинился, но не без ворчания. И его кровь вскипела от этого.

Им не нужны были слова. Казалось, они были вместе вечность. И Хан

хотел эту вечность рядом с ней. Прижавшись к своей паре, мужчина почувствовал, как она отвечает ему. И вскоре, когда Моника последовала его молчаливому указу, чуть подвинувшись, Боуэн глубоко вошёл в неё, впившись зубами в холку, удерживая возлюбленную на месте.

Боже, он уже был так близко. Ускорившись, оборотень знал, что как только кончит в Монику, ему нужно будет обратиться, взяв девушку ещё раз, но на этот раз в человеческом облики. И как только её кошка приподнялась, прижавшись к нему, Хан кончил. Его зверь зарычал у её шеи, и Моника подняла взгляд на Боуэна. Тем не менее, он хотел ещё большего.

«Обратись», – велел он ей, наблюдая за тем, как тело его пары становится человеческим, одним плавным движением.

С его головы едва ли не вылетело, что ему нужно и самому обратиться, и Хан был рад, что подождал того момента, когда Моника окажется перед ним совершенно обнажённой. Боуэн наклонился мордой к её киске, пробуя возлюбленную на вкус.

– Да, – вскричала она, ложась на спину, больше раскрываясь для него.

Хан чувствовал, что её соки смешались с его спермой, но он хотел большего. Пройдясь языком по киске Моника, мужчина не сдержал стон. Он хотел, чтобы она кончила, позволив его кошке испытать её удовольствие.

Его член болел, но оборотень знал, что вскоре получит желаемое. Тело Моника жаждало его, и чем больше он испивал с неё, тем больше понимал, что жаждет большего. И когда девушка закричала в своём освобождении, Хан набросился на неё, не в силах больше сдерживать себя. Отстранившись от Моника, Боуэн обратился, нависнув над телом возлюбленной.

И как только он вошёл в тело своей пары, Моника обвила его торс ногами. Хан чуть подался вперёд, наклоняясь ниже к её лицу. Он был так глубоко внутри неё... Когда Моника уткнулась носом в его плечо, оборотень почувствовал, как сжались его шары. А когда девушка укусила

его, он знал, что этот оргазм будет жёстким.

Её язык дразнил его. Её тело согревало его. И когда зубы Моники оцарапали его горло, Хан обхватил попку возлюбленной ладонями. Она убивала его, но он был более, чем готов пойти по этому пути. Когда зубы возлюбленной глубоко впились в его кожу, мужчина скользнул пальцем в её попку, чувствуя приближение собственного оргазма.

Когда внутренние мышцы Моники сжались вокруг него, палец Боуэна начал двигаться внутри её попки, задавая свой ритм. Мужчина почувствовал, как вскрикнула в своём, столь же мощном, как и его, освобождении его пара. Хан опустошал себя вновь и вновь, пока не почувствовал, что его тело буквально истощилось. Когда он накрыл её тело своим, Моника вновь кончила, сжимая его плоть внутри. Мужчина на мгновение прикрыл глаза, после услышав хихиканье своей пары.

— Хоть ты и необыкновенно тёплый, но моя задница скоро заледенеет.
— Оглянувшись, Хан ухмыльнулся Монике. — Не мог бы ты, пожалуйста, перевернуться на спину, чтобы я немного оттаяла?

Боуэн поднялся, неохотно отрываясь от её тела. После того, как помог Монике подняться, Хан обнял её, растирая её тело своими руками. Девушка подняла взгляд на своего мужчину, а тот только оставил на кончике её носа небольшой поцелуй.

— Я не думал о холоде, когда был глубоко внутри тебя. Нам стоило захватить с собой покрывало. — Девушка только фыркнула в ответ. — Хорошо, нам стоило взять пару покрывал, но со мной никогда не случалось такого сумасшествия.

— Как и со мной, — отстранившись, Моника направилась к тому месту, где они оставили свою одежду. — Как думаешь, нам стоило раздеться здесь, пробежаться, а после вновь вернуться сюда? Это могло бы спасти нас от прогулки по лесу... эй!

Хан обратился, пробежав мимо своей пары. Парой секунд позже, Моника присоединилась к нему в своём зверином облики. И весь путь до

того места с которого начали, пара играла в свой собственный вид салочек. А после, одевшись, Хан не мог перестать прикасаться к своей возлюбленной. И в дом они вошли только, когда уже подали завтрак.

ГЛАВА 20

– Тужься, Кэйтлинн. Тужься, и совсем скоро мы увидим нашего малыша.

Кэйтлинн посмотрела на доктора, а после перевела взгляд на Уокера. Он знал, что после ещё заплатит за это. Мужчина поцеловал свою пару в нос.

– Я больше никогда не буду рожать. Если ты захочешь ребёнка – это будет твоя забота, – женщина принялась тужиться, когда наступила ещё одна волна схваток, и Уокер протянул ей чайную ложечку льда, за её старания. – И когда это закончится, если вообще когда-либо закончится, я хочу ужин. Стейк со всем этим гарниром.

Уокер кивнул.

– Что-то ещё? Возможно пирог на десерт? Или хочешь пирожное или даже два?

Впившись в супруга взглядом, Кэйтлинн вновь принялась тужиться, когда доктор Эдгар Хэйнинг велел ей это. Уокер поддерживал её. Впрочем, он и должен был. Женщина тужилась сильнее, разозлившись, и мужчина был обеспокоен тем, что роды длились так долго. Как и Эдгар.

– Ещё раз, милая, и ты сможешь увидеть своего сына. И он большой, как я вижу.

Кэйтлинн посмотрела на доктора, и Уокер прикрыл её рот рукой, прежде чем та успела вновь оскорбить несчастного мужчину.

– Веди себя хорошо, или не получишь ничего, кроме бутерброда с арахисовым маслом и желе, – женщина зарычала в ответ, чем удивила

доктора. – Веди себя хорошо.

Ещё раз потужившись, Кэйтлинн наконец увидела своего сына. Он весил целых десять фунтов и четыре унции (*около 4,6 кг, – прим. перевод.*). Когда Эдгар положил малыша на грудь женщины, ребёнок стал вертеться в поисках своего обеда. И вскоре, едва ли нашёл сосок, он ухватился за него так, будто делал это не впервые, а в течении многих лет.

Кэйтлинн посмотрела на своего сына, и Уокер вновь почувствовал, что влюбился в свою жену. Он поцеловал её в губы, пока ребёнок продолжал свою трапезу. Когда Уокер прикоснулся к маленькой головке малыша, его сын посмотрел на него, и их связь была установлена. Отец и сын могли общаться даже с такого маленького возраста. Мужчина послал ощущение любви своему ребёнку

– Ты собираешься рассказать им о нашем ребёнке?

Держа сейчас малыша на руках, Уокер не хотел отпускать его, и потому только покачал головой.

– Уокер, отдай мне нашего сына, и иди, сообщи своей семье, что он в порядке. Они разрушат это место, если ты не сделаешь этого.

Кэйтлинн была права, и мужчине не оставалось ничего, кроме как последовать её словам. Передав возлюбленной малыша, Уокер вновь поцеловал их двоих, а после вышел из палаты. Он почти добрался до приёмной, когда увидел брата и его жену. Через несколько месяцев у Хана и Моники тоже появится ребёнок.

Обняв брата, Уокер поцеловал Монику. Она сияла. Вместе с ними, мужчина вошёл в комнату, наполненную людьми, ждавшими появления его первого ребёнка. Оборотень ухмыльнулся им.

– Они оба в порядке. У него десять пальчиков на руках, и десять на ногах, а его вес чуть больше десяти фунтов. И малыш начал кормиться от груди Кэйтлинн, едва ли нашёл её. Думаю, его будет трудно накормить, – собравшиеся поздравили молодого отца, и Уокер посмотрел на своего папу.
– Хочешь сейчас узнать, какого он пола?

– Ты же знаешь, что хочу. Я, будто на иголках, ждал этого почти пять месяцев. Тебе должно быть стыдно за то, что заставляешь старика ждать в такой важный момент. Что, если бы я умер в незнании? Что бы ты сделал тогда?

– Похоронил бы это на листе бумаги для тебя. И мы оба знаем, что ты не собираешься умирать, пока не увидишь всех своих внуков. Ты бы пошёл на сделку с самим Дьяволом, если бы пришлось. В смысле, если ты ещё этого не сделал, – Уокер перевёл взгляд на маму. – Он же не сделал этого?

– Прекрати и скажи нам это. Я хочу называть его как-то иначе, чем «Малыш-Боуэн». Ты сказал, что расскажешь мне, когда он родится, – его отец посмотрел по сторонам. – Разве не это он сказал?

– Старый дурак, Уокер сказал, что они расскажут нам всё, – его мама улыбнулась ему, и продолжила: – Как там наша милая Кэйтлинн? Она же не убила доктора, правда? Когда она расстроена, она может быть просто невыносимой.

Уокер поцеловал маму в щеку.

– Она в порядке. И ты права, мы оба расскажем вам. Я вышел, чтобы поделиться новостью. У нас родился сын, и с ним всё в порядке. Как только Кэйтлинн переведут в её палату, я позову вас. Сейчас малыша должны отнести в детскую.

Вновь поцеловав Коррин в щеку, Уокер вернулся к жене. Она уже была одна, и прикрыв глаза, лежала на кровати. Боуэн тихо присел около неё на стул. Кэйтлинн, приоткрыв веки, посмотрела на возлюбленного.

– Он попытался выведать пол малыша? – Уокер кивнул со смехом. – Старый хрыч. Иди сюда и поцелуй меня. И где же мой ужин?

Оборотень попросил Хана позаботиться об этом, как только услышал просьбу своей пары.

– Он будет здесь в шесть. Осталось всего пятнадцать минут.

Забравшись на койку, Уокер прижал Кэйтлинн к себе. Она была тёплой и мягкой, и мужчина невероятно любил эту женщину. Вскоре его

пара задремала, а когда вошла медсестра – улыбнувшись, сотрудница больницы оповестила Боуэна, что должна проверить состояние его жены. И едва ли он пошевелился, Кэйтлинн проснулась.

– Я хочу быстрее вернуться домой. Как думаешь, ты сможешь это устроить? Хочу домой с тобой и сыном. Пожалуйста, Уокер?

Мужчина кивнул, направившись на поиски доктора.

Эдгар тоже был оборотнем, и знал, что Кэйтлинн хорошо позаботится о себе дома, потому и разрешил ей эту маленькую прихоть. И уже спустя пять часов, они привезли её домой, а отец Уокера всё время сутился рядом.

Он действительно обрадовался новости о возвращении домой. Уокер собирался разрешить мужчине поддержать своего внука, а после рассказать ему. Он не мог дождаться того, чтобы сказать, что они с Кэйтлинн решили назвать своего сына Джорджем.

Хан ехал к дому брата, а Моника сидела рядом с ним. Её живот едва был замечен, и мужчина, протянув руку, накрыл его ладонью. А девушка не удержалась от того, чтобы накрыть ладошкой его пальцы.

– Ты знаешь, кто у нас будет, не так ли? – Моника кивнула в ответ. – Не говори мне. Я не хочу знать. Скорее всего, это мальчик. В нашей семье на протяжении многих поколений рождались одни мальчики.

Его пара промолчала, только устроив голову на сидении. Она выглядела столь умиротворённой, что, припарковав машину, Хану не хотелось будить её. Она так уставала в последнее время.

Проснувшись, Моника улыбнулась мужу.

– Я люблю тебя. И это чувство всё сильнее с каждым днём.

– И я люблю тебя. Это взбудоражит Кэйтлинн и Уокера. Я не удивлён,

что она никому не сказала, но Уокеру следовало поостеречься, если он знал то, чего не ведал твой отец.

– Папа злился. Он чувствовал нетерпение от того, что, вместо того, чтобы просто сказать ему – Уокер с Кэйтлинн ждали, пока все соберутся. Он бы не выдержал, подожди они ещё дольше.

Хан обошёл машину с другой стороны, чтобы помочь своей жене. Даже на ранних сроках беременности, Моника была немного не в себе. Сейчас начало мая, а у них был всего шестой с половиной месяц. Он едва ли мог дожидаться.

Моника уснула, едва сев, и Хан укрыл возлюбленную одеялом. Он улыбнулся Дилану, когда тот сказал, что посидит с возлюбленной брата. А когда Моника проснулась, Хан направился за соком. Вернувшись, Боуэн застал свою пару и брата веселящимися над чем-то.

– Дилан сказал, что мне стоит рассказать тебе. Он сказал, что ты будешь переживать.

Хан тяжело осел.

– Всё хорошо, Хан. Клянусь.

– Это мальчик или девочка?

Моника только кивнула.

– Я имею в виду, кто у нас будет. Это мальчик или девочка?

Встав на ноги, Дилан не сдержал смешка.

– Подумай об этом, старший братец. Я уверен, что скоро ты узнаешь.

Хан посмотрел на Монику, когда его брат оставил их наедине. Она выглядела такой счастливой, что он хотел...

– Дерьмо. Это и мальчик, и девочка.

Девушка рассмеялась, кивнув вновь. Чёрт побери, у них будут близнецы. И внезапно Хан почувствовал себя очень уставшим.